

Темный
роман

ДО

Братья во тьме. Книга 1

ТЬМЫ

ДОРИ ЛАВЕЛЛЬ

Я думала, что любить легко. Теперь я так не думаю.

Сказать «да» на предложение руки и сердца от Уинстона Слейда было легко.

Сохранить бриллиантовое кольцо на моем пальце оказалось не просто.

Но уже слишком поздно. Уинстон получает, что хочет. И не отдает, что считает своим.

Он совершенен снаружи. Мы все идеальны. Но иногда это — изъясн, завернутый в красивую упаковку, а то, что мы называем любовью, лишь иллюзия.

Любовь Уинстона подобна океану, и я тону в нем. Когда я всплываю глотнуть воздуха, он тянет меня вниз. Пока тьма, что живет в его сердце, не окружит и не поглотит нас обоих.

Теперь пути назад нет ни для него, ни для меня.

Я не могу удержаться от падения, но смогу ли остановиться до удара об землю?

До тьмы
Дори Лавелль

Дженна

Дарлин Ларсон, мой босс из ада и менеджер по интернет-маркетингу в «Слейд Энтерпрайзис», врывается в офис. Она может ничего не говорить, я и так вижу, что она в дурном настроении.

Складки у ее рта стали казаться глубже, чем были вчера. Кто-то упоминал, что когда-то она была позитивным человеком, задолго до того, как я стала работать в компании. Все изменилось, когда друг детства бросил ее у алтаря. Каждый раз, когда она ведет себя со мной, как сука, я напоминаю себе о том случае. На ее месте я бы тоже огорчилась.

— Дженна, тебя срочно ждут на четырнадцатом этаже.

Звук ее голоса разрезает воздух, как лезвие бритвы.

Интерны резко вскидывают головы, они открывают рты одновременно с тем, как у меня внутри все обрывается.

В течение полутора лет, которые я проработала в «Слейд Энтерпрайзис», Дарлин частое давала понять, что четырнадцатый этаж — там, где располагался офис генерального директора — запретная зона для таких, как мы.

Я наполняю легкие воздухом с ароматом лимона и наклоняю голову.

— Но ты сказала...

— Я знаю, что я сказала.

Дарлин выпятила свою большую грудь и впиалась в меня взглядом своих глаз медового цвета.

— Я так же удивлена, как и ты, что генеральный директор хочет видеть тебя — простого помощника менеджера.

Я скрещиваю пальцы под столом и пожимаю плечами.

— Он не сказал, по какому поводу?

— Его секретарь ничего не сказала.

Она наблюдает за мной еще пару ударов сердца, из-за напряжения между нами потрескивает воздух.

— Чего ты ждешь?

— Э-м-м... хорошо.

Я перевожу свой компьютер в спящий режим, а затем отрываю задницу от кресла.

Когда я проталкиваюсь мимо Дарлин, то улавливаю шлейф ее удушающего мускусного парфюма. Мой нос покалывает из-за желания чихнуть, но мне удается сдержаться. Должно быть ее убивает любопытство, почему меня вызвали на четырнадцатый этаж. Ее саму вызывают туда не часто.

Стоя в лифте, я пытаюсь собраться с мыслями. Но у меня подгибаются колени, как только двери лифта открываются, являя виду Ангелию Кокер, личную помощницу генерального директора. Она собрала свои огненные волосы в тугий пучок и сейчас серьезно смотрит на меня серыми глазами из-за очков без оправы. Она просит меня следовать за ней.

— Мистер Слейд ожидает вас в своем офисе.

Она показывает в направлении длинного коридора.

— Последняя дверь слева.

Я киваю и обхожу ее. Она знает, что происходит? Кто-нибудь знает?

Достигнув двойных деревянных дверей, ведущих в офис генерального директора, расправляю свою розовато-золотистую блузку и глубоко вдыхаю, чтобы унять сердцебиение. Задерживаю дыхание, прикладываю обе ладони к дереву и толкаю дверь, чтобы войти в офис, который намного больше моей крошечной квартирki.

Офис выполнен в черно-белой гамме, яркий солнечный свет льется сквозь окна от пола до потолка с видом на Нью-Йорк. Офис, определенно, соответствует генеральному директору компании, входящей в топ-100 по версии «Фортуны». «Слейд Энтерпрайзис» — межнациональная технологическая организация стоимостью в миллиарды.

Обстановка в комнате такая, что в ней страшно сидеть, по ней ходить и даже прикасаться к чему-то в ней — дорогие кожаные диваны и оттоманки, дорогостоящие ковры, эксклюзивные декор и предметы искусства. К офису даже прилегает ванная комната, которую я имела тайное удовольствие видеть несколько месяцев назад.

— Закрой двери, — командует Уинстон Слейд чисто профессиональным тоном.

Одетый в один из своих серых костюмов, он по-хозяйски располагается за массивным стеклянным столом.

Солнечный свет, струящийся из окон позади него, заставляет серебряные волосы, прячущиеся в его густых каштановых волосах сверкать, как блики. Его пленительные глубокие темно-карие глаза, точеные черты лица в сочетании с подбородком с небольшой ямочкой и уверенно расправленные плечи делают невозможным оторвать от него взгляд. Его невероятно привлекательная внешность завораживает любую женщину, включая меня.

Мои коленки трясутся, пока я подхожу к его столу, который находится на довольно приличном расстоянии от двери. Я чувствую, что юбка-карандаш немного жмет, а на моем лбу выступают капельки пота. Я так нервничаю, что моя блузка даже прилипает к спине.

Я не видела его две недели, которые он провел в командировке в Европе. Ничего не изменилось, пока его не было. По крайней мере, с моей стороны. Я вижу его, и в моем животе просыпаются бабочки.

Мои каблуки стучат по деревянному полу, пока я приближаюсь еще ближе.

Не отрывая взгляда темных глаз от моего лица, он складывает руки поверх стопки бумаг.

Он не произносит ни слова, пока я сажусь в одно из кожаных кресел сбоку от его стола. Я наклоняюсь вперед.

— Уинстон, что ты делаешь? Я думала, мы согласились, что...

Он откидывается в кресле.

— Как босс я устанавливаю здесь правила. Также я имею полное право их нарушить.

— Вот как, мистер Слейд?

Уголки моих губ дергаются.

— Скажи мне, собираешься ли ты ввести новые правила взамен тех, что уже нарушил?

Он встает из-за стола, берет в руки пульт и закрывает жалюзи, чтобы никто не видел того, что происходит в офисе. Несмотря на то, что это помогает мне почувствовать себя в большей безопасности, поскольку я знаю, что у нас есть некоторое уединение, я не могу не думать, что подумают люди по другую сторону стены. Босс, закрывающий жалюзи, находясь в кабинете с мелкой служащей, может спровоцировать волну сплетен.

Уинстон огибает стол, подходит ко мне и кладет ладони мне на плечи. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в макушку, и кожу моей головы овеивает его теплое мятное дыхание.

Я закрываю глаза, чтобы насладиться опьяняющим ощущением электрического тока, распространяющегося по моему телу.

Слишком скоро он отнимает от меня руки и пристраивается на углу стола, смотря на меня, наблюдающую за ним.

— Дженна, я скучал по тебе.

— Я тоже по тебе скучала, — тихо произношу я. — Но нам нельзя встречаться и говорить о таких вещах в офисе, помнишь? Нам вообще нельзя разговаривать.

— Я намерен положить этому конец.

Он выпрямляется во весь рост и подходит к одному из окон, обозревая город.

— Я считаю, что эта история порядком затянулась. Настало время перемен.

Я приподнимаю бровь.

— Каких перемен?

Он снова смотрит на меня, и у меня переворачивается сердце. То, как он смотрит на меня с расстояния, аура властности вокруг него почти сводят меня с ума. Даже в сорок три — он на пятнадцать лет старше меня — он самый роскошный мужчина, которого я знала и с которым была.

Размашистым шагом он возвращается к столу, поднимает хрустальный кувшин с водой и наливает мне стакан.

— Мне нужно кое-что сказать тебе.

— Хорошее или плохое?

Я делаю глоток прохладной воды и снова задерживаю дыхание.

— И то, и другое.

Прежде чем продолжить, он делает паузу, заставляя меня нервничать еще сильнее.

— Давай, Уинстон, что ты хочешь мне рассказать? Мне нужно возвращаться к работе.

Дарлин, вероятно, уже посматривает на часы.

Уинстон прислоняется к столу.

— Боюсь, что твоя работа в «Слейд Энтерпрайзис» окончена.

— Что ты имеешь в виду?

Я отнимаю стакан от губ и ставлю на колени.

— Я не понимаю.

Что-то тут не так. Я нутром это чувствую.

— Дженна, я вызвал тебя сюда, потому что должен был сказать, что все кончено. — Он пропускает свои густые волосы через пальцы. — Этот офисный роман больше меня не интересует. Мне нужны перемены.

Я отшатываюсь, будто он меня ударил, а затем пытаюсь проглотить ком в горле. Не удается.

На самом деле у меня нет права удивляться. Мы оба с самого начала знали, что это лишь интрижка. Просто я никогда не думала, что все закончится так неожиданно и без предупреждения.

Я даже не уверена, можем ли мы назвать это расставанием. Мы не состояли в отношениях. Просто спали друг с другом при первой возможности, и он возил меня в красивые места, но только для секса. Он заставил меня делать и чувствовать то, что я никогда прежде не делала и не испытывала.

Мои родители думают, что я хорошая девочка, строю карьеру в Нью-Йорке. Они понятия не имеют, что я полгода тайно сплю со своим боссом. Я удивлена, что нам так

долго удавалось сохранять свою интрижку в тайне. Депрессия моего отца вернется, если он об этом узнает.

Я пыталась покончить с этим раньше, но так и не решалась. Есть что-то в Уинстоне, что притягивало меня к нему и что меня не отпустит. Его прикосновения всегда вызывали во мне перегрузку чувств. Сексуальное притяжение было таким сильным, что я не могла ему противостоять.

Впервые я заговорила с ним, когда мы оба застряли в лифте. Дарлин дала мне проект, из-за которого я работала допоздна, и так случилось, что он тоже засиделся за полночь. Я была шокирована тем, как легко было завязать разговор, полившийся непринужденно. Хотя никогда раньше я не видела его лично, что не удивительно, ведь он редко появлялся в здании.

В конце нашего недолгого времени вместе, он сказал мне, что хочет узнать меня лучше. Несмотря на искры между нами, я ему отказала. Но он не унимался. Последовали тайные электронные письма и телефонные звонки. Он недвусмысленно дал понять, что хочет, чтобы я стала больше, чем просто сотрудником его компании.

Через две недели его преследования, я оказалась лежащей на нем сверху в постели в роскошном отеле, которым он владел. Нам вместе было так хорошо в постели, что я не испытывала вины и не ощущала себя развратницей. Находиться в его руках было великолепно.

Теперь, пока я жду, когда он разобьет мое сердце, едва могу дышать. Между нами все еще так много страсти. Я думала, что сначала погаснет огонь, прежде чем мы решим, что нам пора расстаться. Похоже, я ошибалась.

— Почему ты так поступаешь?

Мой голос похож на сдавленный шепот.

— Потому что все меняется. Люди меняются.

Я взмахиваю руками.

— Все так просто, да? Просто все кончено.

Он поправляет свой черный галстук.

— Сначала я должен кое-что сделать.

— Что?

Я игнорирую жжение в глазах.

— Я должен тебя отпустить.

Он даже не моргает.

— Ты меня увольняешь? — Все мое тело охватывает жар. — Это несправедливо, ты так не считаешь? Ты был инициатором нашего романа. А платить за это должна я?

Мне нужна эта работа. Я облажалась, но мне правда нужна эта работа. «Слейд Энтерпрайзис» — одна из самых желанных компаний в мире. Теперь я упустила свой шанс, и все из-за мужчины. Благодаря моей слабости к нему, я уйду из этого здания, покрытая позором, и вероятно без рекомендательного письма.

— Не грусти. Это к лучшему, поверь мне.

Он наклоняется вперед.

— Просто выслушай меня, хорошо?

Я плотно зажмуриваю глаза и распаиваю их снова.

— Уинстон, я считаю несправедливым, что ты увольняешь меня из-за...

— Того, что ты трахалась со мной?

Он выгибает бровь.

— Не называй это так.

Он все опошляет.

Уинстон подходит ко мне ближе, принося с собой запах своего одеколона — цитруса с нотками специй.

— Дженна, посмотри на меня.

Мужчина замирает.

— Я увольняю тебя из-за конфликта интересов.

Я растерянно трясую головой.

— И что это значит? Я не понимаю. Почему ты не можешь порвать со мной, но не увольнять? Мы все равно на работе едва пересекаемся.

— Но я имел в виду не это.

Он приподнимает мой подбородок пальцем.

— Я хочу видеть тебя чаще.

Я хмурюсь.

— Переходи к сути, Уинстон. Так я уволена или нет? Мне пойти и упаковать свои вещи?

Он коротко кивает.

— Я определенно хочу, чтобы ты пошла, собрала свои вещи и покинула здание. Но не из-за того, о чем ты думаешь.

Он опускается на корточки у моих ног.

— Я увольняю тебя, потому что хочу тебя повесить. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Дженна. Я считаю, что будет сложновато, если ты продолжишь работать здесь. Не хочу, чтобы ты стала ходячей мишенью.

— Ты делаешь мне предложение?

У меня отвисает челюсть, и я подношу пальцы ко рту. Мое сердце бешено стучит.

— Уинстон, что...

Вместо слов, он тянется в карман и достает оттуда черную бархатную коробочку. Он распахивает ее большим пальцем. С белого шелка на меня смотрит безупречное кольцо с изумрудами и бриллиантами. Он хитро улыбается.

— Когда я увидел его в магазине в Париже, понял, что оно отлично тебе подойдет. Кольцо подходит к твоим глазам.

Я подношу руки к покрасневшим щекам.

— Не могу поверить, что ты это делаешь.

— Зато я могу. Думаю то, что между нами — это магия. Я хочу, чтобы она как можно дольше не кончалась, не кончалась до конца наших жизней. Я хочу, чтобы она никогда не кончалась.

Я резко втягиваю воздух.

— Но, Уинстон, мы даже не встречались. Наши отношения были чисто физическими. Ты не поторопился?

— Я так не думаю. Когда ты знаешь, что человек тебе подходит, нет смысла ждать и тратить время. Жизнь может оказаться слишком короткой. Зачем жить лишь наполовину? Я хочу отдать тебе это кольцо, потому что хочу, чтобы ты помогла мне прожить жизнь на полную.

Он вынимает кольцо из коробочки и тянется к моей руке. Я не успеваю даже сказать «да», как он надевает его мне на палец. Как только кольцо оказывается на месте, на мои

глаза наворачиваются слезы.

— Спроси меня снова, — говорю я, почувствовав прилив адреналина.

— Я буду спрашивать тебя, сколько захочешь.

Он крепче сжимает мою ладонь своими руками.

— Дженна Макнелли, ты станешь моей женой? Ты сделаешь меня счастливейшим человеком?

Не дав себе времени подумать, взвесить все «за» и «против», придумать причины, по которым нам не стоит жениться, я киваю.

— Да.

Я слезаю с кресла. Как только мои колени касаются пола, обвиваю его шею руками. Наши губы соединяются в отчаянном голодном поцелуе, который приносит мне радость и кружит голову.

Мы долго не разжимаем объятий, а потом Уинстон встает и подходит к двери, чтобы ее запереть. Когда он возвращается, помогает мне подняться и целует меня снова, крепче. А затем поднимает меня на руки и усаживает на свой стеклянный стол. Я касаюсь задницей холодной поверхности, когда он задирает мою юбку и встает между моих ног.

Без колебаний, не беспокоясь, что по другую сторону двери могут быть люди, он входит в меня. Я подавляю крик. Он будто накладывает на меня чары. Ощущение его жесткости внутри меня заставляет меня забыть обо всем. Я забываю свое имя. Забываю все слова. Забываю, где мы.

Он прочно удерживает меня на месте и быстро движется во мне, не разрывая поцелуя. Наконец, он отнимает от меня свои губы, не замедляя темпа.

— Я так хочу тебя, — шепчет он.

— Я уже твоя, — отвечаю.

Не могу поверить, что он мой. Я никогда не смела мечтать, что он даст мне большее, чем то, что уже имею.

Уинстон не заканчивает то, что начал. Он выходит из меня за несколько секунд до того, как я кончу.

— Почему ты вышел? — спрашиваю я, испытывая сексуальное неудовлетворение.

— Это была лишь закуска, детка. Мы закончим, что начали, позже вечером. Я хочу, чтобы ты приехала ко мне на ужин.

— К тебе?

За все время нашей интрижки, он не приглашал меня к себе больше, чем дважды. Мы проводили большую часть времени в номерах отеля или на задних сидениях его автомобиля.

Не единожды я мечтала, чтобы он провел со мной ночь, чтобы он крепко обнимал меня, но я знала, что с ним лишь временно. До этого дня.

— Ну, больше это не мой дом. Он станет и твоим домом и очень скоро.

Я подношу ладонь к губам, мои пальцы касаются влажной кожи.

— Не могу поверить, что ты сделал мне предложение.

— Я не понимаю, почему ты удивлена. Я подумал, что предельно ясно дал тебе понять, насколько ты важна для меня. Мне так хорошо с тобой.

— Но я думала, что между нами только секс.

Я разглаживаю юбку, а после бросаю взгляд на кольцо. Это самое прекрасное кольцо, которое я когда-либо видела. Я даже не хочу думать, сколько он за него заплатил.

— Но ты сделал мне предложение, даже не сказав, что любишь меня.

Он снова обнимает меня.

— Это кольцо на твоём пальце означает, что я люблю тебя. А теперь скажи мне, что тоже меня любишь. Думаю, что да, ведь ты согласилась выйти за меня.

— Да.

Я прикусываю губу.

— Я люблю тебя, Уинстон.

Хоть даже большую часть времени я испытывала к нему лишь влечение, часть моего сердца освещалась каждый раз, как он улыбался мне. Я обожала, когда он был рядом. Постоянно думала о нём, когда его со мной не было. Если это была не любовь, то я не знаю, что это было.

— Не могу дождаться, когда стану твоей женой.

Я даже не знаю, как сообщить близким, что обручена. Никто, даже моя семья, не знал, что я с кем-то встречаюсь.

Он скользит языком меж моих губ, наши тела прижаты друг к другу так близко, что его эрекция упирается мне в живот.

— Лучше уходи, пока я не трахнул тебя снова, — говорит он.

— Увидимся позже. Я пошлю водителя, чтобы он забрал тебя в восемь.

Он легонько шлепнул меня по попе.

— Ни слова никому о нашей помолвке... пока.

Он возвращается в своё кресло по другую сторону стола.

— Мисс Макнелли, предлагаю вам собрать вещи прямо сейчас и покинуть территорию, а то я пришлю охрану, чтобы они выпроводили вас из здания.

— И в чём я виновата, мистер Слейд?

— В том, что трахались со своим боссом посреди дня.

На его лице все ещё сияет озорная улыбка, когда он открывает ноутбук.

— Ты не посмеешь.

Я поднимаю руку, чтобы полюбоваться кольцом. Мне нравится, как в нём отражается свет.

— Рад, что оно тебе нравится, — говорит он.

— Не нравится. Я обожаю его. Оно прекрасно. Ты сделал правильный выбор.

С этими словами я таинственно улыбаюсь ему и выхожу из кабинета, но прежде снимаю кольцо и сжимаю его в руке. Пока что я не готова к вопросам. Мы поделимся этой новостью вместе.

Мне сложно сдерживать радость, когда я захожу в свой офис и вижу, что Дарлин все ещё там и ждёт меня.

— Чего от тебя хотел мистер Слейд?

— Он меня уволил.

Пряча улыбку, я собираю вещи, пока Дарлин смотрит на меня в шоке.

— Почему? — спрашивает она пронзительным голосом. — Твоя босс я. Что ты натворила?

— Он просто сказал, что в «Слейд» мне больше не место. — Я слегка пожимаю плечами. — В любом случае ты обращалась со мной как с дерьмом. Не стесняйся отметить мой уход.

— Ты нужна мне, — вздыхает она. — Для тебя здесь много работы.

— Ты не раз говорила мне, что я бестолочь. Теперь у тебя есть возможность найти кого-то лучше.

Я отворачиваюсь, чтобы опустошить ящики стола.

— Однако не думаю, что мой преемник будет так же хорошо выполнять большую часть твоей работы.

Пока Дарлин проводила все время, рывкая на меня, я обычно выполняла работу, которую ей не хотелось делать.

— Ты кусок...

— Не смей.

Я меряю ее пылающим взглядом.

— Хватит с меня твоих оскорблений.

Я покидаю офис, не попрощавшись с ней. Как только я выхожу из стеклянных дверей здания, расплываюсь в улыбке.

Глава 2

Уинстон делает резкий толчок и замирает, кончая в меня. Он придавливает меня своим телом к матрасу и утыкается носом мне в шею. Его кожа скользкая от пота.

Мое тело ощущается живым, наполненное жаром и экстазом под дорогими простынями.

— Я знал, что не смогу без этого жить.

Он целует меня в губы.

— Я должен был заполнить тебя на всю жизнь.

Я хихикаю.

— Рада, что ты сделал мне предложение.

Он долгое время держит меня в своих объятьях. Я всегда этого жаждала, всегда хотела, чтобы он обнимал меня, попросил остаться. Теперь мои мечты стали реальностью.

В конце концов, он скатывается с меня с довольным вздохом и целует меня в руку. Моя кожа все еще чувствительна к его прикосновениям.

Вскоре он впервые засыпает рядом со мной, все еще обнаженный. Пока он не сделал мне предложение, мужчина таким не баловался. Как только секс заканчивался, он одевался.

В полумраке я еще раз бросаю взгляд на свое обручальное кольцо, и внутри меня что-то меняется. Небольшое изменение с большими последствиями. Вдруг, ни с того ни с сего, я начинаю сомневаться в своем решении.

Я весь день провела в возбужденном состоянии, любовалась своим кольцом, вновь проигрывала сцену в его офисе, когда она сначала уволил меня, а затем сделал предложение. Я ни разу не усомнилась, что поступила правильно. До этого момента. Сейчас возбуждение утихло, и я протрезвела.

Женитьба — это серьезно. Может мне стоило лучше подумать, прежде чем сказать «да»? В тот момент это казалось правильным, но что, если ничего не получится? Мое сердце подсказывает мне, что мы идеально подходим друг другу, но что, если это лишь иллюзия? Что, если сказок не существует?

Я опускаю руку вдоль тела, вдыхаю через нос и выдыхаю через рот, как я делаю на йоге. Запах белых роз вдруг кажется удушающим.

Он постарался на славу. Приехав к нему, я увидела, что каждый уголок пентхауса украшен белыми цветами и свечами. Цвет был идентичен большей части мебели в его доме.

Мое сердце громко стучит, когда я свешиваю одну ногу с кровати, а затем и вторую. Атласные простыни шелестят при каждом моем движении.

Я встаю, стараясь его не разбудить, и на цыпочках иду в мраморную ванную комнату, которая также выполнена в различных оттенках белого цвета, как и остальной дом.

Пол холодит мои ступни, но ему не удается унять лихорадочные мысли. Я подхожу к подсвеченному зеркалу и заглядываю в свои зеленые глаза, резко выделяющиеся на фоне моей загорелой кожи.

Ты действительно этого хочешь, Джэнна?

Голос в моей голове становится все громче, и теперь, когда вокруг стало тихо, мне становится сложнее его заглушить.

Я знаю, почему испытываю сомнения, и это не имеет никакого отношения к моим чувствам к мужчине, которые настолько сильны, что мое сердце готово вот-вот взорваться. Есть лишь одна проблема: у нас не было настоящих отношений. Мы резко перешли от секса к желанию пожениться. Вместе мы пережили будоражащую сторону жизни. Ни разу не поругались, не обсудили ни одной жизненной проблемы. Меня пугает мысль, что однажды, когда в нашей жизни появятся какие-то проблемы, они просто разрушат наш брак. Сейчас наши отношения яркие, но как они будут выглядеть, когда на горизонте появятся тучи?

Я цепляюсь за край раковины, сердце молотом бьется в моей груди. Как я могла быть такой импульсивной? Правильно ли я поступила, уйдя с работы из-за мужчины?

Ранее за ужином, приготовленным личным поваром Уинстона, я подняла тему поиска новой работы. Он попросил меня не переживать, сказал, что на самом деле мне не так уж и нужна работа, потому что он обо мне позаботится. Его ответ меня несколько встревожил, но я проигнорировала это ощущение. И не стала продолжать тему.

Правда состоит в том, что я никогда не позволю себе полностью зависеть от мужчины, даже от такого успешного. Я слишком ценю свою свободу. Я приехала в Нью-Йорк не для того, чтобы найти работу, а чтобы построить карьеру. А теперь я бросаю все ради мужчины. Что подумает моя семья? Они будут шокированы, что, встречаясь с кем-то всего шесть месяцев, я уже готова идти к алтарю.

Пока я стою перед зеркалом, рассматривая свое обнаженное тело, признаюсь себе, что мне страшно. Я боюсь, что все внезапно может пойти наперекосяк. Боюсь, что однажды этот сон закончится, и я пойму, что наша реальность не такая прекрасная, как себе представляла.

Я снова заглядываю в свои глаза, но вздрагиваю, когда пересекаюсь взглядом с Уинстоном. Он стоит на пороге, прислонившись к косяку, и скрестив мускулистые руки. На его губах играет легкая улыбка.

— Все хорошо? — спрашивает он.

Я стараюсь унять сердцебиение и поворачиваюсь к нему.

— Уинстон? Ты уверен, что хочешь этого?

Он входит в ванную комнату и встает напротив меня, сведя брови.

— Хочу чего? О чем ты?

Мужчина заправляет прядь моих волнистых черных волос мне за ухо.

— Я хочу сказать, ты и правда хочешь меня... нас? Навсегда?

— Конечно же, я тебя хочу. Я бы не просил тебя стать моей женой, если бы не был уверен. Я никогда не принимаю решений, в которых не уверен. Благодаря этому качеству я многого добился в бизнесе.

— Но это не бизнес, Уинстон. А личное.

— Поверь мне, Дженна, ты — мой правильный выбор. Я хочу, чтобы мы провели вместе всю оставшуюся жизнь.

— Но у нас не было настоящих отношений. Мы едва ли ходили на свидания. У нас никогда не было полноценных разговоров.

Он проводит пальцем по моей челюсти к подбородку.

— У нас было множество разговоров под простынями.

Я поджимаю губы. У меня краснеют щеки, когда я вспоминаю все разы, когда мы занимались любовью в случайных местах.

— Да ладно, ты знаешь, что я хочу сказать. Мы были вместе шесть месяцев и занимались только сексом. Мы ни дня не провели вместе просто так. Мы так и не узнали друг друга.

— Для этого у нас есть вся жизнь.

— Но...

— Никаких но.

Он целует меня в кончик носа.

— Есть пары, которые встречаются годами, затем женятся, но их брак рассыпается. Некоторые даже разводятся вскоре после обмена клятвами. И о чем это тебе говорит?

Я пожимаю плечами.

— Ты прав. Неправильно судить об отношениях по тому, сколько встречалась пара.

— Именно.

Он подмигивает и кладет обе руки мне на плечи. Я не успеваю сказать и слова, как он разворачивает меня кругом обратно к зеркалу, располагаясь позади меня. Я издаю изумленный вздох, когда одной рукой он накрывает мою вагину, а другой — направляет в меня свой член. Я прикусываю нижнюю губу и наклоняюсь вперед, облегчая ему вход.

Игнорирую голос на задворках сознания, говорящий мне, что в этом-то и проблема. Мы никогда не сможем нормально поговорить, прежде чем упадем друг другу в объятия. Но сейчас я не могу остановиться. Мое тело уже реагирует на его прикосновения.

Я тянусь за спину, побуждая его скользить глубже. Он дает мне то, чего я хочу, не сдерживаясь.

— Как сильно ты этого хочешь? — спрашивает он. — Как сильно ты хочешь меня?

— Ты знаешь, как сильно я тебя хочу.

Мои слова вырываются быстрыми вздохами.

— Я хочу услышать это от тебя, детка.

Он один раз глубоко толкается в меня и замирает.

— Скажи мне.

— Я очень сильно тебя хочу, — выдыхаю я.

Я крепко сжимаю раковину руками и встаю на цыпочки, чтобы было удобнее.

— Вот моя девочка... моя невеста.

Он шлепает меня по ягодице и вновь набирает темп.

Все длится всего несколько минут, и в конце мы оба не можем отдышаться, смеемся и катаемся по полу ванной. Я была глупышкой, беспокоясь, как бы не принять неверное решение. То, что между нами, многие люди ищут годами. Не важно, как долго мы вместе. Каждый раз, как Уинстон прикасается ко мне, под моей кожей разгорается пламя. Должно быть, он создан для меня.

В начале второго ночи он провожает меня вниз, чтобы накормить мороженым в

просторной кухне.

— Почему бы нам не насладиться им в спальне?

Он подмигивает мне.

— Неплохая идея.

Уинстон берет миски с мороженым, и мы возвращаемся в спальню, где он зажигает камин за стеклом и кормит меня холодным сладким десертом в постели. Атмосфера в комнате наполнена романтикой. Тут так много окон, что создается ощущение, что мы спим на улице.

С каждым вдохом, я все больше успокаиваюсь, чувствуя все большую уверенность в нашем решении пожениться.

Мы едва говорим, но взгляды, которыми мы обмениваемся, несут гораздо больше смысла, чем смогут передать слова.

— Скажи мне, что ты счастлива, — шепотом произносит он. — Что счастлива со мной.

В этот момент, прямо сейчас, рядом с ним, внутри нашего маленького пузыря, думаю, что я счастлива.

— Я счастлива, — произношу я, хоть даже на самом деле не знаю, что такое счастье.

— Это самое важное. Никогда не пытайся разрушить свое счастье. Некоторые люди никогда не становятся счастливыми, потому что проводят всю жизнь, задаваясь вопросом, слишком ли все хорошо, чтобы быть правдой. То, что между нами не слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он ставит свою миску и разворачивает меня лицом к себе.

— Когда ты смотришь в мои глаза, что ты видишь?

— Тьму.

Я хихикаю, как маленькая. Его глаза такие темные, что кажутся почти черными. Они придают ему ауру загадочности.

— Что еще ты видишь?

— Свое лицо.

— Это правильный ответ. Ты видишь свое отражение в моих глазах. Ты единственная женщина, на которую я хочу смотреть.

Он кладет мою ладонь рядом со своим сердцем.

— Я люблю тебя, Дженна. Не могу тобой насытиться. Я хочу всю тебя, каждую часть тебя. Я буду всеми силами заботиться о тебе.

— Знаю, что будешь.

Я играюсь с прядью своих волос.

— Но я найду работу. Знаю, ты сказал, что мне она не нужна, ведь ты позаботишься обо мне, но я хочу чем-то заниматься.

Он едва уловимо отстраняется, но я замечаю.

— Не понимаю, зачем тебе это. Нам не нужны деньги.

— Знаю, но это не ради денег. Мне нравится работать.

Уверена, что работа может приносить куда больше удовольствия, если не нависает необходимость зарабатывать на жизнь.

Его глаза, кажется, темнеют еще сильнее, губы сжимаются в прямую линию.

— Ты действительно этого хочешь?

Он вздыхает.

— Ладно. Я понимаю. И уважаю это. Дай мне знать, когда будешь готова начать искать

работу, и я совершу пару звонков.

— Не надо, — я расправляю плечи. — Я найду что-нибудь сама.

Это самый осмысленный разговор, который у нас был. Но я не понимаю, почему испытываю такое сильное облегчение. Мне не нужно его разрешение на работу.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. Если горбатиться в офисе — твое понятие о счастье, тогда я обеими руками за и поддержу тебя на все сто процентов. Но когда ты будешь приходить домой, то будешь только моей.

— Я очень тебя люблю.

Я обхватываю его лицо обеими руками и лучезарно улыбаюсь ему.

— Как же мне так повезло?

— Повезло мне.

Он кладет ладони поверх моих.

— Я собираюсь жениться на одной из самых красивых женщин в мире.

— Мне не верится.

Я смеюсь.

— Ты встречался с роскошными моделями и знаменитостями. Я лишь провинциальная девчонка.

— Ты красивее их всех вместе взятых. Ты обладаешь естественной красотой.

— Ну, польщена слышать это, мистер Слейд.

— Это правда.

Он целует меня в щеку.

— А теперь давай немного поспим. Уже поздно.

Когда я закрываю глаза, то представляю нас через много лет, сидящих на лавочке, а наши дети бегают вокруг нас. Эта настоящая сказка не закончится в полночь.

Глава 3

Мне стоит радоваться, впервые просыпаясь рядом со своим женихом. Вместе этого на меня давит клаустрофобия.

Я кладу ладонь себе на грудь и делаю тихий вдох. Медленно выдыхаю, позволяя потоку воздуха покинуть мое тело.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, но Уинстона там нет. Его место еще теплое, но он уже ушел. Не могу ничего поделать с уколом боли при воспоминании о том, как он уходил после секса. Но те дни прошли. Теперь мы помолвлены.

Когда я свешиваю ноги с кровати, дверь открывается. Уинстон заполняет собой дверной проем, а в его руках держит деревянный поднос. Он все еще голый.

— Доброе утро, моя будущая жена.

Он пересекает пространство между нами, подходя к кровати.

Я прижимаю ладонь к губам, чтобы сдержать смешок.

— Что случилось с твоей одеждой?

Игнорирую ощущение пустоты внутри.

Он с улыбкой опускает взгляд на свой пенис.

— Я в своем собственном доме. Могу ходить с голой задницей.

— А Линда? Разве ее не стоит стесняться?

Линда — домработница Уинстона, с которой я встречалась лишь дважды.

— Не переживай. Я дал ей отгул. Вообще-то на целый уикенд.

— Почему? Ты снова куда-то уезжаешь?

Он опускает поднос мне на колени. Аромат блинчиков, бекона и тоста дразнит мой нос и вызывает обильное слюноотделение.

— Ты все это приготовил?

— Конечно, я. — Он жестом показывает в сторону подноса. — Могу я предложить вам французский тост, блинчики с клюквой и апельсинами и венские вафли? И, конечно, апельсиновый сок и фрукты. Надеюсь, они вам по вкусу, моя леди.

Он смеется.

— Спасибо вам, мистер Слейд. Выглядит аппетитно.

Он довольно кивает.

— И ответ на твой вопрос, да, я уезжаю на пару дней, но не один.

— С тобой поедет личный помощник? — Я кусаю самый пышный блинчик, какой только пробовала. — М-м-м, пальчики оближешь.

— Ваши слова радуют шефа. — Он качает головой. — Не личный помощник, а моя невеста.

Стакан апельсинового сока застывает на полпути до моих губ.

— Я еду с тобой?

— Я был помолвлен лишь один раз. На тебе.

— Куда мы едем?

Мое сердце слегка трепещет, но радость не в силах убрать тяжесть в моей груди.

— Как тебе Мальдивы?

— Просто сказка. Когда... когда мы уезжаем?

— Как только ты закончишь завтракать.

— Ты шутишь, да?

Я делаю глоток сока, наслаждаюсь его кислым вкусом на языке.

— Не шучу. Мы проведем там пару дней, может быть, три-четыре.

— Но мне так много нужно сделать. Я должна найти новую работу.

— Почему бы тебе не насладиться свободой, пока ты не работаешь?

Между нами повисает молчание, пока я поедаю венские вафли. Я не тороплюсь отвечать, оценивая его предложение.

— Думаю, ты прав.

— Конечно, я прав. — Он берет с подноса ягоду винограда и закидывает себе в рот. — Я подумал, что это хороший способ отметить нашу помолвку.

— Ты уже кому-нибудь о ней рассказал?

Я сразу же хотела сообщить своей семье, как только Уинстон сделал мне вчера предложение, но не смогла себя заставить. Во-первых, Уинстон намного старше меня, и я немного переживаю, что они могут его не одобрить. Во-вторых, такие новости слишком важны, чтобы рассказывать о них по телефону. Я должна сообщить им лично.

— Я вообще-то планировала поехать в Мисти Коув, чтобы рассказать семье.

Мисти Коув — уютный маленький прибрежный городок во Флориде, где я провела большую часть жизни.

— Твоя семья все еще будет там, когда мы вернемся. Давай сперва проведем пару дней вместе. Насладимся временем вместе, пока никто не знает. — Он опустил на край постели. — Когда мы вернемся, я даже поеду с тобой в Мисти Коув. Мы сообщим им вместе.

Что скажешь?

— Да, хорошо. Мне интересно, как ониотреагируют. Они даже не знали, что я с кем-то встречаюсь.

— Если они тебя любят и увидят, как сильно тебя люблю я, то одобряют. Не нужно переживать. Я завоюю их симпатию. Но сначала поехали со мной в рай.

Может быть, поездка — как раз то, что мне нужно, чтобы успокоить нервы и избавиться от сомнений.

— Да, хорошо, я с тобой поеду. Полетели на Мальдивы.

— Отлично. — Он наклоняется, чтобы поцеловать меня. Слабый привкус жидкости для полоскания рта освежает. — С нетерпением жду, чтобы провести с тобой пару дней наедине.

— Только вот можешь ли ты позволить себе эту поездку? Вчера ты упоминал, что запланировал пару важных проектов.

— Запланировал, но ты у меня в приоритете.

Я улыбаюсь и больше ничего не говорю. Как и он.

Мы молча доедаем остатки завтрака, время от времени обсуждая свадьбу. Он говорит мне, что это будет лучший день в моей жизни, что мне ни о чем не надо тревожиться.

— Я найму людей, которые обо всем позаботятся.

— Я хочу участвовать в планировании своей свадьбы, — говорю я. — Я планирую выходить замуж всего лишь раз. И хочу наслаждаться каждой секундой.

— Именно. Раз уж мы женимся всего один раз, то должны сделать свадьбу запоминающейся. Я не собираюсь экономить. — Он выпрямляет спину. — Расскажи мне свои мечты о свадьбе, детка, и я их исполню.

— Я вроде как мечтала выйти замуж за принца.

— Ну, это исполнится. Ты кое-чего обо мне не знаешь. — Уинстон склоняет голову. — Я на самом деле принц. Только никому не рассказывай.

— Мой рот на замке.

Я поджимаю губы.

Он убирает поднос с моих коленей и ставит его на прикроватный столик. Затем забирается под простынь в изножье кровати и скользит руками по моим ногам и бедрам. Моей кожи касается его теплое дыхание, когда он зарывается лицом между моих ног. Один щелчок его языка, и я кончаю.

Я откидываю голову назад и сжимаю простыни, в то время как Уинстон глубже толкается в меня языком, время от времени им вращая. Я снова задыхаюсь, только в этот раз по другой причине: этот мужчина так крепко завладел мной.

Несмотря на мои сомнения, в нем есть многое, без чего я не хочу жить.

— Тебе нравится?

Он приподнимает голову, чтобы шаловливо мне подмигнуть.

— Пожалуйста, никаких разговоров. — Я тяжело дышу. — Делай свою работу.

Я позволяю себе отдаться во власть страсти, прогоняя все оставшиеся сомнения. Я наслаждаюсь моментом.

Когда я уже на грани безумия, он выходит из меня и скользит языком вверх по моему животу. Один раз щелкает им по моему пупку, а затем продолжает путешествие к моей шее, где погружает язык в небольшую впадинку между моих ключиц.

— Ты такая вкусная, — произносит он у поверхности моей кожи.

— Рада, что тебе нравится.

Я зарываюсь пальцами в его густые волосы и тяну вверх, чтобы он поднялся и поцеловал меня в губы. Я больше не могу этого выносить и просовываю руку между нашими телами и направляю его в себя.

— Мне так приятно чувствовать тебя внутри, — шепчу я.

Он отвечает тем, что толкается глубже, сантиметр за сантиметром, пока не входит по самые яйца. Уинстон полностью меня заполнил. Ни один мужчина, с которым я была, и близко не заставлял меня чувствовать себя так, как делает мой будущий муж.

С каждым толчком, он говорит мне, что любит меня. Рисует словами наше будущее. Говорит о наших детях и семейных каникулах. Изображает все таким замечательным и заманчивым. Заставляет меня забыть о тревогах и увидеть все с его стороны. Побуждает меня хотеть существовать в этом мире.

Он трахает меня до тех пор, пока мой разум не пустеет, а тело не начинает покалывать. Каждое движение все больше и больше толкает меня к краю, и я уже больше не могу сдерживаться. У меня нет другого выбора, кроме как потерять контроль. Я проваливаюсь в это чувство, желая никогда не достигнуть земли. Он следует за мной.

Звуки нашего наслаждения сливаются, как и наши тела. Мы не сдерживаемся.

Слава богу, Линды нет дома, и она не может нас слышать. Не то чтобы мне было какое-то дело. Я не смогла бы перестать кричать, даже если бы старалась. Я ничего не могу сделать с тем, что полностью растворяюсь в нем.

Когда все кончено, он продолжает меня крепко обнимать, все еще целует мою кожу, все еще напоминает мне, что я его. Счастье длится лишь до того момента, пока его тело рядом со мной. После тревога возвращается, тяжесть в моей груди становится сильнее.

Что со мной не так, черт побери? Моя жизнь приблизилась к идеалу, но моя склонность беспокоиться меня не отпускает.

Пока Уинстон принимает душ, я жую виноград и борюсь со своими мыслями.

Прислушиваюсь к пению птиц снаружи, гулу самолета в небе. Но громче всех звук моего колотящегося сердца. Я не понимаю, почему в моей голове звенят тревожные колокольчики, когда мои мечты готовы вот-вот исполниться. Уинстон укомплектован по полной. У меня нет причин для подобных чувств.

Я выскальзываю из постели, завернувшись в простыню. Иду к окну и смотрю на улицу, но ничего не вижу. Моя интуиция никогда меня не подводила. В этот раз ее предупреждения кажутся мне не имеющими смысла.

Я стою у окна до тех пор, пока Уинстон не включает душ и не выходит из ванной. Он подходит ко мне сзади и обнимает меня. Он холодный. Должно быть, под конец в душе пошла холодная вода. Я поворачиваюсь и обвиваю его шею руками. Его член дергается между нашими телами, упираясь мне в живот.

— Забудь об этом, мистер, — говорю я. — Больше этим утром секса ты не получишь.

Я отстраняюсь на несколько сантиметров.

— Кстати, мне нужно съездить в свою квартиру и собрать вещи.

— Нет нужды. — Он целует кончик моего носа. — Все, что тебе нужно, мы захватим по дороге. Тебе все равно не нужна одежда. Я планирую, как можно дольше любоваться тобой обнаженной.

— Какой вы любвеобильный мужчина.

— Я думал, ты это уже поняла.

Когда он делает шаг вперед, я упираюсь ладонями ему в грудь.

— Даже не думай. Мне нужно принять душ. Обещаю поторопиться.

— Не спеши. Самолет ожидает нас через час. Тебе понравятся Мальдивы.

— Место для меня мало что значит. Важно то, что ты будешь там со мной. Для меня важен ты.

Стоя под струями воды, я вспоминаю последние слова, которые сказала ему перед тем, как исчезнуть в ванной. Я имела в виду то, что сказала, но эти слова казались непривычными для моего слуха.

Нет. Я качаю головой. Я не буду заикливаться на этом. Не стану портить свое счастье. В этот раз моя интуиция ошибается.

Глава 4

В тот момент, когда мы шагнули на катер, который отвезет нас с самолета на курорт, которым, как оказалось, владеет Уинстон, у меня на сердце отлегло. Я тотчас же почувствовала себя счастливой, расслабленной и спокойной. Ветер, треплющий мои волосы, брызги воды, летящие на кожу, и Уинстон рядом со мной заставили меня почувствовать себя невероятно.

Стоял день, и мы быстро устроились на месте. Сейчас мы лежим на шезлонгах на террасе нашей роскошной виллы на воде, наслаждаясь прикосновениями теплого солнца к нашей коже, дышим соленым морским воздухом. Такое ощущение, что мы находимся в ожившей мечте, а реальность кажется такой далекой. Грех беспокоиться о чем-либо в таком красивом месте, как это.

— Ты счастлива? — спрашивает Уинстон, поднимая взгляд от своей газеты.

На нем из одежды лишь полночно-синие боксеры. Я могу любоваться его соблазнительным загорелым прессом. Мой будущий муж выглядит свежим, подтянутым и просто красивым.

— Ты шутишь? — Я хлопаю ресницами. — Нет слов, чтобы описать, как я сейчас счастлива.

— Просто хотел убедиться.

Он откидывает голову назад и закрывает глаза.

— Ты немного сомневалась, ехать ли сюда.

Наш разговор прерывает появление нашего личного дворецкого, который приносит коктейли.

— Спасибо.

Я беру с серебряного подноса свой «Мохито» и делаю глоток освежающего напитка.

Мы молчим, пока дворецкий не выходит, быстро поклонившись нам обоим перед уходом.

— Я чувствовала, что мне так много всего нужно сделать после того, как я потеряла работу. — Я откидываюсь на спину с обиженной гримасой. — После того, как ты уволил меня.

— Но ты же понимаешь, почему я должен был это сделать?

Я пожимаю плечами.

— Конфликт интересов и все такое.

— И я не хочу, что моя жена батрачила на мою компанию. Каким мужем я тогда буду?

— Я тебя понимаю.

Хоть я его понимала, все равно испытывала боль. Несмотря на то, что мой босс была родом из ада, мне нравилась моя работа. А теперь мне придется искать другую. Нет ничего хуже, чем писать резюме, рассылать их и, затаив дыхание, ждать, когда на них кто-нибудь ответит. Я могла бы попросить Уинстона о помощи, но это кажется жульничеством. Не хочу полностью полагаться на его влияние. Мне нравится быть самостоятельной.

— Ты очень быстро найдешь другую работу.

Он делает глоток коктейля.

— Просто убедись, что не тянешь ни за какие ниточки. Seriously, Уинстон.

— Если ты так хочешь. Но у меня так много связей. Тебе и правда необязательно самой искать работу.

— Знаю, но я хочу сделать это *сама*.

Я делаю акцент на последнем слове, чтобы до него дошло.

Мы продолжаем лежать на солнышке, он читает газету, а я расслабленно покачиваюсь в гамаке, висящем над водой. Вода кристально чистая, и я вижу все, что в воде, будто кто-то специально отчистил ее.

— Это идеальные каникулы. Я официально влюблена в Мальдивы.

— Знал, что тебе здесь понравится.

Я не отвечаю, борясь со сном. Не хочу уснуть и пропустить хотя бы секунду этого путешествия. Не хочу проснуться и узнать, что время пролетело и нам пора возвращаться домой. Черт, я даже моргать не хочу.

Чтобы не заснуть, я покидаю гамак и возвращаюсь на шезлонг. Тянусь за своим коктейлем и наслаждаюсь его последними каплями, пока наблюдаю за танцем воды и солнца.

Насколько я вижу, поблизости ни души. Чистейшая форма свободы. Именно жажда свободы заставила меня сбежать из маленького городка в большой город.

— Я обожаю Мальдивы, — говорит Уинстон. — Приезжаю сюда минимум раз в год, чтобы собраться с мыслями.

— Прекрасно тебя понимаю. — Наклоняю голову в сторону. — Здесь было бы отлично провести медовый месяц.

Он приподнимает бровь.

— Ты хочешь, чтобы мы провели медовый месяц здесь?

— Только если и ты этого хочешь.

— Хоть эта идея мне по душе, есть много других красивых мест, которые мы можем посетить. Теперь это твой дом. Мы можем часто сюда приезжать.

Я откидываю голову назад и смеюсь.

— Мой дом на Мальдивах? Звучит, как мечта.

— Ожившая мечта. Что принадлежит мне, принадлежит тебе.

Его слова согревают меня изнутри.

— Это так много для меня значит.

Я опускаю свой бокал и тянусь к стопке книг рядом со мной. Я купила пару романов, прежде чем мы покинули Нью-Йорк. Выбираю эротический роман, который давно хотела купить и прочитать.

Хоть я и заядлая читательница, у которой в квартире шкафы ломаются от книг, у меня было мало времени для чтения прошедшие пару месяцев, спасибо Дарлин за сверхурочную работу.

Мне сразу же становится жарко, когда я читаю сексуальную сцену на первой странице.

Прикусив гуру, я бросаю взгляд на Уинстона. Смогу ли я еще раз заняться сегодня сексом? Мы приехали сюда и никогда не делали такой большой перерыв между сексом. Несмотря на то, что мое тело все еще жаждет его, я физически устала. Вероятно, и он тоже.

Я отказываюсь от этой идеи и прочитываю еще пару глав. Каждые пару минут, дворецкий возвращается, чтобы спросить, нужно ли нам что-нибудь, пока Уинстон не говорит ему, что у нас есть все, что нужно, и чтобы тот вернулся к обеду, который наступит через час.

— Что ты читаешь? — спрашивает Уинстон, когда заканчивает читать газету.

Я закрываю книгу и переворачиваю ее, чтобы показать ему обложку.

Он морщит нос.

— Роман.

— Горячий роман.

Я хлопаю ресницами.

Он тянется за книгой и пролистывает ее. Прочитывает несколько слов, а затем смотрит на меня, выгнув бровь.

— Почему ты это читаешь?

— О чем ты?

— Никогда бы не подумал, что ты из тех женщин, которые такое читают.

Он пролистывает еще пару страниц, сведя брови вместе.

— Такое?

— Романы. — Он морщит нос. — Мне это не нравится.

— В чем проблема? Я не понимаю. — У меня сжимается сердце. — Почему так важно, что я читаю?

— Я не понимаю, почему тебе хочется читать такие книги, когда у тебя есть я.

Я протягиваю руку, чтобы забрать свою книгу, но он перемещает ее пределы моей досягаемости.

— Эй, отдай.

От раздражения у меня раздуваются ноздри. Откровенно говоря, это не его дело, что я читаю. Я читаю то, что мне нравится, романы это или не романы.

— Ты слишком умна для такого ширпотреба.

Напряженное выражение его лица подсказывает мне, что он серьезен.

— Ты хочешь сказать, что женщины, читающие романы, глупы?

— Я не это имел в виду. Просто я не понимаю, почему ты ищешь романтику в книгах, когда она есть у тебя в реальной жизни.

— Потому что я наслаждаюсь чтением, Уинстон, — резко отвечаю я. — Мне нравится читать о том, как люди обретают любовь, теряют ее и находят снова. И да, читать любовные сцены мне тоже нравится. В этом нет ничего неправильного.

— Все это фальшивка.

Он отдает мне мой роман и исчезает на вилле. Мы не разговариваем друг с другом, пока не подадут ланч, и я не поднимаю тему, когда нам стоит пожениться, хоть я все еще расстроена из-за нашего предыдущего разговора.

— Позже я посмотрю свой график. Как ты знаешь, мое расписание в этом году плотно забито командировками. Но Ангелия найдет подходящую дату.

— Почему бы нам не спешить со свадьбой? Мы даже можем пожениться в следующем

году. Я не против.

— Я не хочу долго тянуть со свадьбой. Когда я принимаю решение, то действую, не теряя времени.

У меня падает сердце.

— Для тебя я лишь решение? Звучит не очень-то романтично.

— Да что с тобой сегодня? — спрашивает он. — Ты все не так понимаешь.

— Ничего подобного. — Я вытираю капельку пота со лба. — Но ты относишься к свадьбе, как к какой-то бизнес сделке. Но это не сделка. А наша жизнь.

— Поверь мне, я знаю. — Он встает и садится передо мной на колени. Обхватывает одну из моих грудей теплой ладонью. — Для меня это личное.

— Да ладно, Уинстон, — я прикусываю губу, чтобы сдержать дрожь, — ты продолжаешь так делать.

— Делать как?

— Каждый раз, как мы ссоримся, ты затыкаешь меня при помощи секса.

— Ты не жалуешься.

— Конечно же, не жалуясь, потому что мне нравится заниматься с тобой любовью. — Я прикрываю лицо руками, хихикаю, а затем убираю руки. — Но иногда мне хочется поговорить серьезно. Мы должны уметь это делать.

— Жизнь уже и так слишком серьезна.

— Ты не понимаешь. Мы даже толком не спорили.

— Ты думаешь, что отношения строятся вокруг... споров?

— Да ладно. Ты знаешь, о чем я. — Взмахиваю руками. — Забудь.

Разговор постепенно сходит на нет, и остаток дня мы проводим в напряжении. Мы идем гулять на пляж, посещаем местный рынок и даже устраиваем романтический ужин на пляже, но напряжение не уходит, пока мы не идем в постель, и он пытается заняться со мной любовью. Я ему позволяю. Совсем скоро я задыхаюсь под ним от наслаждения, замороженная его прикосновениями. Я не понимаю, почему хочу его, даже когда злюсь на него.

Перед сном я отправляюсь на поиски своего романа, чтобы почитать пару глав. Мне нравится читать перед сном.

Книги не оказывается ни на террасе, ни где-то еще. Я спрашиваю Уинстона, видел ли он книгу.

— Какую?

Он поднимает взгляд от своего лэптопа.

— Ту, которую я читала весь день. Мой роман?

— О, — произносит он непринужденно, — ту книгу. Я ее выбросил.

— Что значит, ты ее выбросил?

Он хлопывает лэптоп и кладет на него руки.

— Детка, моя женщина не будет читать такую белиберду.

— Ушам своим не верю.

В раздражении я хватаюсь за волосы, мои пальцы запутываются в прядях.

— Ты не имел права выбрасывать мою книгу.

— Ерунда. Почитай что-нибудь другое. Что-то менее горячее.

— Это не тебе решать.

Я падаю на кровать, у меня так колотится сердце, что даже подташнивает.

— Не надо расстраиваться, милая.

Он пытается прикоснуться ко мне.

— Не смей.

Я отодвигаюсь, жар от злости поднимается вверх по моей шее. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом, подходим ли мы друг другу. Я открываю новые стороны его характера, о которых не догадывалась прежде. И меня это немного пугает.

— Уинстон, никогда не выбрасывай мои книги.

— Тогда читай хорошие книги.

Я таращу на него глаза.

— И что, по-твоему, хорошие книги?

— Книги подходящие жене генерального директора одной из самых больших компаний в мире.

— Ты хочешь сказать, что я должна соблюдать правила, если хочу выйти за тебя замуж?

— Я лишь говорю, что тебе следует читать то, что способствует саморазвитию.

Он выключает свою лампу.

— Знаешь что, это просто смешно.

Я выключаю свою собственную лампу и накрываюсь одеялом до самого подбородка, все еще находясь в ярости.

— Спокойной ночи, любовь моя, — шепчет он в темноте.

Я не отвечаю, делая вид, что уснула.

Глава 5

Уинстон

Я собираюсь принять горячую ванну с Дженной, когда в спальне раздается звонок моего телефона.

— Начинай без меня. Я скоро к тебе присоединюсь.

Я целую ее в лоб и выхожу из ванной комнаты. Если звонят по бизнесу, я сомневаюсь, что скоро к ней вернусь, но мы всегда можем наверстать упущенное позже.

— Не задерживайся.

Она включает кран.

Я вынимаю телефон с тумбочки и хмурюсь, потому что не узнаю этот номер. Обычно я не из тех людей, которые отвечают на неизвестные номера, но в этот раз мне очень хочется поднять трубку.

Я выхожу на террасу, со все еще звенящим телефоном в руке. Если это важно, человек не перестанет звонить.

Снаружи, смотря на океан, я, наконец, нажимаю на зеленую кнопку и прижимаю телефон к уху. Я ожидаю, что звонок окажется по бизнесу, но голос на линии посылает дрожь по моему позвоночнику. *Это он.*

— Трэвис?

— Это я, братец.

Мой близнец, Трэвис, — темное пятно в моей жизни. Едва ли кто-либо о нем знает, а я тщательно скрываю его существование.

Хоть мы и братья, узнали друг о друге всего три года назад, так как он был маленьким

темным секретом моей одинокой матери, тайной, которую она унесла в могилу. Мы так никогда и не узнаем, почему она решила оставить меня, а не Трэвиса.

Если бы мой бизнес не процветал, и мое лицо не мелькало в газетах, он бы меня не нашел.

Поначалу я очень хотел встретиться с ним после того, как он неожиданно связался со мной, но моя радость сошла на нет, когда он появился и стал заявлять, что все, что у меня есть, принадлежит ему. Что, если бы наша мать не оставила его ребенком в приюте, то его жизнь была бы такой же, как и у меня. И за это он хотел компенсацию. После была пара угроз и попытки шантажа, и я решил, что может нам лучше не общаться. Но теперь, когда он узнал кто я, и размер моего кошелька, не собирался сдаваться без борьбы. В конце концов, я дал ему много денег, чтобы он исчез из моей жизни, пока не разрушил мою репутацию. Но все равно, хоть он и не заявлялся лично, постоянно связывался со мной из какой-то тюрьмы, просил вытащить его или дать еще денег.

— Чего ты хочешь? — Я пожалел, что ответил на звонок. — Если ты хочешь больше денег, ты их не получишь.

— Ты думаешь, я звоню тебе только из-за денег?

Я слышу легкую смазанность его речи.

— Да, именно поэтому ты всегда и звонишь. — Сжимаю зубы. — В этот раз ты ничего не получишь.

— Брось, братец. Я набрал тебя, потому что соскучился.

Я массирую виски.

— Между нами не такие отношения, чтобы ты соскучился.

Он прочищает горло.

— Может быть, теперь я хочу, чтобы они такими были.

— Сомневаюсь.

Я на миг закрываю глаза, а затем открываю их снова, недовольный тем, что мое приятное времяпрепровождение с Дженной прервалось ради этого.

— Я изменился, ладно? Теперь я стал более ответственным. Я даже вызвался быть партнером в процветающей компании.

В прошлом, я проспонсировал несколько его бизнес-идей, надеясь, что он научится самостоятельности, но каждый раз бизнес прогорал, потому что он не желал прикладывать усилий. Он был слишком ленив, чтобы трудиться. Ему легче выжимать деньги из меня, чем зарабатывать их самому. С меня хватит. Пора ему самому найти свою дорогу по жизни. Я ни черта ему не должен. Я хотел, чтобы мы стали братьями, но он видит во мне лишь личную дойную корову.

— Если ты хочешь попросить денег на очередной бизнес, которым ты планируешь заняться, забудь об этом. Хватит мне финансировать твои сомнительные предпринимательские авантюры. Я уже дал тебе более чем достаточно. Пора тебе более ответственно относиться к средствам.

— Пошел ты, — рычит он. — Твои деньги должны быть и моими.

— Перестань нести эту чушь. — Я сжимаю челюсть до боли. — Каждый свой цент я заработал собственными кровью и потом. Наша мать ничего мне не оставила, потому что, как и ты, она безответственно относилась к деньгам.

Моя мать умерла от рака груди, когда я только начал учиться в колледже.

После уплаты всех ее долгов, ничего не осталось на мою учебу или начало новой жизни.

Я бросил колледж ради случайных заработков тут и там, пока не разработал игровое приложение, которое стало популярным буквально за ночь, и моя жизнь изменилась.

У меня стало больше денег на банковском счете, и я разработал еще больше приложений, которые и позволили мне создать империю Слейда.

— Да ладно, мужик. Давай не будем ссориться. Seriously, я звоню лишь потому, что хочу начать все с начала.

Я долго молчу, проигрывая его слова в уме. Доверять ему рискованно.

— Может я заеду в твой офис, и мы поболтаем, а? Узнаем побольше друг о друге.

— Меня нет в стране. — Я сжимаю телефон в руке. — И никогда не заявляйся в мой офис без предупреждения.

В моей компании лишь горстка людей знает о Трэвисе. Покуда он решает быть эгоистом, я предпочитаю, чтобы так оно и оставалось.

— Ладно, ладно. Я сначала позвоню. — Он прочищает горло. — Мне и правда нужно еще одно денежное вливание, но в этот раз прямиком в бизнес, а не в трусики проститутки. Я верну тебе все до цента.

*Я, бл*ть, это знаю.*

— Послушай, Трэвис, мне нужно подумать. Я позвоню тебе, когда вернусь в США.

— Так, а где ты?

— Провожу пару дней на Мальдивах.

— Один?

Он усмехается.

— Это имеет значение?

— Ну, не то место, в котором хочется проводить время одному.

— Может быть, я здесь по романтическим причинам.

— И кто она?

— Не твое дело.

Чем дольше длится разговор, тем больше мне хочется его закончить.

— Думаю, мое. Нравится тебе или нет, ты мой брат. Мне не безразлична твоя жизнь. По крайней мере, теперь.

На долю секунды в моей груди разливается тепло. Если бы только его слова были правдой. Когда я рос, всегда мечтал о брате или сестре, но моя мать с трудом одна растила меня. Я все еще зол на нее, что она ни разу не упомянула, что у меня есть брат.

— Если уж ты так хочешь знать, ее зовут Дженна.

Рассказывать Трэвису о своих отношениях — еще один риск. Два года назад он переспал с моделью, с которой я встречался. Хотя я и был очень зол, в конце концов, это оказалось к лучшему. Она все равно не была той девушкой, с которой я хотел бы прожить всю жизнь. До того, как Дженна вошла в мою жизнь, мое сердце оставалось покрытым льдом.

Ребенком я влюбился в соседскую девочку старше меня на несколько лет. Поначалу я думал, что между нами что-то есть. По ночам я перелезал через забор и пробирался к ней в комнату. Мы занимались всем, чем занимаются любовники. Мне было тринадцать, а ей восемнадцать. Когда я застал ее в постели с другим, это полностью разбило мне сердце, и я хранил его на замке много лет. Доныне.

— Seriously? — спрашивает Трэвис.

— И не спрашивай.

*Бл*ть. Почему я вообще ему рассказал?*

Может быть, часть меня все еще жаждала той братской связи. Но я не знаю, сможем ли мы стать братьями. Но я так невероятно счастлив с Дженной, что не могу удержать язык за зубами.

— Я предложил ей выйти за меня.

— Готов поспорить, я узнаю последним.

Если бы я не знал, то подумал бы, что он обижен. Но ему плевать на меня.

— Просто у меня не было твоего номера. Не видел тебя много месяцев.

— Не переживай. Это скоро изменится. Готовься видеть меня чаще. — Он делает паузу.

— Говоря о переменах, может быть, мне стоит завести серьезные отношения с хорошей девушкой.

— Чтобы ты мог избить ее, как измывался над своей бывшей женой?

Прошлый раз я вытащил его из тюрьмы за домашнее насилие. Оказалось, что Трэвис не умеет не распускать кулаки, когда находится с женщиной. В нем была некая темная сторона, которая меня немного пугала.

— Ты никогда не поймешь, как приятно одерживать верх над женщиной.

— Ты прав, брат, я никогда этого не пойму. Это не нормально.

— Хватит обо мне и моих шалостях. Ты ее любишь?

— Поэтому-то я и попросил ее выйти за меня. Конечно же, я люблю ее.

— Она хороша в сексе? — усмехается он.

— Это не твое чертово дело.

Я качаю головой, не веря, что этот разговор еще продолжается. В прошлом, когда я отказывался давать ему деньги, он сразу же вешал трубку. Могу ли я осмелиться поверить, что он и правда изменился? Ради его же блага, надеюсь, что так.

— Знаешь что, если ты с ней счастлив, то я рад за тебя. — Трэвис кашляет. — Видишь, я хороший брат.

— Время покажет, — произношу я. — Увидимся, когда я вернусь.

— Круто. Может быть, мы сможем поужинать и вместе выпить пива. Я заеду к тебе?

— Не думаю, что это хорошая идея. В последний раз, как я тебя приглашал, ты ударил мою экономку.

— Можно ли винить меня? Она была горячей.

Я раздраженно выдыхаю.

— Мне надо идти. Позвоню тебе, когда вернусь, и организую место нашей встречи.

— Эй, бро, позволь дам тебе один совет насчет отношений, — говорит Трэвис, прежде чем мы завершаем разговор. — Дело в том, что женщинам доверять нельзя. Как только ты наденешь кольцо им на палец, они меняются. Я знаю, о чем говорю.

— Без обид, Трэвис, но советы насчет отношений от тебя мне не нужны.

— Отлично, учись на своих ошибках, — он смеется. — Увидимся в Нью-Йорке.

После звонка я возвращаюсь в ванную комнату, готовый извиниться перед Дженной за то, что отсутствовал так долго. Она лежит в пене с закрытыми глазами и напевает мелодию. Она выглядит так чертовски великолепно, что, просто глядя на нее, у меня жмет в паху. Желание вытащить ее из воды и трахнуть прямо здесь и сейчас очень сильное, но за прошедшие пару дней у нас было так много секса, что, хоть мне и не хочется этого признавать, я физически утомился.

— Эй, детка, готова к ужину?

— Что? — она открывает глаза. — Ты что-то сказал?

— Да.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в макушку.

— Прости, что я не могу присоединиться к тебе, но хочу организовать ужин. Что бы ты хотела съесть?

— На твой выбор. У меня нет предпочтений.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю.

Она ничего не говорит, какое-то время наблюдая за мной, словно хочет сказать что-то еще, но сомневается.

Что-то она странно себя ведет. Может быть, дело в том, что вчера я выбросил ее роман. Так или иначе, она отдалилась. Бога ради, это был всего лишь роман. И я не хочу, чтобы моя женщина читала такую чушь. Но я сожалею, что поступил таким образом. Мне не стоило просить дворецкого забрать книгу и выбросить ее в урну за пределами виллы. В то же время, странным образом, я чувствую в этом свое право. Это ощущение, которое я не могу объяснить и не хочу анализировать.

Она снова закрывает глаза, будто говоря мне, что я могу идти.

Уловив намек, я возвращаюсь в спальню, где открываю ноутбук и отправляю важное электронное письмо ближайшим подчиненным. В двух словах я объявляю о нашей помолвке.

Когда я вернусь, знаю, что меня забрасают приглашениями на интервью, но ничего страшного. Я готов к тому, что мир узнает, что я больше не холостой мужчина. Или может мне пока не стоило никому сообщать. Я не хочу, чтобы родители Дженны узнали об этом из прессы прежде, чем у нее будет возможность рассказать им самой. Но теперь уже слишком поздно.

Какая бы буря нас не ожидала, у меня есть возможность оградить Дженну в меру своих сил.

Пока Дженна все еще в ванной, я звоню дворецкому, чтобы организовать ужин. Вскоре Дженна возвращается в спальню, и я притягиваю ее к себе на колени и вдыхаю запах лавандового шампуня, которым она моет свои волосы.

— Отгадай, что я сделал, — говорю я, покусывая мочку ее уха.

— Надеюсь, ничего ужасного.

Ее голос мурлычет, согревая меня до глубины души.

— Я написал электронное письмо своим подчиненным и рассказал им о нашей помолвке.

— Зачем? — Она отодвигается. — Я думала, что мы хотели рассказать всем, когда вернемся.

— Не сердись, детка. Просто не мог дожждаться, когда сообщу миру, что ты моя.

Я крепче сжимаю ее в своих руках, желая, чтобы момент никогда не кончался. Может быть, глубоко внутри я до ужаса боюсь, что однажды она бросит меня, как сделала моя первая любовь, когда я был подростком. В этот раз, не думаю, что переживу это.

Глава 6

Дженна

Как только Уинстон засыпает, я украдкой выскользываю из постели и на цыпочках пробираюсь на террасу. Стараюсь не шуметь.

Снаружи, обняв себя руками, я смотрю на чернильно-темное море, моей кожи касается морской бриз. Я наблюдаю за тем, как на водной глади отражается луна, и вспоминаю первый раз, когда мы занимались здесь любовью под звездами.

Уинстон этого не знает, но я подслушала его недавний разговор, и сомнения, тревоги, подавляемые мной с момента, как мы покинули США, теперь вернулись в полную силу.

Я мало, что слышала, но того, что уловили мои уши, было достаточно, чтобы меня беспокоить. Одно слово в частности — брат. Он ни разу не упоминал, что у него есть брат, не при мне. О его семье я знаю лишь, что его мать умерла от рака груди. Он не упоминал о других живых членах семьи.

Полгода и он ничего не сказал. Почему?

Я обнимаю себя крепче, внезапно почувствовав холод.

Перед тем, как лечь спать, мы занимались любовью так же сладострастно, как и всегда. Но теперь мой разум не затмевает страсть, и я задаюсь вопросом, почему он держит своего брата втайне от женщины, на которой собирается жениться.

Я опускаюсь на один из шезлонгов и накрываюсь полотенцем. Откидываю голову. Если бы только я могла заглушить тревожные мысли в своей голове.

В детстве отец часто говорил мне, что я слишком много думаю. Я задавала бесчисленное количество вопросов. И все еще задаю. Я в шоке, что не слишком раздумывала над тем, что сплю со своим боссом или что согласилась выйти за него замуж. Это так на меня не похоже. Этот мужчина вызвал у меня перегрузку чувств, и я не могла думать ясно. Но сейчас все страхи, сомнения и вопросы беспрепятственно всплывают в моей голове.

Я поднимаю руку, чтобы полюбоваться кольцом на своем пальце. Каждый раз, как я его вижу, у меня перехватывает дыхание. Но значит ли что-то помолвка, если брак основан не на полной честности?

Я не уверена, стоит ли мне вообще расспрашивать о том, что я услышала. Должна быть причина, по которой он не упоминал при мне о своем брате. Только вот я не могу придумать ни одной.

Я шумно выдыхаю и сжимаю пальцами переносицу, вынуждая себя перестать слишком много думать. Но мне сложно игнорировать интуицию, на которую я очень часто полагаюсь.

Мой разум возвращает меня ко времени, когда я увидела объявление о поиске помощника менеджера по маркетингу в «Слейд Энтерпрайзис», за день до этого я молилась и просила судьбу показать мне, что мне делать дальше со своей жизнью. Я даже не искала работу в интернете, просто играла в игру и нажала на случайную ссылку, которая и привела меня к объявлению. Я окончила колледж четыремя месяцами ранее, и мне все еще предстояло решить, чем заняться дальше. Это объявление о работе показалось мне знаком, но мне было страшно подать заявку.

Я не думала, что такая огромная компания, как «Слейд», станет хотя бы рассматривать кого-то вроде меня — человека без опыта работы. У меня был опыт работы лишь в местном турагентстве: я составляла брошюры и пыталась убедить людей купить каникулы, которые они не могут себе позволить. Я не думала, что у меня есть шанс, но что-то внутри меня побудило все равно отправить резюме. Что я теряла? Так что я отправила резюме и забыла об этом.

Месяц спустя мне позвонили и пригласили на собеседование.

Я прислушалась к своей интуиции и не зря. Может мне не стоит игнорировать ее и в этот раз?

Но тут ситуация другая. Только потому, что Уинстон называет кого-то братом, не значит, что они действительно кровные родственники. Это может быть просто близкий его друг. Должно быть так. Если бы у него был брат, он точно бы мне рассказал.

Почувствовав себя немного лучше, я встаю и наполняю легкие прохладным, свежим воздухом. Это наша последняя ночь на Мальдивах, но я в восторге от мысли, что даже когда мы покинем этот рай, сможем сюда вернуться. И однажды мы привезем сюда своих детей.

Прилив радости успокаивает мои нервы. К моменту возвращения на виллу, моя тревога полностью унялась.

Я останавливаюсь на пороге спальни. Уинстон проснулся, его прикроватная лампа мягко освещает комнату. Должно быть, он проснулся только что, потому что выглядит дезориентированным.

— Почему ты встала? — Он берет в руки свой телефон и смотрит на экран. — Время за полночь.

Я пожимаю плечами.

— Это наша последняя ночь здесь. Я хотела в последний раз посмотреть на звезды над водой.

Я испытываю вину из-за лжи, но не думаю, что мне стоит называть настоящую причину, по которой я проснулась.

Он зевает.

— Мы будем приезжать так часто, как пожелаешь.

— Буду ждать с нетерпением.

Я пересекаю комнату и возвращаюсь в постель. Он выключает свет и обнимает меня, пока мы оба не засыпаем.

Я просыпаюсь с тяжестью в груди. Внешне все идеально. По крайней мере, так и должно быть. Почему я чувствую себя так, отдыхая в таком романтическом месте? Это ощущается таким неправильным.

Я глубоко вдыхаю, но тяжесть никуда не уходит. Мне нужно снова заняться йогой. Я давно ее не практиковала.

Уинстон все еще спит. Молча, я наблюдаю за тем, как размеренно движется его грудная клетка. Я хочу коснуться его волос, разбудить поцелуем, но мне нужно это время наедине, чтобы собраться с мыслями, заглушить голоса в своей голове.

Он не просыпается, когда я покидаю постель, чтобы пойти в ванную комнату. Я спокойно умываюсь и чищу зубы, тихонько напевая, чтобы заглушить слабый голос в голове, но он становится громче. Я не обращаю внимания на то, что он хочет мне сказать. Продолжаю игнорировать тревожные звоночки.

Когда Уинстон, наконец, просыпается, я возвращаюсь в свое нормальное состояние, менее тревожное, больше сосредоточенное на здесь и сейчас.

Он подходит ко мне сзади и целует меня в шею, пока я полощу рот. Закончив, я поворачиваюсь и целую его в губы.

— Доброе утро, красавица, — говорит он.

— Доброе утро, соня.

Я выбрасываю зубную нить.

— Похоже, ночь пошла тебе на пользу. Выглядишь отдохнувшим.

— Не помню, когда в последний раз так хорошо спал. Я знал, что ты хорошо на меня повлияешь. А как ты? — Он целует меня в лоб. — Хорошо поспала?

— Кто плохо спит в раю?

Только Дженна, конечно же.

Он тянется за своей зубной щеткой, выдавливает на нее пасту, не отрывая от меня глаз. Мужчина так смотрит на меня, отчего у меня возникает ощущение, что я первая женщина, которую он повстречал. Уинстон заставляет меня чувствовать себя особенной всего одним взглядом.

— Не могу дождаться, когда мы начнем нашу совместную жизнь, — произношу я, чтобы заполнить тишину и подбодрить себя.

— Как и я.

Его зубная щетка висит в воздухе.

— Нам надо обсудить, как мы будем жить. Я так понимаю, что ты откажешься от своей квартиры и переедешь ко мне.

— Да, конечно. Но у нас для этого еще много времени. Сначала, нам нужно пожениться.

— А еще купить дом. Я люблю планировать все заранее.

Я прислоняюсь к раковине, скрестив руки на груди.

— Ты хочешь купить дом?

— Да, почему нет? Мы начнем новую жизнь вместе. Новый дом, все новое.

— Но у тебя есть пентхаус, который больше, чем любой дом, увиденный мной.

— Но это холостяцкая берлога. Он не подходит для семьи. У нас будут дети, а они все ломают. Там слишком много стекла и окон.

Я улыбаюсь, представив, как наши дети будут бегать по его пентхаусу, прижимая липкие ладошки к окнам.

— Ты прав. Значит, ты хочешь, чтобы мы остались в Нью-Йорке?

— Я готов ехать, куда угодно, если ты поедешь со мной.

— Даже, если я предложу переехать в Мисти Коув?

Он почесывает затылок.

— Я не очень люблю маленькие городки.

— Тогда поосторожнее с высказываниями, мистер.

Я игнорирую боль в сердце.

— В следующий раз буду помнить.

У его глаз собираются морщинки, когда он засовывает зубную щетку в рот.

Пока он чистит зубы, я расчесываюсь и заплетаю две длинные толстые косы.

— Когда наш рейс? — спрашиваю я, когда он снова может говорить.

Он полощет рот и моет зубную щетку.

— Через два часа. У нас хватит времени, чтобы позавтракать, пока для нас готовят гидроплан.

Я смотрю в окно на бирюзовую воду и вздыхаю.

— Я, правда, буду очень скучать по этому месту. Спасибо, что привез меня сюда.

Я целую его в губы, ощущая вкус зубной пасты.

Отстраняюсь, когда он перемещает руку на мою задницу.

— У нас нет на это времени. Нам нужно начать собирать вещи.

— Что тебе нужно собрать?

Он снова сжимает мою ягодицу.

— Немногое, но все же надо, — упираюсь обеими ладонями ему в грудь. — Кстати, я все еще зла на тебя за то, что ты выбросил мой роман. Я не понимаю, почему ты так поступил.

— Милая, забудь об этом. Это была просто книга. Ты можешь купить другие. — Он берет меня за запястье и притягивает ближе. — Только если это не романы. Ты слишком умна для них.

— Сейчас ты и впрямь засранец.

Я отстранюсь, мое сердце болит еще сильнее.

Он усмехается:

— По крайней мере, ты знаешь, за кого выходишь замуж.

Я не реагирую на его шутку. Вместо этого я выхожу из ванной комнаты и возвращаюсь в спальню, чтобы собрать свои скудные пожитки.

Глава 7

В момент, когда самолет отрывается от земли, у меня екает сердце. Потеря контроля всегда вызывает во мне чувство дурноты.

Впервые я летала, когда Уинстон повез меня на Гавайи поужинать через месяц после того, как началась наша тайная интрижка.

После того, как пилот завершает сообщения, Синтия, одна из наших стюардесс, подходит ко мне. Она ярко улыбается, наклоняясь, чтобы быть со мной на одном уровне. Я чувствую ванильный запах ее духов.

— Могу я принести что-нибудь выпить? — спрашивает она мягким, успокаивающим голосом.

Ее голос способен убаюкать ребенка, а фигура такая, что я слегка начинаю комплексовать, хотя мне всегда нравилась моя фигура. Я не худая и не толстая. Мне нравится думать, что я получила от родителей только лучшее.

А вот Синтия даже в домашнем будет выглядеть как на обложке журнала «Vogue» или на подиум. Она худая и загорелая. Ее медовые волосы, хоть и собранные в пучок на затылке, густые и блестящие, а кожа безупречна. Она будет царицей на подиуме. Но, конечно же, я не знаю, как она выглядит без макияжа. На мой взгляд, его слишком много. Мне кажется, чем меньше, тем лучше.

Я делала макияж всего несколько раз, когда ходила на вечеринку по случаю окончания школы. Моя сестра, Хизер, на два года старше меня, постоянно изводила меня, говоря, что я могла бы лучше следить за своей внешностью. Я никогда не испытывала потребности менять что-то в своей внешности. Зачем исправлять то, что и так нормальное? Если бы у меня были проблемы с кожей, может быть, я позволила бы макияжу спасти себя.

— Мне стакан клюквенного сока, пожалуйста.

— Уже несу.

Синтия хлопает своими длинными ресницами и переключается на Уинстона.

Наблюдая за тем, как эти двое разговаривают и улыбаются друг другу, я не могу не задаваться вопросом, как давно она на него работает, и что он видит, глядя на нее. Принимал ли он во внимание ее внешность, когда брал на работу?

Я качаю головой. Я веду себя глупо. Кроме того, вероятно набором кадров занимался

один из его сотрудинок.

Почему я вообще переживаю из-за Синтии? Какое дело, что он видит, когда смотрит на нее? Он выбрал меня, а не кого-то другого. Некоторые из этих роскошных женщин работают на него годами, но он их не выбрал. Я должна помнить об этом и отпустить ситуацию.

Синтия бросает на него взгляд через плечо, дефилируя прочь. Еще одна тайная мысль набирает силу, требуя моего внимания.

Были ли у него с ней какие-то отношения? Она знает, каков он в постели?

Я отмахиваюсь от неприятных мыслей. У него есть прошлое, как и у меня. У меня нет причин чувствовать себя неуверенно. Он не давал мне повода, и я не должна его себе придумывать.

Уинстон переводит взгляд с Синтии на меня.

— Ты в порядке, детка?

Я натягиваю на лицо уверенную улыбку.

— О, да. Лучше и быть не может.

— Ты уверена? Ты выглядишь так, словно тебя что-то тревожит.

Я выглядываю в окно на пушистые, белые облака.

— Нет, что ты. Просто мне немного грустно, что мы покидаем Мальдивы. Я хорошо провела время.

— Посмотри на меня, — просит меня он, и я подчиняюсь. — Мальдивы — лишь малая часть мира, полного бесконечной красоты. Есть места еще красивее. Подожди, пока я не возьму тебя с собой в Азию.

— Я всегда хотела увидеть Азию, — говорю я.

— Хорошо. Мы можем поехать на Бали на наш медовый месяц. Как тебе такое?

— Я в восторге.

Мой разум возвращает меня к прошлому.

— Ребенком, мы с моей сестрой мечтали поехать в Азию, погрузиться в совсем другую культуру. Никогда не думала, что однажды эта мечта исполнится.

Когда я рассказываю ему о своей сестре, у него появляется возможность рассказать мне о своем брате.

— Рад, что исполняю твои мечты.

Я слегка киваю ему.

— Они исполняются.

Синтия возвращается с нашими напитками. Я отпиваю от своего напитка, пока Уинстон пьет простую воду. Никогда не видела никого, кто бы пил столько воды. Определенно, это его любимый напиток, особенно во время еды. Время от времени он пьет виски или вино, но это редкость.

Я делаю еще один глоток сока, а затем опускаю стакан на полированный деревянный боковой столик справа.

— Каково это расти единственным ребенком? — вырывается у меня вопрос. — Ты когда-нибудь хотел иметь брата или сестру?

Уинстон молчит слишком долго, и я уже хочу вернуть слова обратно. *Зачем, черт возьми, я это спросила?* Я обещала себе забыть об услышанном мной разговоре. А теперь это. Мой разум иногда имеет привычку делать то, что хочет.

— На самом деле, — Уинстон потирает щеку, — у меня есть брат.

У меня сжимается горло, а по телу распространяется волна жара.

— У тебя... у тебя есть брат?

— Есть.

Он массирует переносицу.

— Его зовут Трэвис. Мы близнецы.

Он снова смотрит на меня, по его глазам ничего нельзя прочесть.

— Мне стоило сказать тебе.

— Нет.

Я стараюсь сохранить голос спокойным. У меня трясутся руки, когда я беру свой стакан и поднимаю его к губам, делаю большой глоток жидкости, желая, чтобы она усмирила гнев, который жжет мне горло.

— Почему? Почему ты мне не рассказал?

Он наклоняется вперед, опираясь об колени.

— Я думал, что рассказал, точно рассказывал.

— Я бы запомнила.

Он так много для меня значит, что я бы никогда не забыла, что у него есть брат, не говоря уже о близнеце.

— Дженна, я не мог тебе не рассказать.

Он не отводит глаз. Действительно верит в то, что говорит.

— Ты мне не говорил.

Я прочищаю горло.

— А прошло уже полгода.

— Мы на самом деле не встречались. Мы оба согласились, что наши отношения — наш маленький секрет, помнишь?

Он наклоняет голову вбок.

— Конечно, теперь все иначе.

Теперь все иначе. Теперь он мне лжет. Мои тревожные звоночки снова верещат, вызывая головную боль.

Я проглатываю разочарование.

— Я знаю, но...

— В любом случае, это не важно. Теперь ты знаешь. Вот все, что имеет значение.

Но что еще ты от меня скрываешь? Как я могу верить, что после ты всегда будешь говорить мне правду?

Может быть, я раздуваю из мухи слона, но я так не считаю. Близнец, бога ради. Какой человек забудет рассказать о своем близнеце?

— Какой он... твой брат?

Я пытаюсь скрыть разочарование в голосе.

На его лицо набегают тени, а его глаза темнеют.

— Мы с ним очень разные.

— В смысле?

— Скажем просто, что он немного непредсказуем.

Он открывает лэптоп.

— Я вас познакомлю, хорошо?

С этими словами он начинает работать на лэптопе, не обращая внимания на взгляд, которым я его одариваю.

— Отлично, — произношу я тихим, надломленным голосом, но он все равно не

поднимает глаз.

Мой живот превратился в сгусток нервов, пока я, откинувшись на спину, пытаюсь выпустить пар.

Меня бесит, что те волшебные ощущения, которые я забрала с собой с Мальдив, были уничтожены одним единственным разговором. Меня бесит, что он ведет себя так, что то, о чем мы говорили, вообще ерунда. Что хуже того, он заставляет меня чувствовать себя, будто это я лгунья.

— Я не понимаю, как ты мог не упомянуть, что у тебя есть брат-близнец.

Уинстон вскидывает голову, его лицо напряжено.

— Я сказал, что познакомлю тебя с ним, когда мы вернемся. Я не понимаю, в чем проблема. Некоторые братья не близки друг с другом. Ничего необычного.

— Ты же знаешь, что дело не в этом, Уинстон. Близки или нет, он все равно твой брат, а я твоя невеста. Я заслуживаю знать, ты так не считаешь? А не узнавать случайно.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал, Дженна?

Он наклоняется вперед, в его глазах мелькают тени.

— Ты хочешь, чтобы я умолял тебя о прощении? В этом дело?

Я пожимаю плечами.

— Может быть. Ты солгал мне.

— Бога ради.

Его лицо лишается всякого выражения.

— Послушай, у меня нет на это времени. Мне нужно многое сделать до того, как мы вернемся в Нью-Йорк.

— Я тебя отвлекаю?

Я медленно размеренно вдыхаю и выдыхаю, чтобы не выйти из себя.

— Отлично, я заткнусь. Ты этого хочешь, да?

— Я никогда не использовал в отношении тебя это слово.

Невесело смеюсь.

— Тебе и не надо было.

Я отворачиваюсь, мои глаза покалывает от слез. Он больше ничего не произносит, щелкая по клавишам своего драгоценного ноутбука. Мы еще даже не женаты, а уже ведем себя, будто были парой много лет. Он действительно испортил хороший момент.

Я думаю над тем, стоит ли рассказать ему, что слышала, как он разговаривал со своим братом, и что ему следовало рассказать мне об этом после телефонного звонка, но моя интуиция предупреждает меня, что это будет ошибкой. Может быть, мне стоит отпустить ситуацию. По крайней мере, теперь он мне рассказал и пообещал нас познакомить.

Молча допиваю сок и пытаюсь игнорировать тугой узел в животе. Я отношусь к тем людям, которые любят обсуждать проблемы.

Я тянусь к своей сумке и вытаскиваю роман. Сразу же вспоминаю книгу, которую он выбросил, потому что ему не понравилось, что я ее читаю. От этого воспоминания мне хочется взбеситься. Но я не могу снова с ним ссориться.

Лицо Уинстона все еще напряжено. Очевидно, что он так же разозлен, как и я. Хотя у него и нет на это права.

Я бросаю роман на свободное место рядом с собой и перевожу свое сидение в горизонтальное положение. Подумываю пойти в спальню, уйти от него подальше, но это будет слишком по-детски. Вместо этого закрываю глаза и представляю себя в свадебном

платье, надеясь, что меня это приободрит. Но это не работает.

Глава 8

Уинстон

Ангелия входит в мой офис, грызя ноготь и выглядя обеспокоенной.

— Что такое? — Собираю бумаги на столе. — Ты выглядишь взволнованной.

— Кое-кто хочет встретиться с вами. Он все еще внизу. — Она соединяет руки перед собой в умоляющем жесте. — Он сказал охране, что приходится вам братом, и требует, чтобы его пустили.

Ангелия не знает, кто такой Трэвис, потому что работает на меня менее года.

Молча, я обдумываю впустить Трэвиса или нет. Но, если я его не впущу, чертовски уверен, что он устроит сцену. По телефону он сказал мне, что изменился, но все еще отказывается даже просто уважать мои пожелания. А ведь я ясно дал понять, что сам выйду с ним на связь.

Если быть честным, прошло уже два дня, а я так и не набрался смелости позвонить ему.

— Скажи им, пусть его впустят.

Я разминаю плечо, чтобы выпустить нарастающее напряжение.

— И в течение часа принимай мои звонки.

— Да, сэр.

Ангелия выходит, ее спина напряжена. Хоть она здесь на верхнем этаже, за ее столом есть камеры видеонаблюдения, которые показывают всех, кто входит и выходит из здания. Должно быть, она была потрясена увидеть человека, похожего на меня.

Надеюсь, что Трэвис будет вести себя хорошо. Последний раз, как он приходил, пару лет назад, он был так пьян и так зол, что я не даю ему денег, что предложил моим сотрудникам женщинам бесплатно потрахаться. Мне пришлось его вышвырнуть и предупредить, чтобы ноги его больше здесь не было. Ему повезло, что я уладил дело, чтобы его не засудили.

Через несколько минут Трэвис входит в кабинет размашистым шагом, с высоко поднятой головой, весь такой важный, как будто это место принадлежит ему. Но я удивлен увидеть, что он одет в костюм, накрахмаленную рубашку и брюки. Он выглядит так, словно пришел на работу, а не с визитом.

Ни за что я не позволю ему работать на себя. Это будет катастрофа.

Последний раз, как я его видел, он был одет в помятую рубашку и джинсы с дырками. Может быть, это правда. Может, он действительно сделал над собой усилие, чтобы измениться. Но часть меня говорит мне, что это принятие желаемого за действительное.

— Что с тобой случилось? — спрашиваю я, вставая и обнимая его.

Я чувствую, что это правильный жест. Не важно, что между нами произошло, мы все еще братья. Это та связь, которую никому не под силу разрушить. Если он действительно хочет измениться, может быть, я должен дать ему шанс. Но это будет последний шанс, который я ему дам.

Я немного испытываю вину, что не рассказал о нем Дженне, но не был уверен, как она отреагирует, что у меня есть такой брат.

— Как ты, братец? Давно не виделись.

Он отстраняется, но не убирает ладонь с моего плеча. Я смотрю на его лицо, и у меня такое чувство, будто я смотрю на себя. Мы полностью идентичны. Как мы можем выглядеть так похоже и быть такими разными внутри?

— Почему ты сегодня нарядился? — я усмехаюсь.

Не хочу признаваться себе, что часть меня рада его видеть. Желание иметь брата вернулось. Надеюсь, я не буду снова разочарован.

— Так как это роскошное здание, я подумал, что мне стоит привести себя в порядок. Костюмы здесь — униформа, так?

Он одаривает меня зубастой улыбкой. Один из его зубов сколот. Отличный способ нас различать.

— Спасибо за старания.

Я прислоняюсь к столу и складываю руки на груди, внезапно боясь нашего разговора, потому что я знаю, что он закончится на тему денег.

— Так что привело тебя сюда?

— Я что не могу навестить брата без причины?

— Трэвис, ты помнишь, что произошло прошлый раз, как ты был здесь? Некоторые женщины, которых ты домогался, все еще работают на меня. Тебе повезло, что они не подали на тебя в суд.

На его лицо набегает тень, и проявляется злое, горькое лицо брата.

— Да, напоминай мне о прошлом. У тебя это отлично получается.

— Тем не менее, когда мы разговаривали, я сказал, что позвоню тебе.

— Да, именно так ты и сказал. — Он встает рядом со мной и перенимает мой язык тела. — Но ты не позвонил, верно? Лишь из газет я узнал, что ты вернулся в город.

Его лицо принимает каменное выражение.

— Я не понимаю, почему ты не стал звонить своему брату.

— На то у меня были свои причины, и ты их знаешь.

Я поворачиваюсь к нему.

— Я все еще не знаю, могу ли доверять тебе после всего, что ты сделал.

— Когда ты согласишься, что я изменился? Я серьезно хочу начать все с чистого листа.

— Ладно, давай не будем об этом здесь. Пойдем, спустимся в бар.

Мне нужно увести его из своего офиса до того, как появится одна из его жертв.

— Знаю, что ты пытаешься сделать, брат. Ты пытаешься не дать мне столкнуться с твоей горячей личной помощницей.

Всплыв, я рывком снимаю свой пиджак со спинки кресла и набрасываю его на плечи. Затем, не удостоив его ответом, практически выволакиваю его из офиса. К счастью, мы почти ни на кого не натываемся по пути в бар. Но он пожирает глазами каждую проходящую мимо женщину, словно они куски мяса.

В баре он заказывает виски, а я — стакан воды.

— Ты и твоя вода. Когда ты собираешься выпить чего-нибудь стоящего?

— Я пью алкоголь, но не на работе.

— Но это твоя компания. Ты можешь делать все, что, черт возьми, пожелаешь.

— Какой пример я подам своим сотрудникам?

Он пожимает плечами.

— Скажи им, что ты босс и, что для некоторых правил ты исключение.

— Здесь все работает не так.

— Почему у меня складывается ощущение, что ты зол на меня за что-то?

Парень делает глоток своего напитка.

— Я стараюсь, но чувствую, что натыкаюсь на кирпичную стену. Ты все еще зол на то, что случилось между мной и моделью?

— Конечно же, нет. Это было давно. Я двинулся дальше, как ты знаешь.

— Да, но помни, что все было не только с моей стороны. Она не особо-то сопротивлялась.

— Лучше помолчи. Начинаешь меня на самом деле злить.

Он проводит языком по передним зубам.

— Ладно. Тогда давай поговорим о чем-нибудь другом. Давай я расскажу тебе о Бразилии. Там я провел последние несколько месяцев. И о Вене, и Праге.

— И от чего же ты бежишь?

— Я ни от черта не бегу. Я был там по делам бизнеса.

Я выгибаю бровь.

— Так каким именно бизнесом ты занимаешься?

Мне все еще сложно поверить, что кто-то доверяет ему настолько, что ведет с ним дела.

— Если я расскажу тебе, то мне придется тебя убить.

Он опустошает свой бокал. Он не отрывает от меня глаз.

— Если хочешь знать, это эксклюзивный бизнес. Не каждый может стать партнером. Я не готов обсуждать его сейчас. Ты можешь не одобрить.

Я массирую бровь.

— Надеюсь, ничего незаконного.

— Когда это я играл по правилам? Слишком скучно жить, оставаясь в зоне комфорта.

— Трэвис, пообещай мне быть осторожным.

— Поверь мне, я осторожен. Если бы я не был осторожен, то был бы сейчас уже в тюрьме, верно?

— Может быть, тебе просто везло.

Он поднимает свой бокал.

— Тогда давай надеяться, что моя удача будет длиться долго.

По тому, как он об этом говорит, мне становится не уютно. Надеюсь, что он не участвует в чем-то, что может навлечь на него проблемы.

Я наклоняюсь вперед.

— Может, намекнешь хотя бы?

— Джентльменский клуб, секретное сообщество, можно так сказать. Он для таких джентльменов, как я.

— Джентльменов, как ты?

Я пытаюсь не засмеяться, но мне это не удается.

— Да, таких джентльменов, как я.

Он втягивает воздух через сжатые зубы.

— Не каждому рады в этом клубе.

— И где же вы базируетесь?

Моя ответственность, как брата, присматривать за его занятием, чтобы убедиться, что он не окажется в тюрьме, ведь выручать его придется мне.

— Нигде и повсюду. Есть партнеры со всего мира.

— Похоже на масштабное предприятие.

— Даже понятия не имеешь.

Разговор стихает, пока он заказывает себе еще один виски. Я жду, когда официантка уйдет.

— Твой бизнес имеет название?

— Сейчас я не могу его тебе назвать. Может быть однажды, когда ты решишь стать инвестором.

— Что заставляет тебя думать, что мне будет это интересно?

Я подпираю подбородок рукой.

— Поверь мне, если ты захочешь стать одним из нас, у тебя не будет выбора, кроме как стать инвестором.

Он наклоняется вперед.

— Но я надеюсь, что ты можешь мне немного помочь. Как я сказал, это будет лишь ссуда.

Я кладу ладони на стол.

— Сколько?

— Примерно сто штук.

— Сотня тысяч?

Я делаю большой глоток воды. Дело не в деньгах, я устал давать ему деньги, чтобы проспонсировать бизнес, о котором я ничего не знаю.

Он постукивает пальцами по столу.

— Если ты не дашь мне денег, то я всегда смогу найти другие, менее законные способы их раздобыть.

— Ты мне угрожаешь? — У меня напрягается челюсть. — Угрожаешь?

— Нет. — Он опускает плечи. — Извини, что так вышло. Я засрапец. Это твои деньги, и я должен проявлять уважение.

На его лицо набегает тень.

— Но я ненавижу, когда ты меня осуждаешь.

— Я тебя не осуждаю. Я пытаюсь присматривать за тобой. Откровенно говоря, иногда я даже не знаю, почему.

Выражение его лица светлеет.

— Потому что я обворожительный симпатяга. Ты ничего не можешь с этим поделать.

Я хочу продолжать на него злиться, но вдруг понимаю, что усмехаюсь. Под всей этой тьмой и хаосом, может быть находится кто-то, похожий на меня. Мы точно не можем быть такими похожими внешне, но не иметь ничего общего.

— Хватит говорить о деньгах. Расскажи мне о своей невесте.

В последние дни Дженна стала моей любимой темой для разговора. Я вдруг рассказываю, как мы познакомились и влюбились. А затем совсем удивляю себя, говоря ему, что может быть ему стоит с ней познакомиться. Я пообещал это Дженне, но начал сомневаться.

— Как насчет ужина завтра, где я познакомлю вас двоих?

Должно быть, я выжил из ума, делая это. Я могу даже пожалеть об этом, но что-то внутри меня все еще тянется к нему.

— Какая она? Она симпатичная?

— Какое тебе дело?

Я смотрю на него, прищурив глаза.

Он поднимает руки в воздух, ладонями ко мне.

— Успокойся. Я не собираюсь приударить за ней.

— Ты не посмеешь.

Я впиваюсь в него взглядом.

— Если ты выкинешь что-нибудь глупое, я убью тебя голыми руками.

— Должно быть, ты очень любишь эту чику, раз хочешь на ней жениться. — Он наблюдает за моей реакцией. — Значит ли это, что ты перестал горевать по увлечению своей юности?

Когда мы впервые встретились, я рассказал ему о своей первой любви и о том, что не думал, что когда-либо смогу испытать нечто подобное. Тогда мои чувства были такими. Я даже зашел настолько далеко, что рассказал ему, что никогда не хотел жениться.

— Послушай, это в прошлом. Нет смысла на этом заикливаться. Не вспоминай про нее больше.

— Закрыли тему, мужик. Ты воспринимаешь все слишком серьезно. Хоть раз поживи моментом. Все, что ты делаешь, распланировано и под контролем от начала и до конца.

— Просто я люблю порядок. Планирование привело меня к тому, где я сейчас. — Я замолкаю на мгновение. — Что насчет тебя? С кем-нибудь встречаешься?

— Ничего серьезного.

— Надеюсь, что нет. Мы же не хотим, чтобы ты женился и снова избил свою жену.

— Хочешь узнать секрет? — Он наклоняется вперед. — Моя бывшая жена была не единственной, на кого я поднял руку. И к твоему сведению, я даю женщинам только то, чего они хотят. Они об этом просят. Им это нравится, даже когда они делают вид, что нет.

— Знаешь что, — отвечаю я резко. — За такие слова тебя надо посадить.

— Тебе не нравятся мои слова просто потому, что я честен. У меня были подружки, которые просили отшлепать их. Боль их возбуждала.

— Ладно. — Поправляю лацканы своего пиджака и встаю. — Думаю, хватит с меня этого разговора. Я позвоню тебе насчет ужина завтра.

Прямо сейчас, я всерьез жалею, что пригласил его. Внезапно я не так уверен, что хочу, чтобы он находился рядом с Дженной. Но я не люблю нарушать свои обещания.

— Что насчет денег?

Недолго думаю и принимаю быстрое решение. У меня есть деньги. Сотня тысяч долларов для меня ничто. И, если он действительно решил поменять свою жизнь, может, я должен дать ему один последний шанс.

— Переведу их на твой счет к концу дня.

Я оставляю Трэвиса в баре, глупо улыбающимся. До того, как я выхожу из дверей, слышу, как он заказывает еще один виски.

Я зол, когда врываюсь в свой офис. Запираю дверь, чтобы успокоиться. Хоть он мой брат, он имеет привычку говорить вещи, которые мне не приятны.

Когда я сажусь в свое кресло, звенит телефон. У меня поднимается настроение, когда на экране я вижу имя Дженны. После того, как мы вернулись, она отдалилась, и я не виню ее. В самолете я вел себя как засранец.

Просто мне неприятно говорить о своем брате. Но мне не стоило отделяться от нее таким образом. Она была права, мне стоило рассказать ей о нем. Почему я просто не извинился? Теперь уже поздно. Единственное, что я сейчас могу сделать, — это подлизаться к ней. Я подарю ей такую свадьбу, о которой она и не мечтала. Я все сделаю идеальным.

— Привет, милая, — говорю я. — Ты в порядке?

— Да, пишу резюме. Планирую отправить сегодня в пару мест.

— Ты уверена, что хочешь искать работу? — Слегка ослабляю галстук. — Я хочу сказать, я не против, но почему бы тебе не расслабиться и не подождать, пока мы не поженимся? Тогда у тебя будет все время мира, чтобы найти то, что тебе по душе.

— Поначалу я об этом думала, но мне бы хотелось знать, что работа меня уже ждет, когда мы вернемся с нашего медового месяца.

— Наверное, ты права. — Я вращаю по столу шариковую ручку. — Тогда ладно. Я собирался тебе позвонить. Завтра я ужинаю с братом и хочу, чтобы ты присоединилась ко мне. Ты не против?

На другом конце линии повисает тишина, которую она сразу же пытается заполнить.

— Конечно, нет. Я буду рада с ним познакомиться.

Она может и рада предстоящей встрече с Трэвисом, но я до ужаса боюсь их знакомить. Я бы хотел держать их как можно дальше друг от друга. Но я делаю это ради Дженны, а не для себя или Трэвиса. Также это мой способ извиниться за то, что держал ее в неведении.

Глава 9

Дженна

Когда Уинстон забирает меня из моей квартиры, чтобы отвезти на ужин с его братом, в тот момент, как я сажусь рядом с ним в машину, ощущаю напряжение в воздухе. Он кажется другим.

Он целует меня в губы, а затем все остальное время смотрит в окно, едва что-либо произнося. Еще больше удивляет, что во время поездки, он даже не достает свой телефон, чтобы совершить звонки или ответить на срочные электронные письма, как по обыкновению поступает.

О чем он думает? Я никогда не видела его таким притихшим. Я сказала или сделала что-то не так? Или он нервничает из-за моего знакомства с его братом?

— Ты в порядке? — с осторожностью спрашиваю я.

— Да.

Он переводит взгляд на меня, но в его глазах все еще есть это выражение, словно он далеко, когда берет мою руку и слегка сжимает ее.

— Ты думаешь о своем брате?

— И о многом другом.

Он потирает ноги.

— Дженна, я должен предупредить тебя. Мой брат непредсказуем. Не удивляйся, если он будет вести себя странно или не вежливо рядом с тобой.

— Не переживай из-за меня. Все будет хорошо. Он твой брат. Я польщена знакомством с ним.

— Спасибо. — Он накрывает мою ладонь своей. — Еще ты должна знать, что мы не особо близки. Впервые мы познакомились три года назад.

У меня округляются глаза.

— Вы росли не вместе?

Он кивает.

— Моя мать отдала его на усыновление, — его голос такой тихий, что его едва слышно, — и не сказала мне.

— Воу. — Я резко втягиваю воздух. — Мне жаль, что вы потеряли так много лет вместе. Я даже не могу представить, чтобы меня разлучили с сестрой, что я могла прожить жизнь, не зная, что она где-то есть.

— Да, из-за этого наши отношения несколько напряжены.

— Я... я не знаю, что сказать. — Боль в его глазах настолько сильная, что я ему сочувствую. — Поэтому ты не рассказывал мне о нем?

— Это одна из причин, да. — Он опускает подбородок. — Прости. Мне надо было рассказать.

Я пожимаю его руку.

— Знаешь, что, ты не обязан об этом говорить, если не хочешь. Давай сосредоточимся на сегодняшнем вечере.

Больше неважно, что он раньше не рассказывал мне о своем брате. Я понимаю, почему он этого не делал.

В маленьком пространстве слышен его вздох облегчения.

— Я ценю это.

Остаток поездки, пока машина лавирует по узким, темным улицам, мы больше не разговариваем. Взаимодействием между собой только посредством наших переплетенных рук. Уинстон снова глубоко погрузился в свои мысли.

Наконец, мы добираемся до закусочной и находим места в задней части, в углу рядом с крупным листовидным растением и громким музыкальным аппаратом. Я удивлена, что он выбрал небольшую закусочную на окраине города для ужина со своим братом. Обычно он ходит в фешенебельные рестораны, где одна бутылка вина может легко стоить, как чья-то месячная аренда.

Хоть он и выглядит не к месту в своем пошитом на заказ костюме, здесь я чувствую себя как дома. Расслабленная атмосфера напоминает мне о доме. Дешевая керамическая плитка, столы, накрытые пластиковыми скатертями, и бумажные цветы мне знакомы. Как и запах жира и специй. Большинство ресторанов, в которые водил меня Уинстон, пахли свечами, свежими цветами и чистящими средствами. Это место пахнет, как «Закусочная Гейла» у меня дома.

Мы садимся и заказываем напитки. Воду для Уинстона, а для меня «Спрайт». Официантка, стройная женщина с копной седых волос, спрашивает, хотим ли мы заказать и еду.

— Позже, — отвечает Уинстон. — Мы кое-кого ждем.

Он сжимает руки на столе так крепко, что на коже выступают вены.

Нам приносят напитки, и мы выпиваем их до прибытия его брата. Чем дольше мы ждем, тем все больше нервничает Уинстон. Наконец, он достает свой телефон и звонит ему. Тот не берет трубку. Как только он заканчивает вызов, дверь в закусочную открывается, и к нашему столику подходит хорошо сложенный мужчина, одетый в потертые джинсы и футболку.

При взгляде на него у меня переворачивается сердце. Волосы покороче, и надень на него костюм, он будет выглядеть как Уинстон.

У них волосы одного цвета, одинаковые глаза, даже одинаковое выражение лица. Единственное отличие в том, что на одной из бровей его брата есть шрам, и в том факте, что он носит неряшливую бороду.

Хоть я все еще вижу, что Уинстон раздражен тем, что его брат опоздал, они по-мужски обнимаются и похлопывают друг друга по спине, а затем его брат поворачивается ко мне.

— Должно быть, это та леди, что похитила твое сердце.

— Дженна, — представляюсь я, сердце бьется где-то у меня в горле. Я чувствую внезапную нервозность. Что-то в его взгляде на меня заставляет меня чувствовать себя не уютно. Не могу понять, что.

— Должен сказать, я удивлен. — Он пожимает мне руку. — Я ожидал совсем другого.

— В каком смысле? — спрашивает Уинстон жестким тоном.

— Я представлял ее совсем по-другому, вот и все.

Он втягивает воздух сквозь сжатые зубы.

— Но я рад, наконец, познакомиться с тобой, Дженна. Меня зовут Трэвис.

Он садится, глядя на меня. Смотрит так, будто способен видеть человека насквозь.

— Тоже рада с тобой познакомиться, — произношу я, хоть в этом не уверена.

Он щелкает пальцами, чтобы подзвать официантку и заказать виски со льдом.

Первое время мы все пьем свои напитки молча, затем Уинстон завязывает разговор. Как незнакомцы они обсуждают погоду. Для меня это странно, потому что со своей сестрой я близка.

— Чем ты занимаешься, Трэвис? — спрашиваю, чтобы показать интерес. — Я имею в виду, по роду деятельности.

— Я совладелец бизнеса, который не такой скучный, как тот, что у Уинстона.

— И чем же он интересен?

Я потягиваю напиток из трубочки, наблюдая за его лицом. Уинстон тоже с интересом ждет ответа.

Трэвис не успевает ответить, так как приходит официантка, и мы заказываем еду. Уинстон с братом заказывают стейк и картофель по-деревенски. Я заказываю себе греческий салат.

Как только официантка уходит, чтобы принести нам еду, Трэвис поворачивается ко мне.

— На данный момент мой бизнес находится на ранней стадии. Пока особо рассказывать не о чем. — Он режет свой стейк. — Итак, Дженна, когда у нас большой день?

— Мы пока не решили, — Уинстон отвечает за меня.

Трэвис поворачивается к своему брату.

— Я приглашен?

— Если ты будешь хорошо себя вести, — в голосе Уинстона слышна нотка предупреждения.

— Что, если я пообещаю хорошо себя вести? Для меня, правда, большая честь посетить твою свадьбу. С нетерпением хочу увидеть, как ты свяжешь себя цепью с женщиной. Институт брака прогнул. Будем надеяться, что твой брак не развалится.

Трэвис смеется, а лицо Уинстона краснеет от гнева, он сжимает руки в кулаки рядом со своей недоеденной едой.

— Не смей, — предупреждает Уинстон, его глаза полыхают огнем.

— Похоже, что я задел большую тему, — произносит Трэвис. — Мне жаль. Я не буду развивать эту тему.

Он продолжает жевать свою еду, но молча улыбается, глядя на Уинстона.

Напряжение между ними такое сильное, что мне сложно насладиться едой. Я рада, что рок-н-ролл заполняет молчание. Атмосфера за нашим столом полностью отличается от

атмосферы за другими столами, за которыми люди разговаривают, смеются и наслаждаются своей едой.

Делая вид, что они ладят друг с другом, близнецы возвращаются к безопасной теме погоды. Под столом Уинстон немного слишком сильно сжимают мою руку. Мне больно видеть, что близнецы настолько далеки друг от друга.

После прибытия десерта, я извиняюсь и ухожу в дамскую комнату.

Войдя в дамскую комнату, я закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной, вздыхаю с облегчением. Мне не нужно было сюда. А нужно было уйти подальше от всего этого напряжения за столом. Мне было сложно там дышать. Мне, в самом деле, жаль Уинстона. Трэвис кажется настоящим придурком.

Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание на десять секунд и медленно выдыхаю. Повторяю так несколько раз, пока мое сердцебиение не успокаивается. Только тогда я решаю вернуться обратно за стол.

Но, когда я выхожу из дамской комнаты, почти сталкиваюсь с Трэвисом, стоящим за дверью. Это меня удивляет, потому что мужской туалет раньше по коридору.

— Эй, я тебя не видела.

Я поднимаю руку к груди, делая вид, что спокойна, когда, на самом деле, волнуюсь. Он немного меня пугает.

— Жизнь полна сюрпризов, — говорит он. — Это один из них.

Я делаю шаг назад, потому что, по моему мнению, он стоит слишком близко.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что люди могут удивить тебя. — Он смотрит на меня, даже не дрогнув. — К примеру, ты и мой брат... это сюрприз. Ты не его типаж.

— А каков его типаж?

Я слегка повысила голос.

— Давай подумаем. — Он прикладывает палец к губам. — Его больше тянет к моделям и актрисам.

— Ну, полагаю, он не нашел в них того, что искал.

Если быть честной, я чувствую себя немного оскорбленной. Я не понимаю, на что он намекает.

— Наверное, нет. — Он проходит языком по нижней губе. — Он выбрал тебя.

— Надеюсь, что для тебя это не проблема.

Я смотрю ему в глаза жестким взглядом. Почему у меня есть ощущение, что я не нравлюсь этому парню?

— Нет, просто я честный мальчик. Склонен говорить то, что думаю.

— Ты считаешь, что я недостаточно хороша для твоего брата?

— Я лишь поделился с тобой своими наблюдениями. Я приношу извинения, если случайно тебя расстроил. Я не специально. — Он делает паузу. — И к твоему сведению, в отличие от своего брата, я всегда ценил красивых фигуристых женщин.

— Ясно. — С усилием сглатываю. — Мне пора возвращаться за стол.

От мысли, что мне снова придется сидеть рядом с этим мужчиной, мне становится тошно.

— Так скоро? Мы только начали нашу маленькую беседу.

— Мне нужно вернуться к Уинстону.

— Эй, Уинстон большой мальчик. Может побыть пару минут один.

Я пытаюсь пройти мимо него, но он касается рукой стены, блокируя мне путь. В моих глазах отражается страх, когда я встречаюсь взглядом с его смеющимися глазами.

— Что ты делаешь?

— Я всего лишь хочу поговорить с тобой. Нет необходимости сбегать.

Его голос похож для меня на шелест гравия.

Я делаю шаг назад, увеличивая между нами расстояние. Коридор так узок, что его тело занимает большую часть прохода.

— Что не так, Дженна? Ты меня боишься или что?

— Немного.

Я скрещиваю руки на груди.

— Не надо бояться. Я на самом деле хороший парень. Иногда так не кажется, но это правда.

— Уйди с дороги, или я закричу.

Я снова пытаюсь пройти мимо него, но он продолжает стоять передо мной, как скала.

— Ах-х! Женщина с огоньком. Мне это нравится. Я люблю вызовы.

Не видя другого способа пробраться мимо него, я кладу ладони ему на грудь и толкаю его.

— Трэвис, дай мне вернуться к Уинстону.

— Всего один последний вопрос, — произносит он, смотря на меня сверху вниз. — Как вы с братом встретились и полюбили друг друга?

Я хочу сказать ему, чтобы он отвалил, но это лишь все усложнит. Лучше ответить на его вопрос, чтобы он отстал от меня.

— Я работала в его компании.

Он выгибает бровь.

— Так значит, ты работала и в ночную смену. За столом днем и верхом на боссе ночью.

Мое лицо покрывается румянцем.

— Да как ты смеешь?

Я уже собираюсь толкнуть его снова, когда замечаю за его плечом Уинстона.

— Держись от нее, бл*ть, подальше.

Уинстон хватается своего брата за шею и рывком оттаскивает от меня.

— Какого х*я ты творишь?

Я начинаю дрожать, словно Трэвис со мной что-то сделал. Но он не делал, по крайней мере, физически. И он все еще брат Уинстона. Я не хочу стать между ними камнем преткновения, нанося вред их и без того хрупким отношениям.

— Все в порядке, Уинстон. Он ничего не сделал.

Одно ясно, я никогда не останусь наедине в одном помещении с Трэвисом.

— Ты боишься, что я ее трахну? — Трэвис смеется в лицо Уинстону.

— Подойдешь к ней снова, и я убью тебя, — предупреждает Уинстон.

— Правда что ли? Это не в твоём характере, братец. Только у меня хватит духу для чего-то такого.

Я не успеваю переварить слова Трэвиса, как Уинстон хватается его за футболку и припечатывает его к стене, а затем вдруг отпускает.

— Я серьезно. Держись от нее подальше.

— Воу. Еще один сюрприз. Не знал, что ты у нас жестокий.

Уинстон игнорирует его и подходит ко мне, притягивая в свои объятия.

— Прости, детка. Мне жаль, что он тебя напугал.

— Он ничего не сделал, — произношу я, уткнувшись в его плечо.

— Мне все равно, сделал или не сделал. Больше я не дам ему к тебе приблизиться.

Уголкем глаза, я вижу, что Трэвис спотыкается и произносит тихое ругательство.

— Удачи с золотоискательницей. Сучка просто хочет денег. Готов поспорить, что ты осыпаешь ее подарками и путешествиями, а сам отказываешься помочь родному брату.

— Убирайся к черту.

Уинстон произносит эти слова с такой интонацией, что Трэвис подчиняется. Но прежде чем исчезнуть дальше по коридору, он оборачивается и салютует нам.

— Теперь я понимаю, — говорю я, когда Трэвис ушел. — Понимаю, почему ты не хотел рассказывать мне о нем. С ним серьезно что-то не так.

— Да, он зол и жесток. Ты его больше не увидишь.

Глава 10

Я не была дома полгода. В прошлый раз я ездила в Мисти Коув на уикенд. Не потому, что теперь я считала себя выше маленького городка, из которого родом, как считают некоторые местные. Я уехала, потому что мне было нужно время, чтобы построить новую жизнь в Нью-Йорке, сосредоточиться на работе.

Уезжая из Мисти Коув в Нью-Йорк, я была в раздрае. Мои отношения с Сэмом, сыном майора, продлившиеся четыре года, закончились тем, что он предал меня. Хотя я и была опустошена, восприняла это как знак, что мне пора уезжать в погоне за мечтой. Я всегда хотела большего, чем то, что мог дать мне небольшой городок.

Теперь я вернулась, об руку с другим мужчиной и с блестящим обручальным кольцом на моем пальце. Наше прибытие на одном из частных самолетов Уинстона вызвало небольшой переполох. Хотела бы я, чтобы мы приехали на другом транспортном средстве, но Уинстон настоял на самолете.

Однако больше всего меня беспокоит, что он захотел остаться в отеле, а не в доме моих родителей. Я бросила попытки его переубедить. Если быть честной, я не могу представить, чтобы он, мужчина со спальней, которая больше моей квартиры в два раза, теснился в моей крошечной детской комнате. И было бы грубо оставить его одного в отеле, когда он был моим гостем.

Пока мы едем к отелю, я смотрю в окно на городские улицы, на которых я выросла, города, в котором получила свое первое образование, где нашла первую работу, работала в закусочной напротив дома, где я поняла, что значит влюбиться в парня, но и каково это — терять любовь.

В тайне я скучаю. Здесь все, как одна семья, и мне этого не хватает. Мне не хватает того, что можно навестить соседа, не договариваясь о встрече. Мне не хватает того, что когда происходит трагедия, все предлагают свою помощь, а когда случается праздник, весь город делится с тобой своей радостью.

Мы проезжаем мимо кондитерской, и у меня текут слюнки. Я поворачиваюсь к Уинстону, радостно улыбаясь. Я уже готовлюсь провести ему мини-тур, с гордостью познакомить с моим домом, но останавливаюсь. Он не проявляет никакого интереса и копается в телефоне.

— Ты обещал не работать.

— Я обещал не ездить на встречи.

Он ненадолго поднимает взгляд, а затем снова возвращает внимание к маленькому экрану.

— На электронные письма нужно ответить. Не отвечу на одно электронное письмо и потеряю много денег.

Он бросает на меня извиняющийся взгляд.

— Ты же понимаешь?

Я киваю, хоть паника захлестывает меня, когда представляю наше будущее. *Так будет всегда? Наша жизнь и брак будут для него на втором месте?* Он даже не может остаться в Мисти Коув на пару дней. Он хочет, чтобы мы уже завтра вернулись в Нью-Йорк, а мы еще даже не приехали. Только вот он еще не знает, что я планирую остаться еще на пару дней. Моя семья не поймет, если я приеду и сразу же соберусь уезжать. Это будет грубо. Мне все равно нечем заняться в Нью-Йорке.

Утром мне не нужно идти на работу. Пару дней находиться дома, обустроить дом и ждать, когда Уинстон закончит работать, чтобы мы вместе могли поужинать, для меня скучно, телевизор смотреть мне уже надоело. Я никогда не была девушкой, которая может сидеть на диване и долгое время ничем не заниматься. Единственное, что хорошо в куче свободного времени — возможность много читать. Вчера я начала и уже закончила читать целую книгу. Давно такого не было.

— К какому времени твоя семья приедет на ужин? — спрашивает он, все еще касаясь экрана.

— К семи. Но у Хизер ночная смена. Она может встретиться с нами лишь завтра утром.

— Она медсестра, верно?

— Да. У нее тяжелая работа.

— Не могу дождаться встречи с ней.

Я прислоняюсь к нему и закрываю глаза.

— Я знаю. А я не могу дождаться, когда ты познакомишься с моей семьей.

— Родители, которые вырастили такую женщину, как ты, должны быть потрясающими.

Он целует меня в висок.

Так и есть. Я вдруг чувствую прилив вины, что редко навещаю мать с отцом. Это они приезжали навестить меня два месяца назад и чувствовали себя не в своей тарелке в большом городе.

Пока машина скользит по улицам Мисти Коув, превращая пастельного цвета коттеджи в размытое пятно, я отказываюсь от идеи устроить Уинстону мини-экскурсию. Когда мы проезжаем мимо церкви «Тринити» и салона красоты «У Роуз», чтобы успокоить нервы, я глубоко вдыхаю соленый океанский воздух. Он определенно не проявляет никакого интереса. Приехал сюда, потому что так надо.

Я удивленно ахаю, когда мы приезжаем в отель «Кашмир», новое строение, которого здесь не было, когда я уезжала. В лобби много стекла, мрамора и сверкающих люстр. Должно быть, это самый роскошный отель в городе. Уинстон зарезервировал для нас номер для новобрачных, и нас отводят туда, как только мы заходим в отель. Внутри стеклянного лифта я чувствую себя фальшивкой, словно притворяюсь кем-то, кто лучше людей, среди которых я выросла. Хорошо, что я не натолкнулась ни на кого из знакомых, что не удивительно, учитывая, что большинство моих знакомых не могут позволить себе пребывание здесь.

Комната подобна бело-кремовой мечте с вкраплениями золота; Уинстону нравится свежесть в стиле.

Как только лакей забирает наши чемоданы и начинает распаковывать их, Уинстон подходит и обнимает меня.

— Я рад быть здесь с тобой. Твой город очарователен.

— Ты его толком не видел. — Я подавляю разочарование. — Ты был слишком занят в телефоне.

Мне не нравится, что я сейчас похожа на девушку, которая пилит своего бойфренда, так что я смягчаю свои слова:

— Но я знала, на что иду. Ты занятой человек.

— Рад, что ты понимаешь.

Он целует меня в кончик носа и отстраняется.

— Каков твой домашний адрес?

— В Нью-Йорке или здесь? — говорю я через плечо, входя в белую мраморную ванную комнату.

— Адрес твоих родителей.

— Почему ты спрашиваешь?

— Думаю, что это нормально знать адрес моих будущих тестя с тещей, ты так не считаешь?

— Да, верно. Они твои будущие родители.

Я называю ему адрес, который он даже не записывает, потому что у него феноменально хорошая память.

Я все еще в шоке, что выхожу замуж за одного из самых завидных холостяков в Америке. Теперь он уже занят. И он мой.

Мать с отцом входят в ресторан отеля «Кашмир», одетые в элегантные наряды. Должно быть, они действительно хотят впечатлить Уинстона. Отец надевает костюм только по воскресеньям.

Мать одета в бархатное платье длиной до колена цвета шампанское с черной шелковой лентой вокруг талии. Ее черные волосы, идентичные моим, обычно заплетенные в косу, распущены, мягкие волны перекинуты через одно плечо.

Я крайне удивлена. Всю мою жизнь она проходила в бесформенных платьях, которые совсем не льстили ее фигуре, но она утверждала, что они удобные.

Оба их наряда выглядят довольно дорогими.

— Моя малышка, — говорит мама, целуя меня в губы и притягивая в крепкие объятия, пахнущие ее цветочными духами.

— Мама, — произношу я, прежде чем отстраниться. — Ценник видно.

Как можно незаметнее, я вытаскиваю его у нее со спины. Быстрый взгляд подтверждает мои догадки. Она ни за что бы не потратила несколько сотен долларов на платье. И никогда бы не купила дизайнерское платье.

Я ничего не спрашиваю, позволяю отцу обнять себя. Его отскребли хорошо, но мой нос все равно улавливает легкий запах моторного масла.

— Давненько не виделись, — говорит он.

— Знаю, папа. Прости.

Я целую его в щеку.

Он отстраняется и переводит взгляд на Уинстона.

— Думаю, нас не надо представлять,— говорит он ему. — Последние дни я часто вижу тебя в газетах.

Уинстон смеется.

— Приятно познакомиться с вами лично, мистер Макнелли.

— Не называй меня так. Мы скоро станем одной семьей.

Папа буквально бросается с объятиями к Уинстону, и я краснею от смущения.

— Называй меня отцом. Дженна сказала мне, что у тебя нет своего отца.

Как только Уинстон объявил о нашей помолвке на пресс-конференции, я позвонила родителям, чтобы сообщить им. Я немного опоздала, потому что они уже об этом узнали. Я не знала, как, но мама сказала, что об этом было написано в газетах. Конечно, они были обижены, что я сначала не рассказала им, да и папа, казалось, не одобрял кандидатуру Уинстона. Первым же делом он спросил меня о его возрасте. Как только я ему сказала, отец передал трубку матери, которая просто сказала, что рада за меня и вскоре закончила наш разговор.

Поэтому-то я и удивлена теплоте приему, который они сейчас оказывают Уинстону.

Мама тоже обнимает его и целует его в щеку. К моему ужасу, она берет его лицо в ладони.

— Я так горда, что ты женишься на моей дочери.

— Нашей дочери, — поправляет ее отец.

— Мне повезло, что ваша дочь появилась в моей жизни.

Уинсон обнимает меня рукой за плечо и притягивает ближе. К счастью, он, кажется, не возражает против чересчур радужного приветствия.

Вместо того чтобы заикливаться на неловкой встрече, я задаюсь вопросом, откуда мои родители взяли деньги, чтобы купить дорогую одежду. Я продолжаю переводить взгляд с матери на отца, они действительно расстарались из всех сил. Молю Бога, чтобы они не потратили последние сбережения, чтобы купить дорогую одежду, чтобы впечатлить Уинстона. Я знала, что они будут чувствовать себя не в своей тарелке в таком дорогом отеле, но им не нужно было так изощряться ради него.

— Уинстон, — произносит отец после того, как мы заказываем еду. На самом деле, еду заказал Уинстон. — Как отец невесты, я несколько разочарован, что ты не приехал, чтобы попросить руки нашей дочери.

— Папочка, — я бросаю взгляд на Уинстона, мои щеки горят, — прости.

— Не надо.

Уинстон пьет свою воду и возвращает взгляд на моего отца.

— Твой отец прав. Я должен был приехать. И я глубоко извиняюсь, что этого не сделал... папа.

Во время ужина двое главных мужчин в моей жизни находят общий язык. Папа даже рассказывает Уинстону о своем загибающемся бизнесе по ремонту машин, в то время как моя мама смотрит на Уинстона с абсолютным благоговением.

— Это не обязательно должен быть конец. — Уинстон откусывает от своего жареного хека. — Умирающий бизнес всегда можно возродить.

— Нет, думаю, это знак, что я должен положить этому конец. Я думаю, что мне стоит

заняться чем-то новым. Я всегда хотел открыть свою автомойку. Еще одна моя детская мечта.

— Почему вы ее не исполнили?

Мой отец пожимает плечами. Хоть он и не отвечает, я знаю ответ. У него не было денег.

— Дело в деньгах?

Я хочу провалиться сквозь землю, услышав вопрос Уинстона. Я не хочу, чтобы он заставлял моего отца чувствовать себя некомфортно.

Мой отец не смотрит ему в глаза, когда прочищает горло.

— Не только в деньгах.

Я знаю, что это ложь. Все за этим столом знают, что это ложь.

— Что, если бы деньги появились? — спрашивает Уинстон. — Вы бы исполнили свою мечту?

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что, если бы кто-нибудь вложил деньги в ваш бизнес? Может быть, ваш будущий зять?

Мой отец вытирает губы, его лицо покраснело.

— Нет, я не могу этого принять.

— Уинстон, ты не обязан этого делать, — быстро добавляю я.

— Знаю, что не обязан. — Он тянется к моей руке и пожимает ее. — Но мне было очень приятно, если детская мечта твоего отца исполнится. Мне это не сложно.

Я решаю не развивать тему, потому что чувствую себя ужасно, вставая на пути отца.

Вместо этого я молча ем, и после десерта мне кое-как удается выманить маму в дамскую комнату.

— Ты потрясающе выглядишь, мама.

Я уделяю время тому, чтобы по-настоящему оценить то, какими красивыми и блестящими выглядят ее волосы.

— Как ты смогла позволить себе дорогую одежду? Надеюсь, что ты не...

Мама придвигается ко мне ближе.

— Нам сказали ничего тебе не говорить.

— Кто сказал?

Ожидая ответа, я задерживаю дыхание.

— Сегодня в полдень к дому подъехала машина, женщина привезла красивую одежду. Она попросила нас выбрать то, что нам нравится.

Ответ поразил меня как удар молнии.

— Только не говори, что все это прислал Уинстон.

Она цепляется за мою руку.

— Милая, пожалуйста, не говори ему. Женщина сказала нам, что одежду прислал твой жених. Она попросила нас сохранить это в тайне.

Теперь я понимаю, почему Уинстон захотел узнать мой адрес. Он хотел удивить моих родителей. Хоть жест и мил, меня он смущает. Но как я могу отказать матери в радости, которую сейчас вижу на ее лице? Не знаю, видела ли ее когда-нибудь такой обрадованной?

— Он такой очаровательный мужчина. Ты правильно поступила, дорогая.

— Мама, я выхожу за него замуж не из-за денег.

— Знаю, что нет. Я не такими воспитала тебя с твоей сестрой.

9эх. бю. эх — Она делает паузу. — Я вижу, что вы оба любите друг друга.

— Отец не возражает против нашей разницы в возрасте?

— Поначалу возражал, но я напомнила ему, что твое счастье важнее. Ты же счастлива, так?

Я колеблюсь всего долю секунды, прежде чем улыбнуться.

— Счастлива, мама. Да, счастлива.

— Только это и имеет значение. Все остальное — вишенка на торте.

Она касается моих щек и говорит, что нам стоит вернуться за стол, потому что отсутствовать долго — дурные манеры.

Когда мы возвращаемся, Уинстон уже отдал распоряжения о финансировании бизнеса моего отца. Мой отец сидит, выглядя так, будто выиграл в лотерею, а Уинстон выглядит гордым собой.

Как раз тогда, когда я думаю, что не смогу пережить еще больше сюрпризов, Уинстон объявляет перед моими родителями, что он забронировал им на ночь номер в отеле. Я собираюсь возразить, но моя мать бросается к нему с объятиями. Я почти что умираю от смущения и вины.

Правда состоит в том, что они заслуживают того, чтобы их баловали. Но меня расстраивает, что это не я осыпаю их подарками. И я не могу перестать чувствовать неловкость из-за всей этой ситуации.

Глава 11

Уинстон

Что-то не так. Я чувствую это нутром. Дженна в ванной уже целых полчаса. С ней что-то происходит, но я не могу понять, что.

Она была сама не своя во время ужина со своими родителями. Я был так рад встрече с ними, с людьми, которые вырастили женщину, которую я люблю, но теперь беспокоюсь, что произвел не самое лучшее впечатление.

Я ждал ее достаточно долго, так что решаю присоединиться к ней в ванной. Она стоит у умывальника, втирает лосьон в кожу рук. Я подхожу и встаю за ее спиной.

— Ты в порядке, милая?

Я обнимаю ее за талию, прижимаюсь своей эрекцией к ее пояснице и уже отчаянно ее желаю. Я страстно хочу погрузиться в нее, но между нами словно кирпичная стена.

— Да, конечно.

Она разворачивается и делает то же, что и всегда — обнимает меня за шею. Касается своим лбом моего и закрывает глаза.

— Я счастлива.

— Но тебя что-то беспокоит, ведь так?

Я чуть отстраняюсь.

Она никогда не сможет солгать мне. Я всегда читаю правду по ее глазам. Когда я смотрю ей в глаза, то чувствую, что могу заглянуть в ее душу.

Она отходит от меня и возвращается в спальню. Садится на край кровати и поднимает на меня взгляд, когда я захожу следом за ней.

— Дженна, что происходит? — спрашиваю я, ощущая тяжесть в груди.

— Просто... — Она кусает нижнюю губу. — На меня много всего навалилось. Ты слишком много делаешь для моих родителей.

При этих словах на ее лице отражаются противоречивые эмоции. Очевидно, что она хочет лучшего для своих родителей, так что я не понимаю, с чего бы все это.

— И что? — Я сажусь рядом с ней. — Твои родители заслуживают всего лучшего. Без них не было бы тебя. Я обязан им гораздо больше.

— Но мне кажется, что ты перебарщиваешь. Ты уже дал им слишком много.

— Что для тебя слишком много? Номер на ночь в этом красивом отеле?

Она зажимает ладони между бедер.

— Уинстон, я знаю об одежде.

— Дерьмо. — Я резко выдыхаю. — Мне стоило знать, что они тебе расскажут. Мне не следовало просить их держать это от тебя в тайне.

— Да, не следовало. — Она смотрит на меня с неодобрением. — Мама рассказала мне.

— Не понимаю, почему ты против того, чтобы я покупал им подарки. Это всего лишь одежда.

— Почему ты это делаешь? Может, ты думаешь, что они поставят тебя в неловкое положение?

— Я не понимаю. Куда ты клонишь?

Я уже чувствую, как между моими бровями начинает нарастать головная боль.

Она пожимает плечами.

— Я хочу сказать, тебе было бы неловко, если бы они пришли в своей обычной одежде, которая не совсем вписывалась в обстановку?

— Так вот что ты обо мне думаешь?

Мой голос понизился и дрожит.

— Нет. — Она массирует лоб. — Прости. Я к такому не привыкла.

Я выгибаю бровь.

— Не привыкла к чему конкретно?

— Чтобы мне дарили все эти вещи. То, что ты даришь им, ты даришь мне.

— И ты испытываешь из-за этого вину?

— Я чувствую, если быть честной, некоторое давление.

— Ты меня запутала, женщина.

Я откидываю руки за спину и потягиваюсь, глядя на потолок.

— Что конкретно ты хочешь сказать?

— Дело в том, что мы еще не женаты. Думаю, что нам, по меньшей мере, стоит пожениться, а уже потом можешь дарить моим родителям дорогие подарки. Ты уже так много всего подарил мне за прошедшие дни.

— Драгоценности и каникулы ничего не значат. То, что ты даришь мне каждый день, стоит гораздо больше. Ты даришь мне возможность стать частью твоей жизни. Я хочу дарить тебе то, что заставит тебя улыбаться. Я не понимаю, почему сейчас я не вижу эту улыбку.

— Детка, для меня много значит, что ты так добр и щедр ко мне и моим родителям. Но я все равно испытываю чувство вины. — Она облизывает губы. — Что, если...

— Что, если наши отношения развалятся?

Я уставился на нее. Наши отношения не могут развалиться.

Она не отвечает. Вот мне и ответ. Она боится, что, если я подарю ей слишком много, а наши отношения разладятся, ей может быть придется вернуть все обратно.

Я притягиваю ее ближе.

— Милая, тебе совсем не надо об этом беспокоиться. Мы всегда будем вместе.

— Да, будем. Я глупышка.

Она тихонько вздыхает и кладет голову мне на плечо.

— Но ты должен пообещать больше не дарить моим родителям подарки, по крайней мере, пока мы не поженимся.

— Боюсь, что это обещание я не смогу сдержать, — усмехаюсь. — Но обещаю попытаться.

— А ты упрямый, да?

— Да, я такой. И я знаю, что тебе это нравится.

Не давая ей сказать что-нибудь еще, что испортит настроение, я опускаю ее на постель и залезаю сверху, забираюсь рукой под ее банный халат и обнимаю за ягодицу. Обожаю ощущать под собой тепло ее тела. Каждый раз, как я прикасаюсь к ней, хочу еще.

Я перемещаю ее тело выше и раздвигаю ей ноги. Скольжу пальцем внутрь ее тела, и она издает вздох... какой я люблю. Пока я двигаю пальцем внутрь и наружу, она плотно зажмуривает глаза, пытаюсь сдержать удовольствие, которое я ей дарю.

Ее глаза все так же закрыты, когда я освобождаю свой член и вхожу в нее, дюйм за дюймом, до полного погружения в ее теплые глубины. Я трахаю ее до тех пор, пока на ее губах не остается лишь мое имя. Пока она не забывает все сомнения, засевшие в ее сердце. Ничто не испортит наш секс сегодня.

После мы лежим, глядя в потолок, задыхаясь от вторичных волн оргазма. Момент идеален, пока она не начинает снова.

— Я не хочу, чтобы мои родители к такому привыкали. Они привыкли к совсем другой жизни.

Она кладет руку на лоб.

— Больше никаких подарков. Я серьезно.

Я приподнимаюсь на локте.

— Что, если я делаю все это, потому что мне это на самом деле нравится? Мне приносит счастье радовать твоих родителей. Разве ты не чувствуешь того же самого?

— Да, да, чувствую.

Какое-то время она молчит. Затем заговаривает, понизив голос:

— Они и правда выглядели счастливыми.

— Тогда не отказывай им в этом. Они тяжело трудились всю свою жизнь. Пора им расслабиться и насладиться жизнью.

— Тебе не кажется, что спонсировать бизнес моего отца — это немного чересчур?

— Это меньше, что я могу сделать. Он замечательный человек. Он рассказывал мне, как был солдатом, когда был моложе. Я должен ему не только за то, что он подарил мне тебя, но и за то, что он сделал для этой страны.

— Перестань задевать меня за живое.

— Это я умею делать лучше всего.

Я покусываю ее за шею, заставляя ее хихихать, как я люблю.

— Спасибо, — говорит она. — Мне жаль, что я повела себя, как стерва, вместо того, чтобы поблагодарить тебя за твою доброту.

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я, испытывая облегчение, что мы покончили с этой темой.

Я выключаю свет и притягиваю ее ближе, заполняю легкие ее запахом.

— Я не хочу завтра возвращаться в Нью-Йорк, — произносит она в темноте.

Я снова включаю свет.

— Ты должно быть шутишь.

— Я давно не видела свою семью. Я хочу провести с ними больше времени.

— Что насчет меня, а?

— Что насчет тебя?

Она отклоняется, чтобы лучше видеть мое лицо.

— Ты просто позволишь мне вернуться одному?

Во мне закипает гнев.

— Я не вижу в этом проблемы. И я не планирую оставаться надолго.

— Ты хоть представляешь, сколько работы ждет нас в Нью-Йорке?

— У меня нет работы. Мне надоело целыми днями ничего не делать.

— Я не раз говорил тебе, сходи на шоппинг. Займись тем, чем не успевала заняться, пока работала.

— Я не люблю шоппинг. В основном я делаю покупки в интернете.

— В городе есть чем заняться. Выйди из квартиры, походи среди жителей Нью-Йорка.

У тебя нет друзей, с которыми можно встретиться?

— У тех нескольких друзей, что у меня есть, есть работа, на которую надо ходить.

— Я могу устроить тебе встречу с моими друзьями.

— Нет, я лучше проведу пару дней здесь со своей семьей.

Я с недовольством потираю лицо.

— Я не понимаю, почему ты хочешь задержаться. Мы поужинали с твоими родителями.

Завтра мы с ними и твоей сестрой завтракаем.

— Я хочу с ними не только поужинать и позавтракать. Хочу увидеть свой дом, поспать в своей спальне.

— Но ты переросла свою спальню, бога ради. — Порывисто выдыхаю. — Это была твоя детская спальня. Теперь ты женщина.

— Я это понимаю, Уинстон. Но не понимаю, в чем проблема.

— Ты не понимаешь, в чем проблема?

С каждым словом я все больше и больше раздражаюсь.

— Проблема в том, что ты моя невеста. Я думал, теперь в приоритете для тебя я.

— Не говори так. Ты один из самых важных для меня людей.

Она прикасается к моей щеке кончиками пальцев.

— Тогда почему ты ставишь меня на второе место?

— Все не так. Просто я хочу провести больше времени с родителями, а ты раздуваешь из этого проблему.

Она свешивает ноги с кровати и накидывает на плечи банный халат. Я думаю, что она вихрем умчится из комнаты, но она просто стоит со слезами в изумрудных глазах.

— Что именно значит для тебя семья, Уинстон? У меня другое представление о семье.

— А у меня другое представление об отношениях. Как моя будущая жена, ты должна быть рядом со мной. В Нью-Йорке запланированы интервью по поводу наших отношений и предстоящей свадьбы, и я хочу, чтобы ты на них присутствовала.

— Я пробуду здесь не более трех дней... максимум.

— Ты уже решила, что так поступишь, да? Даже если я против.

Она упирает руки в бедра.

— Мне не нужно твое разрешение на то, чтобы побыть с семьей.

С каждым словом ее тон становится все жестче.

Я выскакиваю из постели, огонь обжигает мое горло.

— Знаешь ли, есть вещи, которые я не думал, что придется тебе объяснять.

Пока она стоит там и выглядит расстроенной, я исчезаю в гардеробной и срываю рубашки с вешалки. Вскоре она присоединяется ко мне.

— Что ты делаешь?

— Раз ты хочешь проводить время со своей семьей, будет лучше, если я уеду прямо сейчас.

Очевидно, что я здесь не нужен.

— Ты слишком бурно реагируешь, — выпаливает она в ответ.

— А ты ведешь себя нелепо. Ты больше не ребенок. Перестань вести себя так.

Она медленно качает головой.

— Теперь ты ведешь себя нелепо.

— Я уеду с глаз долой, чтобы ты могла провести время с самыми дорогими для тебя людьми. Я возвращаюсь в Нью-Йорк.

Она очень огорчена.

— Сегодня вечером?

— Почему нет? Мне кажется, что я здесь тебе не нужен.

— Мои родители ждут нас завтра на завтрак. Что я им скажу?

— Говори, что хочешь. — Я устало потираю глаза. — Или скажи им, что утром мне нужно присутствовать на важных встречах, что полнейшая правда.

— Отлично. — Она разворачивается кругом и уходит. — Раз уж ты не будешь здесь спать, стоит ли мне покинуть отель? — говорит она из комнаты.

— Ты и правда думаешь, что я так жесток?

Я встаю на пороге гардеробной.

— Ты думаешь, что я просто вышвырну тебя из номера в отеле посреди ночи?

— Нет, я...

— Прекрати. Не перевирай мои слова.

Я чувствую, как у меня краснеет лицо.

— Конечно, ты можешь остаться здесь на ночь. Провести здесь столько дней, сколько хочешь. Я за все заплачу.

— Я проведу здесь только ночь. Завтра я вернусь в дом родителей.

— Даю тебе три дня и все. Нам нужно планировать свадьбу. Свадебный организатор уже ждет нас завтра вечером.

— Свадебный организатор?

Она наклоняет голову в сторону.

— Ты и правда думаешь, что сама спланируешь свадьбу на тысячу персон?

Ее глаза расширяются от шока.

— Тысячу персон?

— Чуть больше тысячи. Список гостей уже составлен. Через два дня будут разосланы приглашения.

— Ты шутишь? Как ты мог не обсудить это со мной? — ее голос дрожит. — Что, если я не хочу большую свадьбу?

— Я публичная фигура. Я знаю множество людей.

— А я не более чем провинциальная девчонка, так? — Она делает несколько глубоких вздохов, прежде чем продолжить: — Что мы делаем? Ты уверен, что мы можем вписаться в жизнь друг друга? Может быть, мы слишком разные.

— Дженна, ты хочешь сказать, что нам не стоит жениться?

— Нам нужно уметь договариваться. Ты принимаешь все решения за нас. Ты считаешь это нормальным?

Она вытирает влагу на щеках кончиками пальцев.

— Я чувствую себя так, будто меня исключили из собственной свадьбы.

— Решив остаться здесь, ты решаешь не участвовать целых три дня.

— Всего три дня, Ббога ради, это не конец света.

— Я не могу так больше, — говорю.

Я хватаю свой телефон и звоню Мариону, своему водителю... И пилоту, который также остановился в этом отеле.

Пятнадцатью минутами спустя, во время которых мы с Дженной не разговариваем, он появляется, готовый ехать.

Перед уходом я пытаюсь поцеловать ее в губы. Она подставляет мне щеку. Вымалывать что-то не в моем стиле, так что я ухожу.

Она звонит мне, когда я устраиваюсь в машине.

— Милый, пожалуйста, не уходи, не так.

— Все нормально.

Я чувствую, что успокаиваюсь.

— На самом деле к лучшему, что я уезжаю в Нью-Йорк прямо сейчас. Мне нужно с многом позаботиться по бизнесу. Так что не тревожься, хорошо?

Я хочу выпустить на волю гнев, но меня убивает слышать боль в ее голосе. Однако, это не меняет того факта, что я ненавижу чувствовать себя на втором месте в ее жизни.

После свадьбы все изменится. У нас с ней возникнет семья. Я четко дам ей понять это. Никто не заберет у меня жену: ни мой брат, ни ее семья, ни чертова работа. Я позвоню своим адвокатам завтра утром.

Как человеку, которому есть, что терять, с моей стороны будет безответственно жениться без брачного контракта. Там будет множество пунктов, которые она не предвидела, но они помогут избежать будущих недопониманий.

Глава 12

Дженна

Наверное, я получила то, что хотела — настоящую ссору еще до свадьбы. Только я этому совсем не рада. Наша ссора лишь еще больше расшатала мне нервы перед свадьбой.

Нам определенно нужно обсудить некоторые серьезные вопросы до того, как мы обменяемся клятвами. Никто не остановит меня от времяпрепровождения с моими родителями, даже мой муж.

Когда мои родители приходят на завтрак, я уже в ресторане. Я сделала заказ для всех.

Они оба выглядят такими счастливыми и расслабленными. Мне согревает сердце то, что они держатся за руки. Очевидно, что ночь в отеле пошла им на пользу.

К несчастью, Хизер позвонила ранее, чтобы сказать, что не сможет присоединиться к нам, так как ей нужно выходить на экстренную смену. Она пообещала прийти и увидеться со мной позже дома.

Прежде чем сесть, отец сканирует комнату в поисках Уинстона.

— Он опаздывает?

Я даю им сесть, прежде чем отвечу.

— Мама, папа, Уинстон не будет... завтракать с нами этим утром.

— Он уже завтракал? — расстраивается мама.

Он ей действительно нравится.

— Нет, ему пришлось рано утром вернуться в Нью-Йорк. Ему нужно посетить встречи... срочные встречи.

Ненавижу лгать им, но, если они узнают правду, то заподозрят неладное. Любой бы заподозрил, если бы узнал, что мой жених бросил меня посередине ночи.

Что бы ни происходило между мной и Уинстоном, оно между нами, и я не хочу, чтобы об этом узнала моя семья, особенно потому, что наш спор касался их.

— Жаль.

Отец разглаживает салфетку на коленях.

— Но, как мне кажется, он довольно занятой человек.

— Так и есть.

Я перевожу свое внимание на стакан с ананасовым соком.

— Но все нормально. Он не обязан присутствовать здесь, чтобы мы насладились завтраком вместе.

— Должна сказать тебе, милая, — мама расплывается в улыбке, которая освещает ее глаза, — я рада, что он подарил нам ночь в отеле. Наш номер захватывал дух. Я никогда прежде не гостила в роскошных отелях, и я надеюсь, что это не в последний раз.

— Мама, я не думаю, что нам стоит злоупотреблять этим.

— Чем злоупотреблять, дорогая? — хмурится она.

— Щедростью Уинстона. Мы еще даже не поженились, а он уже так многое нам дал.

Мама кладет руку себе на грудь.

— Не похоже, что ему это было в тягость. На самом деле, он выглядел так, будто ему это приносило радость. Почему мы должны отказывать ему в удовольствии?

Я сжимаю зубы.

— Нам, по меньшей мере, стоит пожениться сначала, прежде чем принимать еще подарки.

— Ты слышала?

Лицо мамы озаряется, когда она меняет тему.

— Все в городе только и говорят о тебе с Уинстоном. В церкви, в воскресенье, твое имя было у всех на устах.

— Мама, я не хотела, чтобы кто-то узнал, что я в городе. Ты же не говорила никому, да?

Мама молча жует бекон, избегая встречаться со мной взглядом, и я понимаю ответ.

— Я так горжусь тобой, — наконец произносит она. — Я ничего не могла с собой поделать.

Отец прочищает горло.

— Твоя мама без умолку болтала в церкви. Рассказывала всем и каждому, что ты выходишь замуж за известного человека.

— Я же просила тебя никому не говорить. — Массирую виски. — Я не хочу, чтобы обо мне судачили в городке.

Мама морщит лицо.

— Милая, я не понимаю, почему ты расстроена. Это люди, среди которых ты выросла. Они как семья. Они хотят знать о твоём счастье.

— А некоторые из них просили денег, — вставляет отец.

Мама бросает на него убийственный взгляд.

— Стив, перестань.

От моего лица отхлынула кровь.

— Они просили у вас денег?

Отец кивает, а мама кладет свою руку поверх моей.

— У тебя щедрый жених. Если он захочет проспонсировать весь город, почему нет? Не стой на пути хороших дел. — У нее засветились глаза. — Я не могу поверить, что миллиардер станет частью нашего сообщества.

— Он не станет частью этого сообщества, мама. После свадьбы мы будем жить в Нью-Йорке.

Мама убирает руку, а ее лицо мрачнеет.

— Ты хочешь сказать, что вы не будете жить здесь?

— Нет.

Даже если бы я не выходила замуж за Уинстона, не могла и представить себе жизни в Мисти Коув. Но, если я скажу ей это, это разобьет ей сердце.

— Мы работаем в Нью-Йорке.

— Но ты говорила нам, что у тебя больше нет работы.

— Сейчас нет. Но я ищу работу... в Нью-Йорке.

— Почему ты так говоришь? Он тебя уволил? — спрашивает мой отец, поднося чашку кофе к губам.

Я прочищаю горло.

— Он посчитал, что, как его невеста или жена, это будет конфликтом интересов, если я продолжу работать на него.

— Думаю, это имеет смысл, — отвечает отец и продолжает трапезу.

— Имеет. И я уже начала отправлять резюме в поисках новой работы.

— Ты умная девочка. Ты быстро найдешь работу.

Отец пожимает мне руку теплой, мозолистой рукой.

— Дорогая, — говорит мама, вторгаясь в мои мысли, — если не принимать во внимание миллиарды Уинстона, ты сделала правильный выбор. Он обворожительный мужчина.

— Спасибо.

Будем надеяться, что он будет еще и хорошим мужем.

Я чувствую облегчение, когда мы переходим к другим темам, наслаждаясь вкусным завтраком.

Теперь, когда я увидела их, поняла, как сильно скучала по дому. Этот маленький город — часть меня самой. Даже после свадьбы с Уинстоном представляю, как буду часто возвращаться сюда, чтобы побыть со своей семьей и показать детям город, в котором я выросла. Если задуматься, может быть, я должна убедить Уинстона купить коттедж в городе, чтобы мы с детьми могли приезжать туда на каникулы.

— Ты уверена, что счастлива с ним? — спрашивает мой отец, глядя на меня поверх края

своей кофейной чашки. — Мы хотим, чтобы ты была счастлива.

Я ободряюще киваю ему.

— Я влюблена в него, папа.

— Влюбленность не всегда означает счастье. Есть люди, которые влюблены, но делают друг друга несчастными.

— Да, милая, любовь — это еще не все. Но прошлым вечером я поняла, что вы счастливы вместе. Я видела, как вы смотрели друг на друга.

Мама ни за что не допустит, чтобы Уинстон не стал ее зятем.

Мы заканчиваем завтрак, и по дороге домой я спрашиваю отца, уверен ли он в своем решении взять у Уинстона деньги на бизнес. Он отвечает мне, что Уинстон — ответ на его молитвы и, что пути Господни неисповедимы. У меня нет сил продолжать эту тему, так что я держу рот на замке.

В своей детской спальне я сажусь на кровать и рассматриваю свои вещи. Эта комната всегда была моим оазисом, местом, в котором я могла зарядиться энергией, местом, где я могла спрятаться, когда происходили жизненные неурядицы. Им был, по сути, весь этот дом. Каждый раз, как я пересекала порог и вдыхала постоянно присутствующий здесь запах уксуса — любимого чистящего средства матери — и отцовского одеколona «Олд Спайс», мне сразу же становилось лучше.

Стук в дверь возвращает меня из воспоминаний. Дверь отворяется до того, как я успеваю сказать, чтобы входили.

На пороге появляется Хизер, одетая в одну из своих многочисленных миниюбок и облегающую майку. Ее длинные, вьющиеся каштановые волосы заплетены в две французские косы, так она делает с раннего детства.

— Добро пожаловать домой, сестренка. — Ее лицо светится от радости встречи. — Прости, что не смогла присутствовать на завтраке. Пришлось прикрыть кое-кого с полуночи до шести.

— Удивлена, что ты все еще на ногах. Должно быть, ты устала.

Я притягиваю ее в комнату и в свои объятия, удерживаю ее в руках чуть дольше необходимого.

— Я должна была прийти повидаться с тобой, — говорит она, когда мы разнимаем объятия. — Мама не перестает болтать о твоём роскошном женихе. Похоже, он нечто.

— Так и есть. — Сжимаю руки на коленях. — Думаю, мама с папой считают, что сорвали джекпот.

Мы обе смеемся.

— Именно на это было похоже, когда мы с ними разговаривали.

Между нами повисает молчание, а затем Хизер задает мне вопрос, которого я боялась много дней.

— Почему ты не рассказала мне о нём?

— Прости. Я боялась, что ты можешь его не одобрить. — Морщусь. — Я спала со своим боссом. Я не хотела, чтобы ты или кто-либо еще подумал, что таким способом я пытаюсь пробиться наверх.

Хизер прикасается к моей руке и качает головой.

— Я знаю тебя, Дженна. Ты не такая. Если ты на такое пошла, значит, между вами возникло сильное притяжение.

Она замолкает.

— А теперь я хочу, чтобы ты рассказала мне правду, хорошо?

Я знаю, что она спросит еще до того, как слова срываются с ее губ. Я уже продумала ответ по пути домой.

— Он единственный? Действительно тот единственный?

— Я бы не вышла за него, если бы он не был единственным.

— Милая, он миллиардер. Ему легко вскружить девушке голову, заставить влюбиться в себя. Деньги сексуальны.

— Я влюбилась в него не из-за денег.

Мой голос резче, чем мне хотелось бы.

— Знаю. — Она осторожно касается моей руки. — Я не это имела в виду. Я хотела сказать, если бы он был кем-то другим, кем-то с другой работой и другим стилем жизни, тебя бы все равно к нему влекло?

— Да, меня бы к нему влекло.

— Хорошо, потому что я не хочу, чтобы ты закончила, как я. Замужем всего месяц.

Она смеется.

Закончив школу, Хизер отпраздновала это поездкой в Вегас с одной из ее лучших подруг. Она вернулась через три дня, будучи замужем за человеком, которого знала всего ночь. Наши родители были в ужасе и тотчас испытали облегчение, когда через месяц свадьбу аннулировали. Оказалось, что парень тоже понял, что совершил ошибку. Однако какое-то время Хизер находилась в центре скандала. Но, как и все остальное, скандал постепенно сошел на нет.

— Кстати, просто, чтобы ты знала, когда я приехала сюда, видела снаружи машину Роба. Он не успел выйти из машины, к нему навстречу вышел отец.

— О, нет, что он здесь делал?

— По словам отца, хотел поговорить с тобой. Он всему городу раструбил, что хочет тебя вернуть.

У меня сжимается сердце.

— Я не хочу к нему возвращаться. Он изменил мне со своей бывшей.

— Все верно. Не думаю, что он тебя заслуживает.

— Он все еще снаружи?

— Нет, отец отправил его восвояси. — Хизер подавляет смешок. — При помощи дробовика.

— О, боже мой, нет.

Я вдруг понимаю, что тоже смеюсь.

— Когда он его прогонял, я слышала, что он сказал Робу, что ты двинулась по жизни дальше, и ему стоит сделать то же самое.

— Конечно.

Я не могу сдержать улыбку.

Я снова льну к своей сестре, чувствуя довольство. Хотя мне и хочется рассказать ей о своих тревогах по поводу предстоящей свадьбы, я решаю этого не делать. Я хочу насладиться этим моментом с моей сестрой прежде, чем меня закрутит водоворот свадебного планирования.

Уинстон

— Где она, черт побери? — у меня горит лицо, когда я смотрю на Ангелию, словно это ее вина. — Ты пыталась позвонить ей еще раз?

— Несколько раз, — отвечает она, ломая руки. — Я продолжаю оставлять голосовые сообщения.

Я падаю в рабочее кресло и достаю свой телефон. Снова набираю номер Дженны, хоть и звонил ей этим утром уже много раз. И оставлял голосовые сообщения. Что за х*йня?

— Если хотите, я продолжу попытки.

— Да, продолжай. Я хочу, чтобы ты дозвонилась до нее как можно быстрее.

— Без проблем. Как только она возьмет трубку, дам вам знать.

— Спасибо, Ангелия.

Я стараюсь смягчить тон.

Как только она покидает мой офис, я встаю с кресла и подхожу к окну, смотрю на Нью-Йорк, но не вижу его, потому что мой взор застилает гнев.

Дженна планировала вернуться в Нью-Йорк этим вечером, и я хотел послать за ней частный самолет. Но она не брала трубку с прошлой ночи и не перезванивала. Какого черта происходит?

Я сажусь за стол и звоню еще раз. Уже начинаю ощущать себя каким-то сталкером. Неспособный больше выносить неизвестность, звоню ее родителям на домашний. Хорошо, что я спросил у нее номер. Никто не берет трубку.

Как только я вешаю трубку, звонит Трэвис. Я не в настроении с ним разговаривать, особенно после того, что он недавно сделал. Но мне нужно на ком-то выплеснуть гнев, или я взорвусь.

— Почему ты такой злой?

— А ты не думаешь, что после того, что ты сделал, у меня на это полное право?

— Мужик, я к ней и пальцем не прикоснулся.

— Но собирался. Я хочу, чтобы ты держался от нее подальше. На самом деле, я хочу, чтобы тебя в моей жизни не было.

— Так ты поворачиваешься спиной к своему брату?

— Я даже не знаю, могу ли еще называть тебя братом. Ты ведешь себя совсем не как брат.

— Да ладно, Уинстон. Ты не сможешь отдалиться от меня. Мы — семья, нравится тебе или нет.

— Зачем ты звонишь, Трэвис? Чего ты хочешь? Деньги, которые я пообещал тебе, уже на твоем счете. Больше от меня ты не получишь.

— Ты думаешь, что я звоню из-за денег? — усмехается он. — Может, ты удивишься, но я звоню, чтобы извиниться. Ты был прав. Я вел себя как засранец. Иногда я не могу с этим ничего поделать. На самом деле я думал, что оказываю тебе услугу.

— Что, бл*ть, ты имеешь в виду?

Я массирую виски круговыми движениями.

— Я проверял ее на вшивость. Можно ли ей доверять. Если бы она повелась на мое обаяние, ты бы понял, что она не твоя единственная. Помнишь, что случилось с моделью?

— Дженна не такая. Она другая. Я доверяю ей.

— Теперь я в это верю, и мне очень жаль. Я был придурком. Обещаю в следующий раз,

когда мы встретимся на ужине или ланче, вести себя иначе. — Он выдерживает паузу.— В этот раз можешь бронировать модный ресторан. Я не опозорю ни тебя, ни себя.

— Ужин с тобой? — я громко смеюсь.— Черт, я даже не хочу, чтобы ты присутствовал на свадьбе.

— Ты же не серьезно.

Его голос напряжен.

— Я серьезно. Не знаю, могу ли подпускать тебя к своей невесте или бизнес-партнерам.

— Ты мой бл*дский брат. Я заслуживаю права присутствовать на твоей свадьбе.

— Нет. — Ломаю в руках карандаш. — Я уже решил, кто будет на моей свадьбе, а кто нет.

— Мне кажется, твой гнев не имеет ко мне никакого отношения. У меня складывается ощущение, что не все между вами двумя гладко.

В том, чтобы иметь брата-близнеца, есть свои недостатки. То, что он может читать мои мысли, один из них.

Я не отвечаю, и он смеется.

— Я прав, так?

Прежде чем заговорить, я открываю ящик стола и достаю пузырек с болеутоляющим. Открываю его и закидываю таблетку себе в рот, запиваю водой.

— Что происходит, братец? — спрашивает он.

— Ты производишь, — лгу я. — Все замечательно.

— Я слышу ложь.

Я втягиваю воздух.

— Отлично, могло быть и лучше, но это не твое дело.

— Ну же, я хочу поддержать тебя. Что случилось?

Не знаю, что на меня находит, но вдруг понимаю, что начинаю ему все рассказывать.

— Она должна была вернуться сегодня, но я не могу дозвониться до нее с прошлой ночи.

— Мне кажется, она не хочет с тобой разговаривать. Именно так и происходит, когда ты предоставляешь женщине полную свободу. Ты должен был настоять, чтобы она поехала с тобой.

— Чего ты от меня хочешь, чтобы я заставил ее поехать в Нью-Йорк силой?

— Если бы пришлось. Если ты хочешь, чтобы она слушалась тебя, как мужа, ты должен объяснить правила еще до свадьбы.

— Ты хочешь, чтобы она мне подчинялась?

— По тому, что ты рассказал, ты уже к этому стремишься. Только пока этого не понял. Тебе нравится иметь власть над женщиной, как и мне.

— Я не такой, как ты, Трэвис.

— Продолжай убеждать себя в этом. От этого это не станет правдой. Мы очень похожи, ты и я. У нас обоих есть темная сторона. Единственное отличие в том, что я не скрываю свою тьму, как ты.

— Я никогда не стану делать того, что делаешь ты. Я никогда не ударю женщину.

— Повтори это после пяти или десяти лет брака, когда твоя жена сделает из тебя кастрата.

— Хватит с меня этого разговора, — резко произношу я. — Мне нужно идти.

Он не успевает сказать что-либо еще, я вешаю трубку и снова звоню Дженне домой.

Никто по-прежнему не берет трубку.

В ярости я хлопаю ладонью по столу, по моей коже распространяется огонь. Я сжимаю руку в кулак и прижимаю ее ко лбу, а затем вскакиваю с кресла и подхожу к окну.

Меня пугает звонок. Я беру трубку с грохочущим сердцем.

— Ангелия, ты до нее дозвонилась?

— Нет, я хотела бы подтвердить вашу встречу с Лоренцо Сабиро в десять часов.

— Перенеси на завтра.

— Я вас поняла.

После звонка я связываюсь с организатором свадеб в поисках отвлечения.

— Спасибо за звонок, мистер Слейд. Я позвонила по вашей просьбе вашей невесте, но не смогла с ней связаться.

— Она немного занята. Но я организую вашу встречу завтра.

— Превосходно. Еще я хотела бы подтвердить цвета. Вы все еще придерживаетесь белого с добавлением золота?

— Все верно.

Я вытягиваю ноги под столом, а затем закидываю ногу на ногу. Вы добавили родителей и сестру моей невесты в список гостей?

— Да.

— Хорошо. Это все, кто придут на свадьбу.

— Кто-нибудь еще со стороны вашей невесты? Друзья, родственники?

— Нет. Мои друзья — ее друзья.

Она коротко колеблется.

— Хорошо. Хотите обсудить что-либо еще?

— Я хочу белые розы. Повсюду в холле белые розы и свечи.

— Сделано. — Слышу, как она печатает. — Я договорилась о дегустации торта. Еще я надеюсь дозвониться до вашей невесты, чтобы узнать, когда у нее будет время.

— В этом нет необходимости. Я доверяю вашему вкусу. Я уже отправил вам электронное письмо, где указал, какой торт мы хотим по отправленным вами фотографиям.

Организатор свадеб какое-то время не отвечает, и я впиваю свои короткие ногти в ладонь левой руки.

— Мы на одной странице?

— Да... Я задумалась, стоит ли мне согласовать это с вашей невестой.

— Нет необходимости. Я уже все с ней обсудил. Она согласна. — Я выдерживаю паузу. — Вам больше не нужно ей звонить.

— Отлично. Похоже, это будет самая легкая свадьба из всех, которые я планировала.

— Я занятой человек, мисс Миллер. Я быстро принимаю решения.

— Я вижу. — Слышу улыбку в ее голосе. — Я пришлю вам копию приглашения, чтобы вы приняли окончательное решение.

— Должен сказать, что я впечатлен вашей скоростью и вниманием к деталям. Я ценю это.

— Спасибо вам, мистер Слейд. Я польщена тем, что планирую вашу свадьбу. Я удостоверюсь, что она станет лучшим событием года.

— Хотелось бы. Я хочу только лучшего для своей невесты. Не жалеете денег.

— Вы выдали мне бюджет, и я буду его придерживаться.

— Удвойте его. Что значит пара сотен тысяч ради эффектной свадьбы, которую Дженна

не забудет?

Как только все оговорено, мы завершаем разговор, и я продолжаю мерить шагами офис от одной стены до другой. Наконец, я сажусь и звоню Мариону.

— Мне нужно, чтобы ты подготовил самолет.

— Дайте мне время, и все будет готово, — отвечает он.

— Будь готов к этому вечеру. Мы возвращаемся в Мисти Коув.

У меня складывается ощущение, что Дженна не отвечает на мои звонки, потому что она решила остаться еще на день с семьей. Если она не вернется по своей воле, я верну ее назад.

Может быть Трэвис был прав, и я должен четко обозначить ей, что я стану, а чего не стану терпеть в браке.

Глава 14

Дженна

— Дженна, рада снова видеть тебя в Мисти. Как хорошо увидеться со старой подругой.

Джейн Смит, рыжеволосая девушка, с которой я ходила в старшую школу, бросается ко мне с объятиями. От нее пахнет корицей, как во время Рождества. Отстранившись, она одаривает меня яркой улыбкой. Меня немного отвлекает ее яркая оранжевая помада.

Джейн была популярной девушкой, круглой отличницей. За два года до окончания школы она забеременела и вскоре бросила школу, чтобы работать бок о бок со своей матерью в «Шейк», единственном баре с молочными коктейлями в Мисти.

— Спасибо, Джейн. Я рада возвращению.

Я бросаю беглый взгляд на Хизер, которая отворачивается, чтобы скрыть улыбку. Она знает, что мы с Джейн никогда не были подругами. На самом деле, Джейн была главарем небольшой группировки, которая издевалась надо мной в школе, называла гадким утенком. Не удивительно, что, когда она ушла, издевательства прекратились. Но прошлое в прошлом, да и в то время мы были детьми.

— Мы слышали, что Нью-Йорк пошел тебе на пользу, — выкрикнул кто-то из-за одного из бело-розовых столиков. — Чудесно, что хоть кто-то из нас станет миллиардером.

Все больше людей спешат сказать, что рады за меня. Весь день все меня поздравляют. Хоть я и ценю их добрые пожелания, они продолжают упоминать миллиарды Уинстона, заставляя меня чувствовать себя золотоискательницей.

Должна сказать, что давно не видела Мисти таким взбудораженным. Гари из отдела журналов даже поблагодарил меня за наплыв покупателей. Очевидно, что все журналы с Уинстоном и мной на обложке улетели с прилавка.

— Пошли.

Хизер берет меня за руку и тащит к столику в дальнем углу, рядом с огромным, пыльным, искусственным растением, которое выглядит до невероятного настоящим. Я знаю, что оно искусственное лишь потому, что пару лет назад я ущипнула его, а оно не поддалось.

Хизер наклоняется вперед.

— Мне нужно увести тебя прежде, чем они начнут просить денег.

Мы обе взрываемся смехом. Подходит Джейн, чтобы обслужить нас, и мы делаем заказ. В прошлом, сначала она обслуживала своих любимых посетителей. Иногда она заставляла нас ждать по полчаса, только потом подходила к нашему столику. В иные разы мы уходили

до этого. А теперь, похоже, нас повысили до випов.

— Леди, я добавила побольше сливок в ваши коктейли.

Она улыбается так широко, что в уголках ее глаз трескается макияж.

— Как мило с твоей стороны, Джейн, — отвечает Хизер с легким сарказмом в голосе.

— Спасибо.

— Для вас, что угодно.

Она уходит, покачивая бедрами в узкой миниюбке.

— Не могу поверить, как сильно она изменилась, — говорю я, складывая пополам свою розовую салфетку.

— Да уж., — Хизер понижает голос: — Она относилась к тебе как полная сука. Ей повезло, что мы все еще сюда приходим.

— Мы не могли бы не ходить в «Шейк», даже если захотели бы.

Не могу сосчитать, сколько раз мы с Хизер сидели в своих комнатах и клялись, что ноги нашей больше не будет в «Шейк». Обещания тотчас же нарушались после того, как мы заглядывали в окна «Шейк» и видели счастливых посетителей, потягивающих сливочные мечты.

— Ты права.

Хизер забирает у меня из руки салфетку и переплетает свои пальцы с моими.

— Ты всегда теребишь салфетки, когда нервничаешь. Что такое? Я привела тебя сюда, чтобы отпраздновать твое обручение, но ты не выглядишь, как девушка, помолвленная с миллиардером.

— Дело не в деньгах, Хизер. — Скрещиваю руки на груди. — Я выхожу за него не ради денег. Это не мои деньги, а его.

— Знаю, милая. Я шучу, а ты слишком бурно реагируешь. Что происходит?

Она впивается в меня взглядом своих янтарных глаз, выискивая ответы.

— И не смей мне лгать, Дженна Элизабет.

Я забираю руку и потираю виски, чтобы унять головную боль, которая мучает меня с раннего утра.

— Я не знаю. Ты права, мне стоит радоваться.

— Но ты не рада?

— Наверное, рада, но...

— Но ты не рада, — повторяет она.

— Я рада, — почти выкрикиваю. — Конечно, рада. Я в восторге.

— Прекрати лгать. Я знаю, что ты лучше всех.

Против воли я смеюсь.

— Мне это известно.

— Ну... — лицо Хизер становится серьезным, —...что тогда? О чем ты умалчиваешь, младшая сестренка?

Только своей сестре я могу доверить свои глубочайшие страхи. Мне было сложно не рассказывать ей об Уинстоне целых полгода.

— Я не знаю, что со мной происходит. Все идеально. — Я чешу подбородок. — Ну, почти.

Хизер ждет, когда я продолжу. Она знает, что я еще не договорила.

Я глубоко вздыхаю.

— Как только мы обручились, Уинстон стал пытаться меня контролировать.

Сестренка не знает, что я почти не спала всю ночь, перебирая в уме свои последние беседы с Уинстоном.

— Отчего у тебя складывается такое впеча...

Хизер умолкает, когда с нашими молочными коктейлями появляется Джейн.

— Спасибо, — благодарю я, когда она ставит передо мной «Кокотеллу» — мой любимый коктейль с кокосом и «Нутеллой».

Я делаю большой глоток, наслаждаюсь густым сладким вкусом напитка на своем языке. Стакан с успокоительным.

— Ты говорила...

Хизер выгибает бровь, направляя соломинку к губам большим и указательными пальцами.

Я отпиваю еще и отставляю стакан в сторону.

— Вчера я говорила тебе, что до поездки сюда он возил меня на Мальдивы, чтобы отметить наше обручение. Поначалу все было удивительно. Затем кое-что произошло. Тебе это может показаться глупым.

— Если для тебя это не глупость, то и для меня.

Хизер промокает губы салфеткой.

— Спасибо.

Я удовлетворено вздыхаю.

Звуки музыки, смеха и звона кассы заставляют меня почувствовать себя дома.

Почему у меня вообще возникло желание сбежать в Нью-Йорк? Здесь у меня было все — семья, друзья, милкшейки и покой. В Нью-Йорке я постоянно чувствовала, что должна чем-то заниматься. Не могла расслабиться ни на минуту.

— Дженна? — в мои мысли проникает голос Хизер, вырывая меня из раздумий. — Ты летаешь в облаках.

— Он выбросил мой роман.

Хизер распахивает глаза.

— Не может быть. Ты разве не говорила ему, как святы для тебя твои книги?

С моих губ рвется смех. У меня становится легче на душе настолько, что я задумываюсь, что могла слишком бурно реагировать.

— Нет, он точно не знал.

Хизер придвигает стул ближе к столу.

— Он выбросил его специально или...

— Да. Он назвал роман мусором и сказал, что его женщина такое читать не будет.

Хизер отклоняется назад и скрещивает руки.

— Если быть честной, меня бы такое тоже взбесило.

— Мне стало лучше. Я гадала, не слишком ли бурно реагирую. Нет же, верно?

— Совсем нет. Почему он думает, что может диктовать тебе, что читать? Много кто читает романы.

— Это еще не все. — Я делаю большой глоток милкшейка. — Хизер, еще он не хотел, чтобы я осталась с вами еще на пару дней. Он хотел, чтобы мы уехали на следующий же день.

— Ладно, мне жаль, милая, но это все тревожные звоночки. — Она резко выдыхает. — Ты уверена, что хочешь за него замуж? Я не говорю, что вам стоит порвать, но может тебе нужно какое-то время просто встречаться с ним, прежде бросаться в омут с головой. — Она

понижает голос еще сильнее: — Прошлым вечером ты сама говорила, что большую часть времени последние полгода вы проводили в постели.

— Да. Мне нужно о многом подумать.

Я прикусываю нижнюю губу, пока осознаю смысл ее слов. После событий последних нескольких часов моя тревога вернулась с полной силой. Но от мысли, что я озвучу свои опасения перед Уинстоном, мой желудок сжимается от тревоги.

Я чувствую облегчение, когда Хизер бросает тему моих отношений, и мы говорим на другие темы, пока допиваем напитки.

Пока мы едем к матери с отцом, я глубоко погружена в мысли. Хизер не тревожит меня, давая мне время все обдумать. Она подвозит меня до двери и притягивает в крепкие объятия.

— Слушай свое сердце, сестренка. Если ты думаешь, что он — тот единственный, тогда выходи за него. Если сомневаешься, то притормози. — Она обнимает меня еще крепче. — Я люблю тебя. Передавай привет маме с папой. Скажи им, что сегодня на ужине меня не будет, может, приеду завтра.

Я наблюдаю за ее отъездом, а затем исчезаю в доме, чтобы провести спокойный день со своими родителями, усиленно пытаюсь не замечать горы журналов по всему дому, потому что большинство из них рассказывают о моем обручении.

После ужина я отправляюсь в постель пораньше. К удивлению, я быстро засыпаю, устав от всех этих мыслей, мучивших меня весь день. Я все еще не пришла к решению.

В полночь звенит дверной звонок. Я иду к двери, недоумевая, кто бы это мог быть так поздно.

У меня начинает колотиться сердце, когда я вижу на пороге Уинстона с букетом белых роз в руках.

— Я должен был вернуться. — Он наклоняется, чтобы поцеловать меня. — Я очень по тебе скучал.

Глава 15

Дженна

Я выхожу на крыльцо и закрываю позади себя дверь. Морской бриз холодит мою кожу и теребит волосы.

— Что ты здесь делаешь, Уинстон? Уже очень поздно.

— Я знаю, который час. — Он бросает взгляд поверх моего плеча на закрытую дверь. — Не пригласишь?

Пока я думаю, что ответить. У меня в животе от нервов летают бабочки.

— Я... все спят.

Даже когда слова срываются с моего языка, я знаю, что это жалкое оправдание. Он мой жених и проделал долгий путь. Приличия требуют, чтобы я пригласила его внутрь. Но все же что-то внутри меня не позволяет мне этого сделать.

На самом деле я удивлена, что мама с папой не спустились к двери. По пути сюда я слышала их голоса. Они всегда спят не крепко.

Он молчит, а затем кивает.

— Ясно.

Опускает взгляд на цветы в своих руках.

— Это тебе.

Он помещает довольно тяжелый букет мне в руки. Запах белых роз — тот запах, что обычно царит в его пентхаусе — не вызывает во мне никаких чувств.

Уинстон наклоняется, чтобы поцеловать меня в губы. Как обычно, будто нажали на переключатель, в моем животе начинают порхать бабочки. Мое тело всегда откликается на него.

— Спасибо.

Я смотрю ему за спину на длинный лимузин. Почему для Мисти Коув он выбрал лимузин, бога ради? Позади машины, шторы по ту сторону дороги уже кольшутся, а за ними горит мягкий желтый свет. Завтра о нас будет судачить весь город. Я чертовски уверена, что в местной газете опубликуют фотографию лимузина на первой полосе. У Гари из отдела журналов выдастся еще один удачный день или неделя.

— У меня складывается ощущение, что ты приехал сюда не только за этим. Прodelал такой путь.

Он берет меня за свободную руку.

— Раз уж ты отказываешься впускать меня...

— Я не отказывалась, Уинстон... Я же сказала тебе...

— Я знаю, что ты мне сказала. Раз уж так, давай поговорим в лимузине.

Если бы он не подарил мне цветы, я бы подумала, что он приехал, чтобы порвать со мной, потому что его глаза источают холод. Я видела такое напряжение на его лице всего один раз, когда он наехал на своего брата в ресторане.

— Да, хорошо.

Я следую за ним к машине и позволяю водителю открыть дверь. Я залезаю внутрь, Уинстон садится следом. Запах роз смешивается с запахом кожи и слабым ароматом шампанского. В серебряном ведерке со льдом покоится полупустая бутылка.

Как только мы садимся, Уинстон закрывает темную перегородку между нами и водителем и поворачивается ко мне.

— Я приехал, потому что скучал по тебе. Звонил тебе весь день, а ты не отвечала и не перезванивала.

Я опускаю ресницы, чтобы скрыть ложь, которую собираюсь произнести.

— Я была занята. Забыла телефон и ушла.

Все это ложь. Мне нужно было увидеться лишь с семьей и парочкой друзей. Когда я пошла выпить милкшейков с Хизер, то специально оставила телефон дома. Я видела, что он звонит. Несколько раз наблюдала, как звенит телефон, пока он не умолкал, и решала не перезванивать.

— Ты сказала, что собираешься вернуться в Нью-Йорк еще вчера. Я звонил, чтобы спросить, стоит ли мне отправить за тобой самолет.

— Не нужно. Я сама могу вернуться.

Он прижимает к моей щеке теплую ладонь.

— Знаю, что можешь, детка, но ты моя невеста. Я не могу позволить тебе пользоваться общественным транспортом.

— Почему это? Почему нельзя ездить на автобусе или поезде?

Он запускает руку в волосы.

— Ты не понимаешь, что это значит стать частью моей жизни, да? Теперь ты у всех на виду. За тобой наблюдают. Скоро по всему городу за тобой будут гоняться журналисты. Ты не можешь заниматься тем же, чем занималась до нашей помолвки. — Он потирает щеку. —

По правде говоря, я очень сильно по тебе скучал.

К моему ужасу, он протягивает руку и запускает ее под мою ночнушку, берет меня за грудь.

— Помнишь, как мы занимались любовью на заднем сидении лимузина, когда мы встретились?

Как я могу забыть? Это была самая волнительная ночь в моей жизни. Он пригласил меня на ужин, но мы так и не поужинали. Как только я села в лимузин, он снял с меня одежду и взял то, чего хотел.

Я задерживаю дыхание, не желая вновь оказаться завороченной его прикосновениями. Я кладу руку поверх его и отодвигаю ее.

— Уинстон, прекрати. Нам действительно нужно поговорить.

Он сжимает челюсть, отстраняется и откидывается на сидении.

— Ты права. Давай начнем с того, почему ты мне солгала.

Я поправляю одежду.

— О чем ты? Я тебе не лгала.

— Ты сказала мне, что вернешься в Нью-Йорк в конкретный день, но не приехала.

— Я передумала. Я хотела провести больше времени с семьей.

Поэтому-то я и избегала его звонков. Глубоко внутри я знала, что ему не понравится, если я скажу ему об изменении в планах.

— Я захотела остаться еще на два дня.

Он кладет руку мне на бедро, его хватка несколько сильна.

— Ты ведешь себя так, будто все касается лишь тебя. Теперь ты моя невеста. Твои решения отражаются на мне. У меня на нас планы.

— Извини, что не поставила тебя в известность. И не перезванивала. Я отправила тебе смс.

— Ты же знаешь, что я ненавижу смс. Ты должна была позвонить. Что происходит, Дженна? Ты ведешь себя странно.

— Не только я так себя веду. — Кладу руку поверх его. — Что с нами происходит? Как мы обручились, все время ссоримся.

— Необязательно это делать.

Он наклоняется и целует меня в шею, а затем в губы. Он раздвигает мои губы языком, и я позволяю ему войти глубже, мне уже начинает становиться жарко.

Несмотря на то, что это чертовски сложно, хоть даже я сознательно уступаю ему и позволяю себя соблазнить, я больше не могу скрывать тот факт, что у нас проблемы, и, что если мы их не решим, наши отношения окажутся под угрозой. На то, чтобы отстраниться, уходит вся моя сила воли. Я кладу цветы на сидение и беру его за лицо.

— Я люблю тебя. Ты же это знаешь, правда? И я хочу провести с тобой остаток своей жизни.

— Тогда почему у меня ощущение, что ты от меня отстраняешься?

Я выдыхаю и опускаю руку.

— Если быть честной, я чувствую, что на меня многое навалилось. Все происходит слишком быстро.

Я помню, что Хизер посоветовала мне за милкшейками — нам нужно больше времени, чтобы узнать друг друга прежде, чем пожениться. Но если я скажу ему это, каковы будут последствия?

— Тогда почему ты согласилась выйти за меня? Я думал, что мы хотели одного и того же.

— Конечно.

Блестящее кольцо на моем пальце привлекает мое внимание. Теперь мне кажется, что оно жмет.

— Тогда прекращай ставить все под сомнение и давай поженимся. — Он берет меня за подбородок и заставляет посмотреть на себя. — Я тебя не отпущу. Я слишком тебя люблю. Если хочешь, останься здесь еще на день, но после я хочу, чтобы ты вернулась в Нью-Йорк. Нам нужно планировать свадьбу.

Глава 16

Дженна

Я в Нью-Йорке менее двух часов. Такое ощущение, что я отсутствовала больше пяти дней.

Когда я вхожу в свою крошечную квартирку, мне в нос ударяет затхлый запах жидкости для снятия лака, которой я пользовалась перед уходом, а с мебели свисает одежда.

Сначала я распахиваю окна, чтобы впустить свежий воздух, затем вешаю одежду в шкаф, встроенный в стену и скрытый зеркалом в полный рост, которое также служит дверью. Отличное решение для маленькой квартиры.

Когда я закрываю зеркальную дверь шкафа, раздается звонок в домофон. Я не жду друзей, а Уинстон упоминал, что весь день будет занят встречами.

После того, чем все закончилось, когда он появился в Мисти Коув два дня назад, было облегчением не видеть его сразу же по возвращении.

Мы говорили по телефону после того, как он вернулся в Нью-Йорк, но наши беседы были короткими и напряженными.

Мы должны сейчас быть счастливы, влюблены и наслаждаться нашей помолвкой. Но я не могу заставить себя радоваться.

Звонит Соня Томпсон, приятная секретарь из финансового департамента «Слейд». Мы частенько общались, когда я там работала.

Я впускаю ее. Рада видеть девушку снова. Мы не виделись после того, как я покинула компанию.

Слыша в отдалении шум лифта, я открываю дверь и жду ее на пороге. Когда она появляется в длинном, узком коридоре, у меня поднимается настроение.

Она из тех людей, которые, кажется, никогда не унывают, и я считаю ее милой. Невысоким ростом и стрижкой пикси она напоминает мне фею.

У нее в руках бутылка шампанского, которую она поднимает в воздух, подходя к двери. Она подходит ко мне и обнимает. От нее пахнет свежестираным бельем.

— Привет, какой сюрприз. — Я разрываю объятия и впускаю ее внутрь. — Почему ты не в офисе? Сейчас только одиннадцать.

— У меня был прием у врача.

Она бросает свою джинсовую сумку на стул у двери.

— Ты приболела?

Я закрываю дверь.

— На самом деле, мне нужна была только справка. Я симулирую болезнь. — Она подносит руку ко рту. — О, дерьмо. Я забыла, что ты невеста босса.

Я смеюсь.

— Не беспокойся. Я все еще Дженна. Ничего не изменилось. Я никому ничего не скажу.

— Спасибо.

Она подмигивает.

Смотря на нее, я понимаю, что слова, которые я сказала ей, не правильные. Хотела бы, чтобы было правдой, что я не изменилась, но это не так.

Каждый раз, когда Уинстон рядом со мной, часть меня исчезает. Боюсь, что становлюсь кем-то другим. Кем-то, кем не хочу быть.

Я показываю рукой в сторону дивана в гостиной.

— Присаживайся. Что будешь пить?

— Просто принеси два бокала для шампанского. Я пришла с тобой отпраздновать.

Она прижимает к себе бутылку.

— Отпраздновать что? — Бью себя по лбу. — Мое обручение?

— Конечно, глупышка.

Она сверкает белозубой улыбкой.

Последнее, о чем я хочу говорить — свадьба, и у меня ощущение, что она хочет знать все детали.

После ссоры с Уинстоном, он — последний человек, о котором я хочу думать. Поэтому я сказала ему, что не смогу сегодня с ним увидеться. Но не сказала, что мне нужно время наедине, чтобы решить, чего я хочу.

Не то чтобы я не хотела выходить за него замуж, все еще хочу, но, может быть, для нас было бы неплохо потянуть со свадьбой, чтобы разобраться с противоречиями. Сейчас у меня такое ощущение, что я помолвлена с незнакомцем.

— Ты же не сердись, что я не рассказывала тебе о нем, ведь так?

Я иду на кухню и беру два бокала под шампанское из верхнего шкафчика. Ставлю их на кофейный столик перед Соней.

— Конечно, я была немного расстроена, что ты не доверилась мне. Согласно газетам, вы встречались пару месяцев.

Я падаю на диван рядом с ней.

— Прости.

Я кусаю уголок губы.

— Я очень хотела тебе рассказать, но даже сестре не говорила. Уинстон хотел, чтобы все оставалось в секрете.

— Не извиняйся. Я понимаю, почему он хотел сохранить в тайне свою личную жизнь. Он не просто кто-то. — Она скрещивает свои стройные ноги. — Вопрос в том, почему ты не кажешься счастливой? Что-то не так?

— Конечно же, так. — Цепляю на лицо улыбку. — Я немного устала, вот и все. Какое-то время отсутствовала. Уверена, что по квартире заметно. Мы были на Мальдивах, а после в Мисти Коув.

— Мальдивы? Вау, я завидую. — Она хватает меня за руку. — Должно быть, это было романтично.

— Да...

— Твоя семья действительно до помолвки не знала, что вы с ним встречаетесь?

Я качаю головой.

— Никто не знал. Мы держали все в тайне.

— Как они отреагировали на эту новость?

Соня открывает бутылку шампанского, не отрывая взгляда от моего лица.

— Мои родители были в восторге. Можно подумать, что это они выходят за него замуж.

— Должно быть, было тяжело держать в тайне такую сочную тайну, в особенности потому, что ты встречаешься с одним из самых завидных холостяков в мире.

— Было не просто. Мне сложно утаить что-либо от семьи. Особенно от сестры.

— В любом случае, это уже в прошлом. Прямо сейчас я рада за тебя. Ты сорвала джекпот, девочка. — Она толкает меня локтем. — Теперь, когда мы достали кота из мешка, ты просто обязана рассказать мне, каков он в постели. Я хочу знать все.

Она разливает шампанское по двум бокалам.

— Но сначала давай выпьем немного пузырьков.

Я чокаюсь с ней бокалом и делаю глоток. Напиток танцует у меня на языке, и я проглатываю его.

— Я действительно рада, что ты пришла.

Соня касается моей руки.

— Конечно. Я не знала, приходить ли мне. Много раз хотела тебе позвонить, но не была уверена, захочешь ли ты все еще тусоваться со мной теперь, когда обручилась с большим боссом.

— Это просто смешно. Конечно же, мы еще можем быть друзьями. Это ничего не меняет.

— Ну, в каком-то смысле меняет. Больше я не смогу жаловаться тебе на работу.

Когда мы были коллегами, то проводили много времени, жалуясь на работу.

— Теперь, если у тебя возникнут проблемы, дай мне знать, и я что-нибудь придумаю.

— Ты так мила, Дженна. Когда ты впервые вошла в офис, я поняла, что в тебе есть что-то особенное.

— Ты мне льстишь.

Я так сильно смеюсь, что почти разливаю шампанское.

— Отчасти, — Она присоединяется к смеху. — Но, честно говоря, я бы хотела, чтобы мы остались друзьями.

Я ставлю бокал и обнимаю ее.

— Я обещаю.

Разняв объятия, мы наслаждаемся шампанским в уютном молчании, но вскоре Соня нарушает его:

— А теперь расскажи мне, какой он любовник. Мы все в офисе гадаем.

Я делаю глоток вина.

— Если быть честной, в постели он лучше всех, кого я знала. Но никому не говори.

— О, да ладно. Расскажи подробности.

Ее зеленые глаза искрятся любопытством.

— Ты уверена, что хочешь услышать сексуальные подробности о своем боссе? Ты не будешь чувствовать себя неловко, натыкаясь на него в офисе?

— Черт, думаю, ты права. Я не смогу смотреть на него как прежде, — она отмахивается. — Забудь. Лучше покажи мне бриллиант.

Я поднимаю руку и позволяю ей полюбоваться моим кольцом. Приход Сони,

определенно, поднял мне настроение. Я скучала по нашим беседам.

— Потрясающее кольцо. — Она поворачивает мою руку из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть. — Когда свадьба?

— Мы еще не решили. Мы много чего планируем. Ты знаешь, как много времени на все нужно.

— Да, представляю, как сложно будет найти свободное окно в его занятом графике. Этот мужчина постоянно рассекает по миру.

— Он обещал совершать меньше поездок после свадьбы.

Надеюсь, что он будет придерживаться этого обещания, потому что я не хочу торчать дома одна.

— Хорошо. — Соня снова меня обнимает. — Наслаждайся своей сказкой за всех нас. Мой принц ко мне не торопится.

Она отстраняется.

— Кстати, Дарлин больше не работает в «Слейд». Сучка ушла.

— Что произошло?

Надеюсь, что Уинстон не имеет отношения к ее уходу. Хоть она и была ужасным боссом, я не хотела бы, чтобы кто-либо потерял работу из-за меня. Но я никогда не обсуждала ее поведение с Уинстоном.

Соня закидывает ноги на диван.

— Я слышала, что ее уволили за разглашение конфиденциальной информации конкуренту. Все рады, что она ушла.

Я не успеваю ей ответить, снова звенит домофон. Мы обе с удивлением бросаем взгляд в сторону двери.

Соня вдруг запаниковала.

— Пришел Уинстон?

— Мне об этом неизвестно. Весь день он должен быть на встречах.

— Да, идет встреча за большим столом. Ты ждешь еще кого-то?

— Нет.

Я поднимаюсь с дивана.

Внизу не Уинстон, а его водитель, Марион.

— Он попросил тебя забрать?

Соня испытывает заметное облегчение.

— Без понятия. — Хватаю ключи. — Пойду, спущусь и выясню. Я скоро вернусь. Не уходи.

У Мариона внизу для меня посылка: большой кремовый чехол из-под одежды, который он вручает мне в руки с такой осторожностью, словно это ребенок.

— От мистера Слейда. Приятного дня.

Он оставляет меня стоять на ступеньках у входа в здание, гадающую, что там внутри.

Я возвращаюсь в квартиру, Соня смотрит ТВ-программу, растянувшись на диване.

— Не помню, когда последний раз я это делала.

— Делала что?

Я закрываю дверь ногой.

— Смотрела телек. — Она поднимает на меня взгляд. — Что это?

— Я знаю не больше тебя.

Кладу чехол на диван и ищу молнию.

— Давай выясним, — говорю я, находя «собачку».

Соня садится, чтобы лучше видеть.

Дюйм за дюймом обнажается белое содержимое портплекда, и когда там начинает виднеться тюль и шелк, до меня доходит, что прислал мне Уинстон. От ярости у меня начинают пульсировать виски, я застегиваю молнию обратно. Уверена, что оно стоило ему целое состояние, но мне плевать.

— Это свадебное платье? — Сони сияют глаза. — Как романтично. Никогда не слышала, чтобы жених присылал своей невесте платье в качестве подарка.

— Как и я.

Мои глаза жгут непролитые слезы.

— Сюрприз.

Но не такой, на который он надеялся.

Я чертовски зла. Похоже, что мне придется сегодня с ним увидеться.

Глава 17

Дженна

Я поворачиваюсь к Уинстону еще до того, как он входит в мою квартиру.

— Не могу поверить, что ты сделал это.

Как только Соня ушла, я позвонила ему в офис. Он был на собрании, но я настояла, что это срочно. По телефону я не сказала ему, о чем хочу с ним поговорить, только попросила его приехать ко мне сразу после работы.

Настоящей пыткой было ждать, когда он придет, и я решила провести время за яростной уборкой: отскребала полы и мыла окна, чтобы занять себя и не сойти с ума от ярости.

А теперь вот он, улыбается, как будто ничего не случилось.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду. — Он прислоняется к косяку. — Могу я войти?

Будучи все еще на взводе, я делаю шаг в сторону. Он входит в мою квартиру, выглядя, как обычно, не к месту.

Как только дверь закрывается, я скрещиваю руки на груди.

— Ты серьезно?

— Очевидно, что я сделал что-то не так, а ты не говоришь мне, что, — он улыбается. — Ты получила мой сюрприз?

— Как раз о сюрпризе.

Я на несколько секунд закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, но не помогает. Я открываю их.

— Когда мы разговаривали в Мисти Коув, я попросила тебя не принимать больше никаких решений, не посоветовавшись со мной. Ты знал, что я чувствую себя немного подавленной. И что же ты сделал?

Я взмахиваю руками и опускаю их по бокам.

— Ты пошел и купил свадебное платье. Мы даже не знаем, когда поженимся.

— Я знаю, — просто отвечает он. — Ангелия уже зарезервировала дату. Я собирался сказать тебе, как только мы увидимся.

— Все лучше и лучше.

Я кладу ладонь на лоб, игнорируя головную боль в затылке.

— Не могу поверить. Не могу тебе поверить, — с сарказмом смеюсь. — Так скажи мне, Уинстон. Когда я должна появиться на собственной свадьбе?

— Мы поженимся через месяц, тридцатого июля. Если бы ты приехала в Нью-Йорк раньше, ты бы это знала. Но ты решила держаться в стороне. Пока ты отсутствовала, я сделал то, что должен был сделать.

— Так ты начал планировать нашу свадьбу без меня?

— Не то, чтобы у меня был выбор.

Я вижу, как он сжимает челюсти. Очевидно, что он не считает, что сделал что-то не так, и это выводит меня из себя.

Он опускается на диван и вытягивает ноги.

— Я оказал тебе услугу. Когда ты сказала мне, что находишься в растерянности, я захотел помочь. Организатор свадеб — профессионал, все идет в соответствии с планом. Тебе и пальцем не нужно шевелить.

— Согласно твоему плану, а не моему. Я чувствую себя так, будто буду гостем на собственной свадьбе.

Я вращаюсь кругами от ярости.

Наконец, я поворачиваюсь к нему снова.

— Ты не понимаешь, да? — Я перевожу дыхание. — Я в растерянности не из-за свадьбы. А из-за наших отношений. Проблема в том, что ты составляешь планы и принимаешь решения без меня.

— Как я и сказал, я сделал это ради тебя.

Его голос выдает напряжение.

— Нет, Уинстон. Ты делаешь это ради себя. Ты думаешь только о себе.

Он вскакивает на ноги, встает передо мной, берет за плечи и заглядывает в мои глаза.

— Я так сильно люблю тебя, Дженна. Я хочу, чтобы все сложилось. Я не знаю, чего еще ты от меня хочешь. Я изо всех сил пытаюсь сделать тебя счастливой.

— Но все складывается не так, потому что ты делаешь все не правильно. Сейчас ты только тем и занимаешься, что делаешь меня несчастной. — Я пытаюсь сдержать слезы и часто моргаю, чтобы прояснить затуманенное зрение. — Ты ведешь себя, как эгоист.

Я не знаю, как это произошло, но он отпускает мои плечи и бьет меня ладонью по щеке. Я чувствую, как горит щека, и прижимаю ладонь к больному месту.

— Как ты смеешь?

— О, боже мой. Детка, прости. — Его глаза широки от ужаса. — Я не хотел.

Он подносит руку к моей щеке в попытке меня утешить.

— Не смей.

Я отшатываюсь от него и подхожу к окну. Мое сердце разбивается. Затем я медленно поворачиваюсь и вижу, что он наблюдает за мной. Он выглядит таким же потрясенным, как и я. Никогда бы не подумала, что он может меня ударить. Да как он смеет? Ни у одного мужчины нет права бить женщин.

— Убирайся.

Дрожащей рукой я указываю на дверь, у меня так сильно сдавило горло, что слова даются с трудом.

Он бросается ко мне.

— Прости, милая. Я не знаю, что на меня нашло. — Он складывает руки в умоляющем

жесте. — Я не хотел этого делать.

— Похоже, ты полон сюрпризов. Последнее время ты постоянно меня удивляешь. Мне не нравится человек, что стоит передо мной.

— Не говори так.

Его голос охрип. Я вижу искру гнева в его глазах. Сейчас он очень похож на своего брата. В его глазах та же тьма.

— Такого больше не повторится.

Он снова пытается меня коснуться, но я дергаюсь в сторону.

— Ты прав, — говорю я. — Такого больше не повторится.

Мне все равно, что он миллиардер или самый завидный холостяк в мире. Мне все равно, что секс с ним крышесносен. В данный момент меня лишь заботит желание защититься от него.

Что, если я выйду за него замуж, а он решит бить меня чаще? Что, если он начнет считать, что я принадлежу ему, и станет делать, что хочет? Я не хочу это выяснять.

— О чем ты? — Его голос дрожит. — Ты меня вышвыриваешь?

— Именно так.

По моей шее текут слезы.

Внутри я плачу, оплакиваю то, что мы могли бы иметь, сказку, которая вот-вот закончится.

— Прекрасно. — Он запускает руку в волосы. — Тебе нужно время подумать. Я это уважаю. Позвони мне, когда мы сможем поговорить. Я заглажу свою вину перед тобой. Обещаю.

— Мне не нужно, чтобы ты заглаживал передо мной вину. Теперь я знаю твое истинное лицо. — Улыбаюсь сквозь слезы. — Я не... не этого я хочу.

— Ты со мной расстаешься? — спрашивает он тихим, напряженным голосом.

— Думаю, да. — Я ломаю перед собой руки. — Я не могу выйти замуж за мужчину, который меня бьет. Не думаю, что смогу доверять тебе снова.

— Это был не я. — Он засовывает руки в карманы. — Детка, поверь мне. Это был не я.

— Если я останусь с тобой, и ты снова меня ударишь, вероятно, ты скажешь то же самое. Все кончено. Я больше так не могу.

— Вот так? — Он морщит лоб. — Ты ставишь на нас крест вот так просто?

— То, что ты сделал, непростительно. Я не такая женщина.

Ссутулив плечи, он подходит к двери и поворачивается.

— Я не смогу тебя отпустить, Дженна. Я слишком сильно тебя люблю.

— Если это твоя любовь... — я показываю на свою саднящую щеку. — ...то я предпочитаю жить без нее.

Я опускаюсь на диван и кладу ладони на колени.

Теперь он выглядит злым, выражение его лица предвещает грозу. Он ударил меня. Что, если он потеряет контроль и сделает так снова? Что, если он не выносит, когда его отвергают?

Он пересекает комнату, подходит ко мне снова и садится рядом со мной на диван. Тоже кладет ладони на колени и устремляет взгляд прямо.

— Верь мне, когда я говорю, что я не такой. То, что произошло... такого больше не повторится.

Он снова встает и идет к двери. В этот раз открывает ее. Бросив на меня последний

взгляд, он уходит из моей квартиры и закрывает за собой дверь.

В одиночестве я опускаю голову на руки и позволяю слезам свободно течь, пока вокруг меня рушится мир. Разбитые куски моего сердца, острые и заостренные, причиняют адскую боль.

Я плачу, как минимум, час, затем стаскиваю себя с дивана и подхожу к окну.

О, боже мой. Его машина все еще снаружи. Очевидно, что ему сложно уехать. Но к тому, что у нас почти было, возврата нет. В реальной жизни сказок не бывает, они живут лишь на страницах книг. Любовь не должна причинять страдания. Я покончила с ним.

Глава 18

Дженна

— Все кончено, — признаюсь я Хизер по телефону. — Я порвала с Уинстоном.

— Что? Почему? Я надеюсь, ты сделала это не из-за того, что я сказала.

Я делаю вдох через забитый нос.

— Нет. Мы были слишком разными. Хотели разного.

— Ты уверена, что хочешь именно этого? — осторожно спрашивает Хизер.

Я хочу рассказать ей, что сделал Уинстон, разделить свою боль с человеком, которому доверяю, но не могу заставить себя сделать это. Я не знаю, что меня останавливает. Может быть стыд.

— Да, думаю, это то, чего я хочу. — Прикусываю губу. — По правде говоря, между нами что-то было не так еще с момента помолвки.

— Ты хорошо все обдумала? — добавляет Хизер. — Просто это так внезапно, вот и все.

— Мне не нужно это обдумывать. Глубоко внутри, я каким-то образом знала, что то, что между нами, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Вернувшись в Нью-Йорк, я поняла, что ничего не получится.

Хизер долго молчит. На заднем фоне играет приглушенная музыка.

— Как он это воспринял? — спрашивает она с мягкостью в тоне.

Я встаю с дивана и подхожу к окну в гостиной. Машины Уинстона там больше нет.

— Он не хотел меня отпускать, но я приняла решение.

— Мне так жаль, милая. Я знаю, как сильно он тебе нравился.

— Или, может быть, я обманывала себя, думая, что он мне нравится. Может быть, меня закружил его мир роскоши и романтики, и я не могла думать ясно.

— Нет ничего плохого в романтике, — произносит Хизер. — С правильным мужчиной романтика прекрасна.

— Знаю. Наверное, он не был моим единственным.

— Ладно, сладкая, — голос Хизер тихий и успокаивающий. — Если ты довольна своим решением. Я тебя поддерживаю.

— Думаешь, мне стоит прямо сейчас позвонить маме с папой... рассказать им?

Мне их жаль, особенно отца, который так радовался новому бизнесу. Теперь, когда Уинстона больше нет в моей жизни, думаю, что уговор отменяется. Но иначе было нельзя.

— Ты кажешься очень расстроенной. Почему бы тебе не подождать до утра? Сначала переспи с этим.

— Может быть, ты права. Не думаю, что прямо сейчас у меня есть силы разобраться с

их разочарованием. — Я потираю свои уставшие глаза. — Может быть, я приеду домой через пару дней. На какое-то время мне нужно покинуть Нью-Йорк.

— Хорошая мысль. Если тебе что-нибудь понадобится, я тут.

После завершения разговора я выхожу из спальни, чтобы принять долгий горячий душ, желая, чтобы вода смыла боль, но она остается. Я стою под горячими струями, а по моим щекам текут слезы. Я расстроена, что наши отношения подошли к концу, но больше всего от того, как все закончилось, что привело меня к такому решению.

Я тянусь к своему гелю для душа с ароматом кокоса, который я купила в супермаркете на Мальдивах. В тот момент, когда я выдавливаю гель на губку, запах сразу же напоминает мне о времени, что мы провели с Уинстоном вместе.

Я закрываю бутылочку и беру другую, которая не приносит с собой горьких воспоминаний. А затем скребу себя до покрасневшей и оцарапанной кожи.

Выхожу из стоячего душа и встаю перед зеркалом, от моей теплой кожи исходит пар. Пар тут же уносит прохладный воздух, дующий из окна, оставляет мурашки.

— Ты поступила правильно, — мягко говорю я себе. — Ты выбрала себя. Ты заслуживаешь лучшего.

Подходя к двери ванной, все еще обнаженная, я еще больше уверяюсь в своем решении. Но когда я пересекаю порог, дыхание застревает у меня в горле, и я застываю.

Уинстон сидит на моей постели, извиняется взглядом.

По моей спине пробегает холодок.

— Что... что ты здесь делаешь?

Я быстро подхожу к комоду у стены и хватаю чистое полотенце. Больше я не чувствую себя уютно рядом с ним обнаженной.

Я знаю, как он вошел. Когда мы вернулись с Мальдив, он попросил запасной ключ. Я колебалась, но посчитала, что раз он мой жених, какой от этого вред?

Не успеваю подойти к комоду, он настигает меня и хватает за руки. Я пытаюсь с ним бороться, но он толкает меня к стене рядом с зеркалом, ведущим в скрытую гардеробную.

— Я не могу отпустить тебя, Дженна. — Его речь смазана из-за алкоголя. — Мы принадлежим друг другу.

— Отпусти меня, — произношу я сквозь сжатые зубы, когда его пальцы впиваются в мою плоть. — Все кончено.

— Нет, не может быть кончено. Мы будем вместе всегда.

Я не успеваю его оттолкнуть, он подхватывает меня на руки и бросает на постель, прижимает меня своим телом, не давая уйти.

В моем горле застревает рыдание, когда он просовывает между нами руку, чтобы расстегнуть ширинку.

— Я так сильно хочу тебя, детка.

— Слезь с меня! — кричу я. — Какого черта ты творишь?

— Я беру то, что принадлежит мне. Ты моя. — Он с силой целует меня в губы.

— Позволь мне показать тебе, как сильно я люблю тебя.

Своим весом он сильнее вдавливая меня в матрас, я не могу освободиться. Меня охватывает страх, когда он раздвигает мне ноги и тотчас же входит в меня.

— Никто не сможет дать тебе этого.

Он толкается глубже, и с моих губ срываются вздохи.

Мое тело отзывается на него, как и обычно. У меня уходит вся сила воли на то, чтобы не

отвечать на его движения. Но мне все равно, чего хочет мое тело. Мое сердце желает другого. Я продолжаю бороться, толкаю его изо всех сил, царапаю его ногтями. Но он сильнее. С его губ срываются проклятия, когда он хватается меня за запястья и заводит мне руки за голову, его губы снова находят мои.

— Только я могу дать тебе это, — его слова приглушены поцелуем, но я все еще четко их слышу. — Еще не кончено.

Он повторяет эти слова, толкаясь во мне, подчеркивая каждое слово толчком.

— Я больше тебя не хочу, — рыдаю.— Ты не... Я больше тебя не люблю.

Мои слова поражают его настолько, что на мгновение он останавливается, лишь на одно сердцебиение, а затем продолжает вламываться в меня, повторяя эти слова.

— Еще не кончено.

Его лицо искажено гневом, на лбу вздулись вены. Я вижу перед собой незнакомца.

Я плюю ему в лицо, продолжаю кричать, чтобы он остановился. Меня не удивляет, когда он снова бьет меня. Я знаю, что он сделает это снова.

Так что я перестаю сопротивляться и жду, когда он закончит. Позволяю ему взять то, что он хочет, после он может проваливаться из моей квартиры и из жизни.

К моему ужасу, в тот момент, как я перестаю бороться, его руки перемещаются к моей шее, а пальцы сжимаются вокруг моего горла. Сейчас его глаза закрыты, но я с силой вытаращиваю свои, когда он сжимает мое горло.

Меня охватывает паника, я пытаюсь разжать его пальцы, потому что мне очень больно. Он не позволяет мне этого сделать, мне сложно дышать. Чем больше я борюсь, тем сильнее становится хватка.

Он все еще толкается во мне и повторяет, что все еще не кончено. Он повторяет эти слова, как мантру.

В моей голове так громко кричит тревога, что я больше не слышу его слова.

«Отпусти меня», — произношу я про себя. Я не в состоянии произнести их вслух.

Мне не хватает воздуха, и силы покидают меня. Теперь я в состоянии лишь легко похлопывать его по рукам.

Его глаза все еще закрыты, так, что он не может видеть боль на моем лице. Я хочу, чтобы он посмотрел на меня, увидел то, что он делает. Он не хочет меня убивать. Я не хочу в это верить. Он скоро остановится. Я снова смогу дышать.

Его глаза остаются закрытыми. Его руки продолжают душить меня, сердце готово вот-вот взорваться у меня в груди, тело начинает дрожать.

— Я люблю тебя, Дженна. Все не кончено, — продолжает повторять он.

Я почти не слышу его из-за шума крови в ушах. Мое зрение начинает затуманиваться. Свет в глазах тускнеет, и я закрываю глаза до того, как они закроются сами. *Все кончено.*

Глава 19

Уинстон

Я распахиваю глаза. В моих венах грохочет кровь, и я все еще повторяю слова, которые я хотел, чтобы она услышала. Затуманенным зрением я вижу ее прекрасное лицо, хоть жизнь уже покидает ее тело. Я хочу остановиться, но во мне есть что-то, что-то темное, не желающее меня отпустить.

Я усиливаю хватку, и по мне проносится приятный прилив адреналина. Мысль, что она умрет, не полюбив никого другого, кроме меня, дарует мне ощущение власти, которое я не испытывал никогда прежде, даже в зале совещаний.

Но приятные ощущения длятся только до того момента, пока я не выхожу из ее тела и не отпускаю ее шею. Внезапно реальность того, что я совершил, накатывает на меня, как приливная волна. Мои внутренности сковывает внезапный страх, пока я смотрю на безжизненную нее, лежащую подо мной, как тряпичная кукла. Минуту назад я слышал ее голос, а теперь заставил ее замолчать навеки. Я не чувствую у нее пульса.

Святое дерьмо. Я убил ее. Я убийца.

Я бью себя кулаками по вискам, так сильно, что это приносит боль. Что я натворил?

— Мне ж-жаль. — Слезы душат меня. — Мне так жаль.

Я подношу свое лицо к ее. Прижимаюсь к ее бледным губам, а мои слезы смешиваются с последними слезами, которые она пролила перед уходом из этого мира.

Я умоляю ее вернуться, чтобы иметь возможность все исправить, но уже слишком поздно. Я убил любовь всей своей жизни, и возврата назад нет.

Дверной звонок где-то в здании возвращает меня в реальность.

Со слезами на щеках я перехожу к действию и одеваюсь. Мне нужно убираться отсюда.

Я пересекаю комнату, направляясь к двери, затем резко останавливаюсь и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на то, что я натворил. Куда я пойду? В комнате столько улик, что хватит, чтобы посадить меня на долгий срок, возможно, пожизненно. Со мной покончено.

Я заставляю себя успокоиться, думать ясно. Тяжело думать с засевающим в голове страхом. Я до ужаса напуган тьмой внутри себя. Я монстр, и даже не знал этого. Все это время я думал, что это мой брат зло.

Что, бл*ть, я теперь буду делать? К кому мне обратиться?

На ночном столике звенит ее телефон, от моего лица отливает вся кровь. Я быстро его хватаю. Если он будет продолжать звонить, кто-нибудь может услышать. Моя рука сжимается вокруг телефона, с которого Дженна звонила мне.

Мое сердце сжимают холодные пальцы ужаса, когда на экране высвечивается имя ее сестры.

Я отношу звенящий телефон в гостиную, где, испытывая головокружение, падаю на диван. Меня заставляет застыть тревожная мысль. Что, если Дженна поговорила со своей сестрой? Что, если Хизер знает, что мы расстались? Если она узнает, что ее сестра мертва, то у нее могут возникнуть подозрения.

Я жду, когда телефон перестанет звонить, и отключаю его.

Все еще неуверенный, что же делать, я встаю посреди комнаты. Смотрю на свои руки. Как они могли это сделать? Как они могли причинить ей боль? Я не хотел этого делать. Я не хотел.

В тишине я слышу голос своего брата. *Мы с тобой похожи, ты и я.*

Я хочу прогнать эту мысль из головы, но что, если Трэвис единственный, к кому прямо сейчас я могу обратиться? Что, если у меня нет выбора, кроме как впустить его обратно в свою жизнь?

Я не знаю, сможет ли или захочет ли он мне помочь, но мне нужно с кем-то поговорить. В такие времена от тебя отворачиваются даже члены семьи.

Трэвис берет трубку с восьмого гудка.

— Чего тебе, бл*ть?

— Ты мне нужен. — Я с усилием сглатываю. — Мне нужна твоя помощь, Трэвис.

На другом конце линии короткое молчание.

— И когда это я стал тебе нужен? У тебя всегда все было разложено по полочкам. Ты мистер идеальность, живущий идеальной жизнью.

— Нет. — Трясу головой. — Я не идеален.

Я долго колеблюсь, гадая, хорошая ли это идея. Мой язык решает за меня.

— Я совершил нечто ужасное.

— Нечто ужасное?

— Я так и сказал, мужик. Да... Я...

— А вот это впервые, — он усмехается. — Ты никогда не переходил границы.

— Послушай, Трэвис, прости за то, что случилось между нами. Прямо сейчас мне нужна твоя помощь. Я не знаю, к кому еще обратиться.

— Так что ты натворил?

Я слышу, как он зевает.

Я бросаю взгляд на входную дверь, словно ожидаю, что ее выбьют.

— Не могу сказать по телефону.

Трэвис стонет.

— Где ты?

Я называю ему адрес квартиры Дженны и вешаю трубку. Он приезжает двадцатью минутами спустя. Это самые долгие двадцать минут в моей жизни. Я даже испытывал соблазн сбежать. Но я не смогу выйти сухим из воды после убийства.

Как только он входит, его внимание привлекает открытая бутылка шампанского на кофейном столике. Он берет ее и пьет прямо из бутылки.

— Так зачем ты притащил меня сюда? — Он вытирает губы тыльной стороной ладони. — Что случилось? Ты выглядишь дерьмово.

Я сжимаю и разжимаю кулаки, глядя на дверь, ведущую в спальню.

— Случилось нечто ужасное. Я совершил нечто... ужасное.

Трэвис откидывается на спину на диване, скрещивает руки с самодовольным выражением лица.

— Никогда бы не подумал, что увижу этот день. Расскажи подробнее. Должно быть, это действительно нечто ужасное, раз ты так выглядишь.

Я не веду Трэвис тотчас же в спальню, потому что мне нужно подготовить его к тому, что он увидит.

— Я ударил ее. Дал ей пощечину.

Я не хочу даже верить в слова, что срываются с моих губ.

— Святое дерьмо. Ты ударил женщину? — Он громко смеется. — Похоже, что мы все-таки похожи.

— Я не такой...

Я прикусываю язык, прежде чем скажу нечто, что настроит его против меня. Сейчас я в его милости.

— Тебе понравились ощущения? — спрашивает он. — Невероятное ощущение полной власти?

Я игнорирую вопрос.

— Она хотела уйти от меня, — произношу я до того, как утрачу смелость. — Я любил

ее. Я не хотел ее терять.

— Она бросила тебя?

Трэвису скучно.

— Нет. — Я закрываю лицо руками и издаю стон. — Я убил ее.

Трэвис вскакивает с дивана и бросается ко мне. Он подходит так близко, что я чувствую его дыхание, пахнущее шампанским.

— Ты только что сказал, что убил ее?

— Я не... я этого не планировал. Так вышло.

— Конечно же, просто так вышло. — Он массирует подбородок. — Где ее труп?

Его слова поражают меня, как удар молнии. Теперь Дженна всего лишь труп.

Я не говорю ему, просто прошу идти за мной в спальню. Увидев ее, он устремляется к кровати. Собирается прикоснуться к ней, но останавливает себя. Он поворачивается ко мне с дикими глазами, но в то же время в них горят искры восторга.

— Ты задушил ее.

— Я не хотел. — Зарываюсь пальцами в свои вспотевшие волосы. — Я любил ее... слишком сильно.

— Она хотела тебя бросить, так?

Я киваю и отворачиваюсь, чтобы не видеть тело Дженны.

Трэвис кивает и выводит меня из спальни в гостиную.

— Тебе нужна помощь.

— Ты пойдешь к копам? Ты настучишь на меня?

В данный момент я готов принять любое наказание, хоть и напуган до чертиков.

Он усаживает меня на диван и говорит мне ни к чему не прикасаться.

— Мы братья. Конечно же, я не сдам тебя.

— Спасибо.

Мои плечи опускаются от облегчения. Никогда бы не подумал, что буду за что-либо благодарить Трэвиса.

— Я не знаю, что делать. Я не хочу идти в тюрьму.

— Эй, перестань сходить с ума. — Он кладет крепкую ладонь на мое плечо. — Я могу тебе помочь. Я точно знаю, что делать.

— Знаешь?

Я все еще боюсь доверять ему. Одно я знаю наверняка, любая его помощь будет стоить мне кучу денег.

— Ты кое-что обо мне не знаешь.

Он засовывает руки в карманы и подходит к окну.

— Это не первое мое родео, братец.

Трэвис медленно поворачивается.

— На моих руках тоже была кровь, много крови.

Мое нутро покрывается льдом, когда он садится рядом со мной, я понимаю, что отодвигаюсь, словно он сам дьявол.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Как раз то, о чем ты подумал. — Он делает паузу. — Я совершал это три раза. Каждый раз ощущения были сильнее предыдущих.

У меня пересыхает во рту, а руки сжимаются в кулаки.

— Как...

— Сейчас это неважно. Самое главное, что я убивал людей, и мне это сходило с рук. Ты можешь позволить мне помочь тебе или сдать властям. Тебе решать.

Он прав. Вопросы могут подождать, хоть я и в шоке от сказанного им. Я делаю глубокий вдох.

— Как ты мне поможешь?

— Я? Нет, мужик. Это больше, чем ты или я. Нам нужна помощь со стороны.

— Нет. — Я трясусь головой, в моей голове лихорадочно проносятся мысли. — Мы не можем рассказать кому-то. Я не могу никому доверять.

Перед глазами мелькает изображение моего лица в утренних газетах. Есть много недостатков в том, чтобы быть хорошо узнаваемым.

Трэвис возвращается в спальню. Я иду за ним на шатких ногах.

— Я знаю людей, которым можно доверять. Они уже помогали мне.

Он снова подходит к кровати.

Мне не приятно, что он видит обнаженное тело Дженны, так что я беру простынь и прикрываю не только ее тело, но и ее лицо.

— Кому ты хочешь рассказать?

— Моим близким братьям.

— Братьям?

Он садится на край кровати. Ему все равно, что Дженна от него всего в нескольких дюймах.

— Наверное, пора тебе узнать, что у меня за бизнес. — Он наклоняет голову набок. — Это эксклюзивный клуб для таких мужчин, как мы.

Он задирает рукав своей футболки. На его предплечье выбита татуировка со словом «Полночь».

— Что это, бл*ть? — Я качаю головой. — Что ты имеешь в виду, говоря «мужчин, как мы».

— Мы называем себя Братьями, клубом «Полночь». Мы — группа хороших мужчин, делающих плохие вещи. Мужчин, ведомых похотью и жаждой крови.

— Это не я.

Я с усилием сглатываю.

— Можешь отрицать, сколько хочешь, Уинстон, но глубоко внутри мы с тобой оба знаем, что это лишь вопрос времени, когда проявится твоя темная сторона. Между нами есть сильная связь. Только так вышло, что она оказалась тьмой.

Он надувает щеки и выпускает воздух.

— У тебя есть выбор, позволить ли мне попросить друзей помочь тебе или отправиться в тюрьму. Некоторые из членов Братства являются шефами полиции, судьями, адвокатами, мэрами и влиятельными людьми, которые могут прикрыть твою задницу. Они все знают, что значит быть на твоём месте.

— Они убийцы? — Я начинаю жалеть, что попросил Трэвиса о помощи. — Не знаю, Трэвис. Я не знаю, хочу ли...

— Что ж, — он встает с кровати, — тогда вперед, езжай в ближайший полицейский участок. Покажи им свои окровавленные руки.

— Ладно. — Я с отчаяньем цепляюсь за его руку. — Как ты планируешь все скрыть?

— Есть много вариантов. Можем изобразить суицид. Может, она не смогла пережить расставание, — Он пожимает плечами. — Или она может просто исчезнуть без следа.

— Это не я с ней порвал. Она со мной.

Я все еще слышу ее слова, говорящие мне, что все кончено. Они снова причиняют боль.

— Но она мертва. Твое слово противее. Так ты хочешь, чтобы я помог тебе или нет? Или ты лучше отправишься в тюрьму за убийство?

Через некоторое время, я киваю, надеясь, что не вляпался в еще большее дерьмо.

Глава 20

Уинстон

Как только я решил довериться Трэвису, он совершил звонок. Пятнадцатью или двадцатью минутами спустя, они приехали на черном «мерседесе» с затонированными стеклами и припарковались в паре кварталов от дома Дженны.

Мне никогда не было так страшно, как тогда, когда я садился на заднее сидение машины. Пока я сидел там и ждал их вердикта, мое сознание почти отключалось.

В машине всего двое мужчин в костюмах. Тот, что со шрамом на боковой стороне лица, рассматривает нас с весельем с пассажирского сидения.

— Я и не знал, что вас двое.

Его лицо расплывается в усмешке, обнажающей неестественно белые зубы.

— Как и я, — отвечает Трэвис, — узнал три года назад. Мы...

— Твоя история братской любви меня не интересует. Есть неотложные дела. — Он сводит брови вместе. — Ты сказал, что он нуждается в нашей помощи? Ты же знаешь, что это значит?

Трэвис ерзает на сидении.

— Да.

Я наклоняюсь к Трэвису.

— Не думаю, что смогу пойти на это. Может быть, мне стоит сдать.

— Мы помогаем только членам, — тихо произносит мужчина на водительском сидении. — Он не член.

— Он никому о нас не расскажет, — быстро отвечает Трэвис. — Он хочет присоединиться к клубу.

Трэвис смотрит в окно.

— Сегодня ночью он совершил убийство. И он готов заплатить нам много денег в обмен на защиту.

У меня сжимается желудок, пока они спорят. Двое мужчин, очевидно, обозлены на Трэвиса.

В конце концов, Лицо со шрамом поднимает руку.

— Давайте дадим незнакомцу шанс высказаться, — Он прищуривает глаза, глядя на меня. — То, что он говорит, правда?

Я киваю.

— Мне нужна ваша помощь. Я никому о вас не расскажу.

— Да, не расскажешь, — Лицо со шрамом усмехается. — Одно слово, и ты труп.

Я колеблюсь.

— Хорошо.

— Если мы согласимся принять тебя в клуб, ты будешь платить ежемесячный взнос, а в

обмен члены клуба будут держать в секрете твои грязные тайны. — Он щелкает суставами на пальцах. — Но от тебя требуется следовать правилам.

Он поднимает палец.

— Правило номер один: каждому члену допускается только одно убийство в год. Правило номер два: о каждом убийстве следует сообщать, потому что оно сказывается на всех нас.

От моего лица отливает кровь, когда я смотрю на Трэвиса, который смотрит строго вперед. Он не говорил мне, что убийства, совершаемые членами клуба, не случайности. Эти люди профессиональные убийцы, получающие от этого наслаждение.

— Я больше не планирую никого убивать.

Мои руки сжимаются в кулаки. *Во что я, бл*ть, вляпался?*

— Никогда не говори никогда, — бормочет Трэвис рядом со мной.

Я бросаю на него ледяной взгляд.

— Что, если я откажусь присоединиться к клубу?

— Ты умрешь, — отвечает водитель. — Ты станешь для нас угрозой.

Гребаный ад. И этого Трэвис мне не говорил. Глядя на него, я чувствую, что готов вот-вот взорваться.

— Ты позволишь им убить меня?

В этот раз он поворачивается ко мне лицом.

— Я верен Братьям. Они мне такие же братья, как и ты.

— Мне не говорили, что я должен присоединиться насильно.

— Не насильно, — говорит он, смотря в окно. — У тебя все еще есть выбор: стать одним из нас или присоединиться к своей девушке в загробной жизни.

— У нас нет времени на это дерьмо, — резко произносит Лицо со шрамом. — Нам нужно сокрыть убийство.

Он встречается со мной взглядом.

— Ты в деле или хочешь умереть?

Я сжимаю кулаки, бросаю взгляд на Трэвиса, потом снова на них. Они говорят, что у меня есть выбор, но у меня его нет, я в отчаянии.

— Я... я в деле.

Нах*й их. Я никогда не стану частью их клуба убийц. После того, как они помогут мне сегодня ночью, я добьюсь изменения условий. Если мне придется заплатить им кучу денег, чтобы они меня отпустили, я заплачу.

— Хорошо.

Лицо со шрамом открывает дверь со своей стороны.

— Приступим к работе. — Прежде чем выйти, он поворачивается к водителю. — Оставайся здесь. Ты наша тень. Позвони всем членам, организуй сегодня вечером видеоконференцию. Всем членам, включая интернационалов, они все должны присутствовать.

Он выходит из машины и захлопывает дверь. Мы с Трэвисом тоже выходим.

По дороге к квартире Дженны мы не разговариваем. Чем ближе мы подходим, тем сложнее мне дышать. Когда мы добираемся до входа, в моем уме всплывает вид ее трупa, и я, спотыкаясь подхожу к обочине, меня рвет.

— Проклятие, — ворчит Лицо со шрамом, когда я заканчиваю, он кладет руку мне между лопаток и заставляет идти дальше. — Еще одно дерьмо, которое нам придется

убирать.

Когда мы, наконец, подходим к двери Дженны, у меня начинает кружиться голова, а глаза наполняются слезами.

— Не переживай. — Трэвис выхватывает у меня из руки ключ и открывает дверь. — Первый раз всегда самый тяжелый. Потом станет легче.

— Где тело? — спрашивает Лицо со шрамом.

— В спальне. Оно в спальне.

Я показываю на дверь, ведущую в спальню. Я не в состоянии снова войти туда, увидеть ее безжизненное тело. Так что я остаюсь в гостиной, пока Трэвис показывает Лицу со шрамом дорогу.

— Это шутка? — раздается в спальне голос Лица со шрамом. — В какую бл*дскую игру вы играете?

Несколько секунд спустя, он врывается в гостиную с искаженным гневом лицом.

— Ты сказал, что тело там. Где, бл*ть, оно?

— Я... ее там нет?

Меня простреливает выброс адреналина. Он заставляет меня, спотыкаясь, идти в спальню, Трэвис стоит у постели, прижимая ладонь ко лбу.

Дженны нет там, где мы ее оставили.

— Она жива, — тихо произношу я.

Я не убийца. На легких ногах я несусь к входной двери, пока Трэвис и Лицо со шрамом обыскивают комнату.

— Она не умерла, — кричу я, когда замечаю, что второй ключ отсутствует там, где Дженна хранит его у двери. Он был там, когда мы покидали квартиру. — Ключ... он исчез. Она ушла.

Я бросаюсь обратно в комнату, чтобы убедиться, что это правда.

Лицо со шрамом врывается в спальню из ванной.

— Ты еб*ный идиот. Ты не проверял пульс?

— Проверял, но...

Я делаю рваные вдохи.

— Я его не нашел. Я был в шоке.

Яжимаю плечами. На смену былому страху приходит уверенность.

— Для меня это отличные новости, джентльмены. Раз она все еще жива, наверное, я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

Лицо со шрамом бьет себя по лбу и взрывается смехом. Но быстро возвращает самообладание и встает передо мной.

— Брат, боюсь, что не все так просто.

Глава 21

Дженна

Никогда не считала себя везучей, но тот факт, что я сижу на полу в своем скрытом гардеробе — чистое везение. Если бы он сжал мое горло чуть сильнее. Если бы ему удалось найти пульс, я была бы мертва. Я все еще потрясена, что мне удалось заставить его поверить, что он убил меня. У меня нет сомнений, что если бы он понял, что я играю с ним, то

прикончил бы меня.

Я обхватываю свои ноги руками, прижимаю их к груди. Кошмар еще не закончился. Я могу быть живой сейчас, но одна ошибка, и они поймут, что я здесь.

Я стараюсь дышать, как можно тише, хоть мои легкие требуют кислорода, которого чуть раньше лишил меня Уинстон. Еще я не могу заплакать. Я могу лишь позволить слезам тихо скользить по моим щекам и не обращать на них внимания.

Они возвращаются до того, как я успеваю покинуть квартиру, попросить соседей о помощи. И они не одни. По голосам я насчитала трех человек: Уинстон, его брат и мужчина с глубоким хриплым голосом и немецким акцентом.

Пока они говорят, что надо найти меня и убить, пот течет у меня по спине и попадает в глаза. Они правы, что беспокоятся, что я убегу. Я слышала каждое сказанное ими слово, все ужасающие откровения, которые Трэвис сообщил Уинстону. Даже когда они говорили в гостиной, я слышала каждое слово.

Я никогда не была так рада тому, что живу в крошечной квартирке с тонкими стенами. Меня шокировало признание Трэвиса, что он убил троих людей. Я была опустошена открытием, что из себя на самом деле представляет Уинстон — монстр, которого я не хочу больше видеть.

— Ты обсуждал здесь наши дела? — спрашивает немец, отвечают ему тихим бормотанием. Я не могу понять кто, Трэвис или Уинстон.

— Ты совершил большую ошибку, Трэвис, — ревет мужчина. — Девушка была жива. Она слышала каждое слово.

От злых шагов пол дрожит. Догадываюсь, что мужчина настолько зол, что меряет шагами комнату. Когда он проходит мимо зеркала, у меня замирает сердце. Что, если он услышит стук моего сердца или заподозрит, что за зеркалом что-то есть?

Звуки становятся громче, ящики открывают и захлопывают. Они действительно думают, что я могла спрятаться в ящике? Это показывает, насколько отчаянно они хотят найти меня. Они хранят между собой секрет, который может надолго отправить их в тюрьму. И я знаю этот секрет. Если мне повезет покинуть квартиру, у меня не будет выбора, кроме как пойти к копам и рассказать им все.

— Где, бл*ть, она? — кричит незнакомец. — Как вы могли такое допустить?

Мой слух улавливает еще бормотание. Мужчина, должно быть, очень опасен, раз как Трэвис, так и Уинстон в ужасе перед ним. Даже отсюда я ощущаю их страх.

Слышится пара проклятий, что-то падает на пол, а затем наступает тишина.

— Ты облажался, Трэвис, по-крупному. Я надеюсь, ты понимаешь, что у твоих поступков будут последствия.

Сейчас голос мужчины понижен, но все еще несет в себе опасность.

— Я ее найду, — отвечает Трэвис. — Мы с Уинстоном... ее найдем.

— Еще как, бл*ть, найдешь, сучонок. И всадишь ей пулю в голову. Она должна умереть. Она в курсе про наши дела.

Голос незнакомца охрип от ярости.

— Как и твой братец. Кто, бл*ть, кого-то душит и не заканчивает работу?

— Мне жаль, — произносит Уинстон, и я падаю духом. — Я думал...

— Ты ошибался. — Скрипят пружины. Кто-то сел на кровать. — Твой брат-близнец создал этот чертов беспорядок, и он его уберет.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Я сделаю что угодно, — быстро говорит Трэвис.

— Это я и хотел услышать, — мужчина умолкает. — Теперь, когда мы знаем, что твой брат не убивал эту женщину, это меняет все.

— О чем ты? — медленно спрашивает Трэвис.

— Ты давно уже в этом бизнесе. Я думал, ты знаешь, что это значит. Но раз уж твой брат не знает, позволь я объясню.

Снова повисает молчание, но я слышу рваное дыхание и шорох ног.

— Раз он больше не подходит на то, чтобы стать одним из нас, он должен умереть.

Слушая слова мужчины, я начинаю дрожать. Я зажмуриваю глаза и заставляю себя не открывать их, или же я никогда не выйду из этой квартиры живой.

Он хочет убить Уинстона. Учитывая то, что он пытался сделать со мной, я желаю ему смерти, но только мысленно, потому что, в отличие от него, я не убийца даже в своей голове. Но я хочу, чтобы его посадили за попытку убийства.

— Нет. Я никому ничего не скажу, — умоляет Уинстон. Он никогда не был таким слабым и жалким. — Пожалуйста... вы не можете.

Мужчина смеется.

— Не переживай, не стану я тебя убивать. Твой брат тебя убьет.

Моя дрожащая рука перемещается к все еще саднящему горлу, когда до меня доходит смысл его слов. Когда Трэвис рассказал Уинстону о клубе «Полночь», я думала, он шутит. Но он не шутил. Меня ужасало слышать все те вещи, что он рассказывал, и меня вдруг осеняет, что он участник опасного клуба мужчин садистов, но я не предполагала, что они настолько хладнокровны, и, что я в огромной опасности.

Я прикусываю губу и сжимаю руки вокруг ног, чтобы они не тряслись. Больше всего на свете я хочу вырваться из этого гардероба и бежать за свою жизнь, но уверена, что немец даже не вздрогнет, когда застрелит меня в затылок.

— Ты хочешь, чтобы я убил своего брата? — спрашивает Трэвис. Он, кажется, нервничает.

— Ты уже убивал. Это будет вишенкой на торте.

— Но он мой брат.

— Послушай, парень. Ты испортил мне вечер. Я хочу убраться отсюда нах*й. Если ты его не убьешь, я убью вас обоих. Выбирать тебе.

Молчание нарушается лишь хныканьем, которое я уверена, исходит от Уинстона.

— Ты не можешь этого сделать, Трэвис, — наконец, произносит он. — Ты не можешь убить собственного брата.

— У меня нет выбора, — говорит Трэвис. — Я верен клубу «Полночь». Они моя настоящая семья.

— Нет, — голос Уинстона надломлен. — Отпусти меня.

По звукам ясно, что Уинстон, вероятно, пытается сбежать, а двое других мужчин пытаются остановить его.

— Вышиби ему мозги, или ты умрешь вместо него.

Теперь немец в ярости.

Он не успевает повторить, как в мое сердце врезаются звуки выстрелов. Они негромкие, потому что, вероятно, используется глушитель, но я слышу звуки смерти. Я чувствую себя так, будто падаю, и не знаю, как остановить это падение.

Я впиваюсь зубами в губу, чтобы не заплакать. Я все еще плотно зажмуриваю глаза. Если они сейчас не уйдут, я могу не выдержать. Нет, я должна постараться. Я не могу

умереть, не сегодня, не так.

— Знал, что в тебе это есть, — говорит мужчина. — Мои поздравления. Иди к машине. Мы должны уведомить Братьев. Еще нам понадобится прибраться здесь.

Слышны звуки шагов, затем хлопает дверь. Я уже готова расслабиться, когда до меня доносится голос Трэвиса. О, нет, он все еще в комнате.

— Прости, братец. Я не хотел, чтобы все так закончилось, — он вздыхает. — Но если быть честным, ты стоял на пути моего счастья. Твоя жизнь была моей.

Он прочищает горло.

— Не переживай. Я найду Дженну, трахну ее в последний раз от твоего имени, а затем отправлю к тебе. Это может занять время, потому что сначала я хочу с ней позабавиться.

Сердце бьется у меня в горле, когда он также покидает комнату. Когда дверь снова хлопает, я понимаю, что должна идти, или они найдут меня. Вероятно, они вызовут команду убийц, чтобы они пришли и избавились от тела Уинстона, и один из них может обнаружить гардероб.

Я открываю дверь и выползаю от туда, чувствуя себя так, будто пробираюсь сквозь воду. Я закрываю дверь и продолжаю ползти к двери. Меня мутит, когда я замечаю тело Уинстона на полу. Его застрелили в голову. Я сглатываю желчь и отворачиваюсь.

Я хочу встать, бежать, но меня ослабляет страх. С моего лица капает пот, и я все еще дрожу, продвигаясь к входной двери.

После нескольких попыток встать, мне удается выпрямиться на трясущихся ногах и открыть дверь. Не думаю, что долго смогу простоять, потому что меня уже охватывает головокружение. Я высовываю голову наружу, чтобы просканировать коридор, молясь Богу, чтобы они меня не увидели.

К моему облегчению, коридор пуст. Нет времени думать или колебаться. Спотыкаясь, все еще обнаженная, я иду к одной из дверей напротив моей квартиры. Я выбираю дверь старой миссис Реймонд, потому что она всегда дома. Я стучу со всех сил, какие мне позволяет мое ослабленное тело. Никто не подходит к двери.

Шум лифта внизу придает мне сил. Я стучу сильнее. Я уже готова уйти и попытаться достучаться в другую дверь, когда дверь открывается, и так как я опираюсь на нее, я вваливаюсь внутрь.

— Пожалуйста, — произношу я хриплым голосом. — Пожалуйста, закройте дверь.

Миссис Реймонд смотрит на меня, опустив брови, но делает так, как я попросила.

— Что с тобой произошло? Ты знаешь, что ты голая?

— Мне нужна ваша помощь, — произношу я сквозь рыдания. — Я в опасности.

У женщины отвисает челюсть, и я рассказываю ей краткую версию своей истории, прежде чем она решит меня вышвырнуть.

Когда я завершаю, она быстро подходит к дивану. Она берет домашний телефон и быстро передает его мне, а затем шаркает к двери, чтобы посмотреть в глазок.

— Они вернулись. Вызывай 911, — говорит она.

Ей не нужно просить меня дважды, но, когда я набираю 911, я знаю, что не все еще кончено. Если копы не смогут меня защитить, мне конец. Трэвис убил Уинстона. Он не остановится, пока не сдержит темное обещание перед ним. Если он меня не убьет, кто-то другой из клуба «Полночь» это сделает. Моя прежняя жизнь закончена.

